

П-151/2
7

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КОМИ ФИЛИАЛ

ИСТОРИКО-
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК

ВЫПУСК СЕДЬМОЙ

КОМИ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1962

П-151/2
7

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КОМИ ФИЛИАЛ

ИСТОРИКО-
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК

ВЫПУСК СЕДЬМОЙ

КОМИ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1962

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КОМИ ФИЛИАЛ

ИСТОРИКО-
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК

Выпуск седьмой

КОМИ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Сыктывкар 1962

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Безносиков Я. Н. (ответственный редактор), Давыдов В. Н., Жеребцов Л. Н., Колегова Н. А. (зам. ответственного редактора), Сахарова М. А., Федорова А. Н. (ответственный секретарь).

Ответственные за выпуск: Сахарова М. А., Федорова А. Н.

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

1. О местных названиях на «лук» в районе села Яренска
Архангельской области

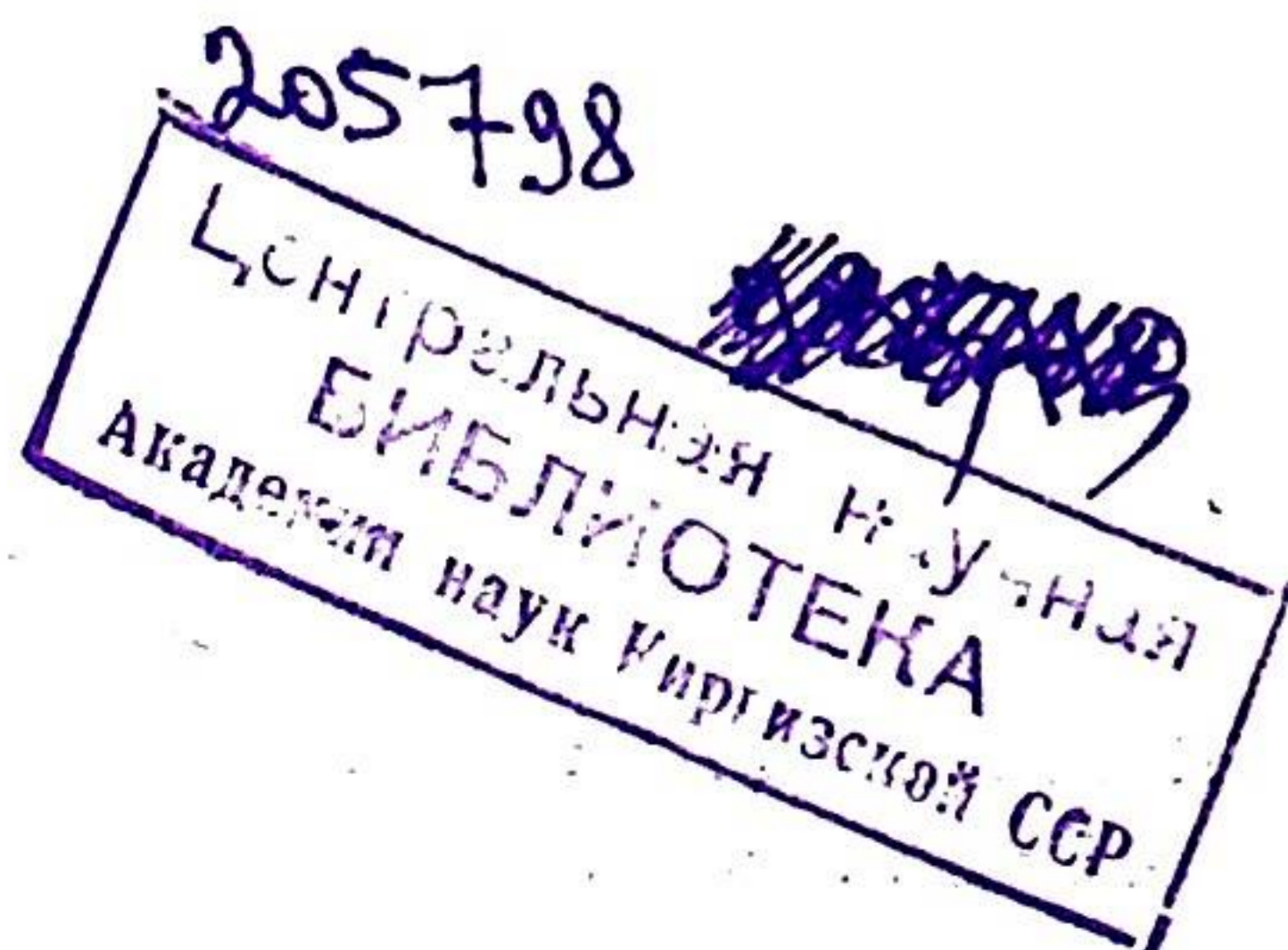
Топонимика и гидронимика в районе нижневычегодского села Яренска, находящегося недалеко от границы Коми республики¹, имеют разное происхождение. Названия рек типа *Яреньга*, *Шис*, *Ертом*, *Уктым* и т. д. принадлежат к каким-то неизвестным языкам древнего населения Нижней Вычегды. То же самое можно сказать и о названиях некоторых населенных пунктов, например, *Лена*, *Шонома* и т. д. Довольно заметный слой гидронимики и топонимики этого района составляют названия, объясняемые из языка коми, ср., например, названия мелких рек — *Чорва*, *Кишера* (в старых документах *Кишор*), названия ручьев — *Диндель*, *Коченашер*, озер типа *Себентьевское*, *Тыкала*, а также названия населенных пунктов — *Кожером*, *Шордынь*, *Ирта* (по объяснению В. И. Лыткина *йир ты* «озеро, изобилующее омутами»), *Вожэм*, *Цылиб*, *Ошлапье* и т. д.

Эти названия являются наглядным подтверждением того, что в более древнее время коми-зырянские поселения распространялись по Нижней Вычегде дальше современной границы Коми республики (около станции Межог Печорской железной дороги).

Любопытно также отметить, что в окрестностях некоторых деревень, расположенных восточнее села Яренска, так называемая микротопонимика (названия полей, мелких ручьев и т. п.) является коми-зырянской по своему происхождению. Ср., например, такие названия полей около деревни Лантыш², как *Тыдоръ-*

¹ с. Яренск находится в 20 км от станции Межог Печорской железной дороги.

² Деревня Лантыш находится в трех километрах к востоку от с. Яренска.

яльское (от *ты дор* «край или берег озера»), *Изъялуды* (от *изъя луд* «каменистое поле»), *Гоглуд* (от *гаг луд* «поле, изобилующее червями или насекомыми»).

Наиболее поздними по времени возникновения являются русские названия типа *Микшина гора*, *Выемково*, *Богослово*, *Борок*, *Софроновка*, *Курейная* и т. д.

Довольно загадочным по своему происхождению является небольшая группа населенных пунктов с характерным окончанием «*луг*» или «*лук*», например, *Матлуг*, *Базлук*, *Морготлуг*, *Казлук*.

Составной элемент этих названий «*луг*» или «*лук*» можно было бы возвести к русскому слову «*луг*», но оно как-то совершенно не вяжется с первыми элементами этих названий явно не славянского происхождения. Объяснить эти названия из языка коми не представляется возможным.

Характерная особенность населенных пунктов состоит в том, что все они находятся в пойме реки Вычегды, или непосредственно на берегу (Казлук), или вблизи старых, ныне уже высохших русел реки Вычегды. Мы попытались сопоставить составной элемент «*лук*» с хантыйским словом «*лук*», означающим «*курья*» («речная старица, не имеющая протока», «речной залив»). В мансийском языке это слово звучит как «*лох*».

Такое сопоставление дает возможность истолковать при помощи хантыйского языка и первые составные части этих названий. Так, например, название деревни *Матлуг*, находящейся вблизи от села Яренска, можно истолковать как «глубокая курья» (хантыйск. *мат* «глубокий» и *лук* «курья»). Правда, некоторые хантыйские диалекты имеют на месте *т* в слове «*мат*» глухое *л* — «*мал*», которое при восприятии этого слова зырянами или русскими могло быть воспринято как *т*, откуда название «*Матлуг*».

Действительно, эта деревня находится на краю бывшего старого русла Вычегды, и весьма возможно, что в древние времена около этого места была какая-то курья.

Название небольшого выселка *Морготлуг* может быть истолковано при помощи хантыйских слов *морых вот лук*, где *морых* означает название ягоды морошки (*морых вот* буквально «ягода морошки»). Можно предполагать, что *Морых вот лук* первоначально означало «курья, находящаяся около мест, богатых морошкой». Название селения *Базлук* опять-таки может быть истолковано при помощи хантыйских слов *посллух*, где *посл* обозначает «протоку». Следовательно, *Посллух* некогда означало «протоочная курья», или «курья около протоки».

Название населенного пункта *Казлук* может быть истолковано при помощи хантыйского слова *хутлук* (буквально «еловая курья» или «курья, находящаяся около елового леса»). Согласный *т* в хантыйском слове *хут* исторически возник из *с* (ср. финск. *kupsi* «ель», коми-зыр. *коз*). Древнее название современного «*Казлук*» могло иметь варианты типа «*Хуслук*», «*Хослук*» и т. д.

Все эти названия современных деревень *Матлуг*, *Казлук*, *Базлук* и *Морготлуг* могли возникнуть от названий речных стариц.

Создателями названий этих речных стариц могли быть какие-то народы, близкие по языку к современным обским уграм — манси и ханты.

Из истории известно, что обско-угорские народы в древнее время населяли местности к западу от Урала. Летописи упоминают названия народов «*югра*» и «*печора*». Название югра было, несомненно, названием предков современных вогулов или манси (ср. коми-зыр. *йӧгра* «вогул»).

Из-за постоянных набегов вогулов верховье Вычегды и бассейн Печоры были освоены коми-зырянским населением значительно позднее.

Проблематичным остается вопрос, как далеко на запад распространялись колонии обских угров. Весьма возможно, что в древнее время на Нижней Вычегде в районе современного Яренска была какая-то колония обских угров, близких по языку к хантам, след от которой остался в названиях населенных пунктов *Матлуг*, *Казлук*, *Базлук* и *Морготлуг*. Окончательно этот вопрос мог бы быть решен совместными усилиями лингвистов и археологов, ведущих поиски в данном направлении.

2. О судьбе древне-коми-зырянского слова «горт» («деревня») в современном языке коми

Некоторые названия населенных пунктов Коми республики содержат составной элемент «*горт*», например, *Важгорт*, *Вильгорт* и т. д. Происхождение этого элемента установить нетрудно. В родственном языке коми удмуртском языке имеется слово «*гурт*», означающее «деревня», например, *мыниз гуртэ* «ушел в деревню». Слово *горт* со значением «деревня» было некогда присуще и языку коми, подтверждением чего может быть слово *курт* «деревня» в хантыйском языке. Ханты в определенный период своей истории имели тесные взаимоотношения с коми. Поэтому хантыйское слово «*курт*» не могло быть заимствовано ими из удмуртского языка.

Названия типа *Важгорт* и *Вильгорт* возникли в тот период истории языка коми, когда слово «*горт*» еще сохраняло свое первоначальное значение. Однако позднее это слово было вытеснено его синонимами *сикт*, *грезд* и т. д. и сохранилось только в выражениях типа *мунны гортӧ* «идти домой», *пукавны гортын* «сидеть дома» и т. д. Такая изолированность употребления этого слова послужила причиной сдвига его первоначального значения. В современном выражении *муна гортӧ* «иду домой» слово «*горт*» вызывает представление отдельного дома, но не деревни, тогда как прежде выражение *муна гортӧ* означало «иду в деревню».

3. О былом значении коми-зырянского слова «сям» (уменье)

В современном языке коми слово «сям» означает умение, откуда глагол *сяммыны* «уметь». Необходимо заметить, что слово «сям» употребляется в нижневыхгодских русских говорах, прилегающих к границе Коми республики, в любопытном идиоматическом выражении «не хватать сямю», например, «расколоть дрова у него не хватает сямю», т. е. у человека не хватает сноровки или умения это сделать.

В этих же говорах употребляется глагол «семать» со значением «уметь что-либо делать»; «понимать в чем-либо толк». Сфера употребления глагола «семать» несравненно уже сферы употребления глагола «уметь». Глагол «семать» употребляется главным образом в абстрактном значении, например, «он ничего не семает», но нельзя сказать «я не семаю править лодкой» или «не семаю писать».

Возникает вопрос, что могло означать коми-зырянское слово «сям» в более древнюю эпоху? Ответ на этот вопрос может дать хантыйский язык, в котором слово «сём» означает «мощь, сила». Финно-угроведы считают слово «сём» в хантыйском языке заимствованием из языка коми.

Следовательно, в древнем языке коми «сям» также означало «силу, способность». Из первоначального значения «сила» могло легко развиться значение «уменье», поскольку между этими значениями есть известная логическая связь — *я не умею что-либо делать, потому что у меня нет силы, способности или потенции это сделать*.

4. О происхождении конечного *a* в формах типа «мунём-а» (он ушел)

Происхождение конечного *a* в форме типа *мунём-а* «он ушел» в коми-зырянском языке само по себе довольно загадочно. Как показывают данные языка древней коми-зырянской письменности, диалектов и родственного коми-зырянскому данные удмуртского языка в древнем языке коми этого окончания не было, ср., например, в древнепермском: *чужём* (ЛЕ 113, 116) «родился», *лэтчём* (ЛЕ 120) «сошел, спустился»¹. Отсутствие форматива *a* наблюдается также в пермяцких говорах, например: *мунём Мизя вөрö, босьтём дынас ньыл вудж* «Пошел Мизя в лес, взял с собою лук»².

Возникает проблема, откуда произошло конечное *a*. Может быть это *a* можно было бы отождествить с суффиксом *-a-* отно-

сительных прилагательных типа *вын-а* «сильный», *гос-а* «жирный», *вешөр-а* «умный», *вөр-а* «лесистый» и т. д. Однако присоединение суффикса *-a-* к форме причастия фактически невозможно, поскольку этот суффикс совершенно регулярно и закономерно присоединяется только к именам существительным и образует от них относительные прилагательные, например, *гос* «жир», *госа* «жирный», *вөр* «лес», *вөра* «лесистый» и т. д.

Отсюда можно сделать предположение, что форматив *a* по своему происхождению не тождествен суффиксу *-a-* относительных прилагательных. Некоторые опорные данные для решения этой исторической загадки дают те говоры коми-зырянского языка, где возможно факультативное употребление форм, имеющих *a*, и форм, не имеющих его, ср., например, в лузско-летском говоре: *И сылём вёлём шляпа сэтшём. Вот сэсса, значит, сийа шляпан мунёма пивнйё. «И у него была шляпа такая. Вот затем, значит, в этой шляпе он пошел в пивную»*¹.

Есть некоторые основания предполагать, что формы с конечным *a* в отличие от форм без *a* первоначально употреблялись в тех случаях, когда говорящий хотел особо подчеркнуть или выделить какое-либо действие. Для этих целей к простой форме типа *мунём* «он ушел» присоединялась особая усилительная частица *a*. С течением времени в некоторых формах это первоначальное различие утратилось и формы с формативом *a* по аналогии распространились повсюду. Этим объясняется тот факт, что в современном коми-зырянском литературном языке есть только формы типа *мунёма* «ушел», *босьтёма* «взял», но нет форм типа *мунём*, *босьтём*.

5. Почему в коми сказках вместо прошедшего времени иногда употребляется будущее время?

Употребление будущего времени вместо прошедшего в повествовательных стилях речи одинаково присуще как коми-зырянскому, так и русскому языкам. Ср. например: *Шонді лэччиг гөгөр шувгёмён төвзыштасы ю кузялаыс уткаяс, пуксясны ватагаён, суналёны да герчкёны. «На закате солнца с шумом пронесутся вдоль реки утки, сядут стаей, ныряют, крикают»* (Г. А. Федоров. *Повестьяс да рассказяс*).

Однако употребление будущего времени в этих случаях имеет определенный семантический оттенок. Будущее время выражает в обобщенном виде неоднократно повторявшееся действие в прошлом.

В отличие от русского языка, в коми-зырянском языке, особенно в сказках, будущее время может употребляться даже в тех случаях, когда оно не выражает обобщенной многократ-

¹ В. И. Лыткин. Древнепермский язык. Москва, 1952, стр. 113.

² В. И. Лыткин. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. Москва, 1955, стр. 43.

¹ В. И. Лыткин. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам, стр. 77.

ности действия, например: Сэсься *тио́ктас* чуш йылас пуксьыны. Бара *пуксяс*, сьылö: «Пыжйа пö мэ...» «Потом велела на нос сесть. Опять садится, поет: «Убегаю-де я...» (Верхнесысольский (кобринский) говор)¹. Олісö, вöлісö старик да старука. Нылöн вöлі ныл. Отпыр нылныс *мунас* вөрö. *Пондас* öктыны тшак и ягöд. Сийö *кутас* ош. «Жили-были старик да старуха. У них была дочь. Однажды их дочка ушла в лес. Стала собирать грибы и ягоды. Ее поймал медведь» (Косинский говор пермяцкого диалекта)².

Эта особенность языка коми, совершенно не свойственная русскому языку, является на первый взгляд трудно объяснимой. Весьма возможно, что этот прием возник в коми языке в ту эпоху, когда формы 3-го лица будущего времени типа *мунас* «пойдет» и *мунасны* «пойдут» имели значение настоящего времени. *Мунас* означало некогда «он идет». В удорских говорах это значение сохраняется до сего времени.

Как известно, для оживления рассказа в таких жанрах, как сказки, настоящее время часто употребляется вместо прошедшего.

В этой роли в сказках могли употребляться и формы на *ас*, которые когда-то были формами настоящего времени. Позднее эти формы получили значение будущего времени. Однако, несмотря на изменение значения, в сказках эти формы законсервировались в роли своеобразного стилистического приема.

¹ В. И. Лыткин. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам, стр. 76.

² Там же, стр. 46.

Р. М. БАТАЛОВА

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОНЬКОВСКОГО ДИАЛЕКТА КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА

1. ВВЕДЕНИЕ

Оньковский диалект коми-пермяцкого языка представляет собой небольшой языковой островок с 1 тыс. населения, проживающего на территории нынешнего Оньковского сельсовета, Юсьвинского района, Коми-Пермяцкого национального округа. Оньковский сельсовет расположен в нижнем течении р. Иньвы, притока реки Камы.

Оньковский диалект распространен в следующих населенных пунктах: село Большие Они (Ыджыт Онь), д. Малые Они (Учöт Онь), д. Потапова, д. Заполье, д. Ванькина, д. Васьянова и д. Евсинна. К этому же диалекту принадлежало население небольших населенных пунктов Исыла, Бусыгиной, Артюшевой и Питера. Жители их за последние годы переселились в более крупные деревни: Б. Они, М. Они и в другие.

Естественной границей диалекта с южной стороны является р. Иньва, на западе — приток Иньвы р. Исыл, а на севере — лесные массивы Тукачевского ЛПХ. Восточной границей является крупный поселок Майкор с русским населением. Соседями с юго-западной стороны и с северной являются деревни и села нижеиньвенского диалекта (жители Купросского и Тиминского сельсоветов).

Нижеиньвенский и оньковский диалекты имеют некоторое сходство в системе ударения и почти одинаковую диалектную лексику. Основное отличие нижеиньвенского диалекта от оньковского выражается в фонетике: первый относится к без-эловому, а второй — к эловому диалекту. Здесь *л* сохранился в первоначальном виде, как и в северном (косинско-кочевском) диалекте: *с'етáльны* «давать, выдавать», *узáлли сö* «работали иногда, когда-то», *пулны* «варить» и т. д. Причем, нижеиньвенский

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА
волостей в смежных частях Пермской
и Вятской г.г.
начало 1900 годов

----- границы уездные
..... границы волостные

диалект занимает значительно большую территорию, чем оньковский. Он распространен на территории пяти сельсоветов, а именно: Долговского, Тиминского, Аксеновского, Купросского и Крохалевского. Нижнеиньвенский диалект как бы представляет переходную ступень от оньковского диалекта к иньвенскому, в нем переплелись особенности того и другого.

Почему же все-таки сохранились отличительные языковые особенности оньковского диалекта на сравнительно небольшой территории? Какие условия способствовали этому?

Чтобы ответить на эти вопросы, обратимся к фактам истории коми-пермяков, в особенности, жителей Оньковского сельсовета.

Население всего бассейна р. Иньвы с 1640 г. относилось к Соликамскому уезду. До 1930 годов жители деревень оньковского диалекта входили в состав Майкорской волости Соликамского уезда.

Наличие ряда археологических памятников (городища и отдельные находки) в долине и бассейне реки Иньвы указывает на глубокую древность заселения этого района.

И. Я. Кривошеков, автор «Словаря Чердынского уезда Пермской губернии» и других работ о пермяках, предполагает, что данная территория (Прикамье, зап. часть Урала) была занята угорским населением — «асяками». Здесь «асяка», не хотевшего принять христианство и оставившего свою родину, сменил крещёный единоплеменник — пермяк-коми, переселившийся с северо-востока Европейской части России.

Исторический (письменный) период для Иньвенского края начинается с переписи Перми Великой писцом Яхонтовым, проведенной в 1579 г. при Иване IV, когда во всем бассейне р. Иньвы было всего 5 деревень и починок с 32 дворами оседлых жителей, не считая д. Кылосова (на устье р. Иньвы, на Каме), о котором ничего неизвестно, т. к. тогда оно принадлежало Строгановым, а писцовая книга 1579 г. по их вотчинам не опубликована. А. Ф. Теплоухов¹ предполагает, что население д. Кылосов было русским — колонисты Строганова. На Иньве тогда существовали следующие деревни и починок: Кылосов, Майкор, Купрос, Юсово, Кудымкар, Кува (ныне Отева). Д. Майкор в писцовой книге называется Туманским городищем, а деревня Она еще не упоминается.

Именитые люди Строгановы до середины 16 века владели обширными землями на Вычегде, а в 1558 г. по просьбе Якова и Григория Строгановых получили земли по Каме, пожалованные Иваном IV. По этой грамоте Строгановы получили места (земли) «Ниже Великой Перми за 88 верст по Каме реке по

¹ А. Ф. Теплоухов. «Фамилии и географические названия Пермского края в этнографическом и историко-географическом отношении». Ж. «Коми Му», № 9—11, Устьсысольск, 1926 г.

правую сторону, с устья Лысовы речки, и по левую сторону Камы реки»...¹

Переселенцам на эти места были даны льготы на 20 лет. Все дела должен был разбирать только сам Строганов. Он был единовластным хозяином. Во II половине 16 века Строгановыми были основаны города: Калегорт, Керчедан (п. Орёл), Чусовой на Сылве и Верхотурск. Строгановы занимали пожалованные им земли постепенно, верста за верстой, сначала побережье Камы и устья впадавших в нее рек.

С расширением строгановских поселений (преимущественно с русским населением) по Чусовой первоначальные обитатели постепенно уклонялись к единоплеменникам на север Великой Перми и по реке Каме и другим речкам, получившим названия на пермяцком языке, а именно: по Обве, Иньве, Пожве, Очер, Қосьве, Вильве и т. п.

Надо полагать, что народ, вновь заселивший места по Чусовой, Каме и ее притокам, стекавшийся по вызову вотчинника на повольное заселение из Новгорода, с Вологды, Н. Новгорода и др. мест России, состоял не только из русских, но и представителей других племен, живших близ прикамских строгановских вотчин — остяков, вогулов, пермяков, зырян и вотяков, которые постепенно сблизились с русскими поселенцами.

Слабую заселенность мест Соликамского уезда отмечает этнограф А. Ф. Теплоухов². Судя по переписи 1579 г., он пишет, что «большинство населенных мест в 1579 г. было в нынешнем Чердынском уезде и значительно менее в Соликамском и Пермском...»

Но в конце 16 века и в начале 17 века прилив русского населения на Каму и переселение на ее притоки способствовали росту населенных пунктов на Иньве. Это видно по результатам переписи 1623—1624 годов, проведенной в Перми Великой и Строгановских вотчинах. По 2-й переписи, т. е. через 44 года, на Иньве показано 1 село, 11 деревень и 13 починок с 128 дворами.

В списке писцовой книги Кайсарова по Великопермским вотчинам Строгановых 1623—1624 гг.³ мы видим на нижней Иньве, наряду с почином Анюшкор (Кылосов) и д. Макар, интересующую нас деревню Мартыновскую. В книге говорится: «На реке на Иньве на устье речки Оны, а в ней дв. Алешка да Филька да Илейко прозвище Поздейко Даниловы дети Ошмарина да дети Алешкины Ермолко да Макарко прозвище Спешилко да Филькины дети Ивашко прозвище Баженко да Онгонко да Карпунька, дв. Митька прозвище Дербыш да брат

ево Микитка ж прозвище Баженко да Якимко Андреевы дети Онковы, дв. Васька прозвище Четвертко Андреев с. (сын) Онкова да Ивашко Онков, да Пятко Андреев сын Онкова, и всего 4 двора крестьянских, а людей в них 14 человек; пашни паханы добрые земли 7 четвертей в полы, а в дву по тому ж лесу пашенного 6 десятин; сена на иньве 150 копён. Да у них же рыбная ловля в реке в Иньве. А межа тое деревни Мартыновской с государевыми крестьянами деревни Купроса по реке по Иньве вверх до речки до Исыла, а Исыл речка впадала в реку в Иньву по правую сторону, а вниз по Иньве реке межа деревни Туманского городища (т. е. Майнора) со крестьяны до Чермовского истоку (т. е. р. Чермос), а исток из озера в Иньву реку впадал с правую сторону»¹.

Следовательно, в этой писцовой книге зафиксировано существование лишь одного населенного пункта обследуемой нами территории. Указывается, что деревня Мартыновская (ныне с. Они) расположена на Иньве у устья ее притока Онь. Видимо, в тот период здесь эта деревня была единственная. Позже (точно год неизвестен) жители д. Мартыновской с устья речки Онь переселились на север, приблизительно на 4 км, тоже на берег речки Онь (Ыджыт Онь) и на ручеек (Учот Онь). По рассказам жителей с. Они, сюда поселились сначала Ошмарин, Оньков и Якимов (последняя фамилия не упоминается в писцовой книге Кайсарова). По рассказам 75-летнего Ошмарина Антона Петровича (жителя с. Б. Они) это были переселенцы с Вятки (Якимов, Оньков и Ошмарин).

С проведением дороги на Купрос (наверно, в конце 17 и начале 18 вв.), когда отхожий стан перешел к Соликамскому уезду, Строгановы заняли всю Иньву.

Жители дер. Мартыновской поселились на тракте. В преданиях сохранилось, что Оньков поселился ниже тракта, а Якимов и Ошмарин выше (севернее). Количество дворов к 1623—1624 гг. на Иньве увеличилось более чем в 3 раза. Граница строгановских земель с государственными крестьянами на юго-западе проходила по р. Исылу. Здесь мы видим дальнейшее продвижение Строгановых по территории Иньвы. Следовательно, в 1623—1624 годах Строгановыми были заняты на левом берегу Камы еще сравнительно незначительные земли, а именно: от р. Чермоза (левый приток Камы) до Исыла (правый приток Иньвы). Вся остальная территория Иньвенского края относилась к «Отхожему стану» Чердынского уезда. Крестьяне были государственными. По прошению жителей Обвинского и Иньвенского сох «Отхожего стана» Чердыни крестьянами-пермяками Плотниковым и Баяндиным (в 1638 г.) «От-

¹ Шишонко. «Пермская летопись», V пер., ч. III, стр. 600, г. Пермь.

² А. Ф. Теплоухов. «Фамилии и географические названия Пермского края...». Ж. «Коми Му», № 9—11, г. Устьысьольск, 1926.

³ А. Дмитриев. «Пермская старина», вып. 4, Пермь, 1892 г.

¹ А. Дмитриев. «Пермская старина», вып. 4, стр. 153—154, Пермь, 1892 г.

хойский стан» был причислен к Соли-Камской в 1640 году.

В Прикамье закрепощение личности крестьянина с 1701 года достигалось пожалованием земель в бассейнах рек Обвы, Иньвы и Косьвы с живущим в них населением в потомственное владение Строгановым.

Остальные земли Иньвенской и Обвинской сох, входившие ранее в «Отхожий стан», а потом причисленные к Соликамскому уезду, перешли к Строгановым по жалованной грамоте Петра I от 22 мая 1702 г. Грамота была дана в ответ на челобитную Григория Дмитриевича Строганова от 28 июня 1700 г. В грамоте указывалось: «По рр. Обве и по Косьве и по Иньве, которые впади в реку Каму, и по малым речкам, которые в те речки впади, берега, земли, леса и острова и юзера, и истоки и всякие угодыя от устий и до вершин с поселенными тех землях погостами Обвинскими, Иньвенскими и Косьвинскими с принадлежащими деревнями и починками и в них с крестьянами и с бобылями и со всеми на тех землях жителями отдать ныне ему именитому человеку и жене его и детям и кто по нем рода его наследником будет в вотчине впредь в вечное и нерушимое владение...»

Всего в означенных селениях за Григорием Дмитриевичем Строгановым было закреплено погостов 16, деревень и починков 601, в них дворов 3418, людей — 13 915 да мельничных и нищенских изб 25, людей в них 82 чел. Да в земской избе 6 чел., всего 14 003 чел. муж. полу¹.

Исторические судьбы различных районов Пермского края были неодинаковы. Население нынешних северных районов округа (Юрлинского, Кочевского, Гаинского и Косинского), а также зюзьдинцы были «государственными крестьянами» (только пермяки д. Лёкмортвой Бондюжской волости Чердынского уезда были крепостными князей Шаховских)². А. Ф. Теплоухов отмечает: «Насколько мне известно, пермяки едва ли не единственные «инородцы», которые волею судьбы сделались крепостными, остальные народности всегда были государственными крестьянами, за исключением, кажется, части Терюшевской мордвы Нижегородской губернии»³.

Пермяки же Соликамского и Оханского уездов, начиная с 1700 г. до 1861 г., были крепостными баронов и графов Строгановых, от которых небольшая часть их перешла к другим помещикам, к Всевожским (во II пол. 18 в.). 4902 души состояли во владении господ Всевожских и населяли с. Майкор с деревнями в Соликамском уезде и с. Кызьвенское с деревнями и починками в Оханском уезде. Сюда входили деревни

нынешнего Оньковского сельсовета. Позже, с 70-х гг. 19 в. Нижитинский завод (в с. Майкор) с прилегающими деревнями принадлежал наследникам Демидова, купленный ими от господ Всевожских.

Это сильно влияло на состав современного населения Пермского края, т. к. помещики переселяли в него и своих крепостных из русских волостей Пермской губернии и даже из России, причем русские впоследствии опермичивались, чего не было в районах с государственными крестьянами.

Строгановы ввиду малонаселенности земель нуждались в пришлых людях.

Источники по истории Строгановых упоминают среди жителей этих мест устюжан, вятчан, верхокамцев, койгородцев, южан, двинян, пинежан, вычегжан, вологжан, белозерцев, гаичан, угличан, каргопольцев, поморцев, москвичей, владимирцев, калужан и т. п. и даже «инородцев»: вогулов, юричей, мордовцев, зырян и татар; в числе поселенцев в вотчинах Строгановых упоминаются беглые солдаты. Здесь же поселялись люди, бежавшие на Урал из внутренней России от всяких «насильств». С усилением крепостного права и с появлением на землях Строгановых горных заводов началось обратное движение: люди, преимущественно заводские, многими тысячами стали бежать от Строгановых в Сибирь и другие местности, обещавшие приволье или, по крайней мере, некоторое облегчение от крепостного гнета.

Как видно, в связи с колонизацией Урала и Сибири на Каму и ее притоки прибыло большое количество русского населения. Русское население осело не только по окраинам земель, занимаемых пермяками, но и в более крупных селениях, как Майкор, Они, Купрос, Юсьва, Кудымкар, Кува (в связи с постройкой Кувинского завода), а также основывало новые починки.

Кроме русских, на нижнюю Иньву, Обву, Вильву и Косьву прибыла большая часть населения из Чердынского уезда, главным образом из г. Чердыни и соседних с ним волостей, расположенных по реке Вишере и ее притокам.

Н. Рогов отмечает, что «пермичи (т. е. чердынцы) обнищали и врознь разбрелись по льготным местам и к ним на Иньву и Обву»¹.

Этот поток переселенцев на Иньву способствовал увеличению местного населения, которое жило здесь на большой территории. Исторические данные позволяют предполагать, что территория между оньковцами и коми-язьвинцами была заселена их предками (до начала колонизации), по-видимому, го-

¹ Шишонко. «Пермская летопись», пер. V, стр. 562—563.
² А. Ф. Теплоухов. «Обзор данных о географическом распространении пермяков», 1926.
³ Там же.

¹ Н. Рогов. «О движении народонаселения в Иньвенской даче Соликамского уезда». Ж. «Вестник русск. географ. об-ва», 1857 г.

ворившими на промежуточных (сходных) диалектах между оньковским и коми-язьвинским.

Об этом же говорит нам факт наличия общих фамилий в низовьях Иньвы (Купросской, Тиминской, Майкорской, Юрической волостей) с коми-язьвинскими пермяками — Кашлев, Яборов. Имеются сходные слова в Купросской и В-Язьвинских волостях. С другой стороны, фамилия, встречающиеся на Нердвее и в верховьях Обвы — Сырчиков, Югов, Назукин, Тудвасев, Мошев, Ужегов, Миков, Вештемов и др., по средней Иньве отсутствуют¹.

Сходство фамилий низовьев Иньвы с фамилиями нердвинскими и кызьвинскими объясняется тем, что носители их были крепостными одних и тех же помещиков, баронов Строгановых (Купрос, Тимино, Нердва, В-Нердва) и Всевожских (Майкор и Кызьва), тогда как средняя Иньва и верхняя принадлежали графам Строгановым.

Село Майкорское, в состав которого входили деревни, близлежащие к дер. Они, или Майкор, по своему названию пермяцкое. Следовательно, первые насельники его были пермяки, сидевшие издревле по р. Иньве, на которой стоит село и по которой, особенно в верховьях, и в настоящее время живут пермяки, говорящие своим языком. В приходе же Майкорском хотя и нет истых пермяков, но в выговоре жителей сохраняется характер языка пермяцкого. Здесь поворот: *кодила, клеб, екала* вместо «ходила, хлеб, ехала»².

Большой прилив русского населения на Иньву способствовал смещению местного населения с русскими и обрусению. Это особенно заметное влияние оказало на население бывшей Майкорской волости (ныне Майкор) и деревни Оньковского с/совета. А. Ф. Теплоухов указывает, что «...многие пермяки на вопрос, кто они, отвечали прежде «русские», хотя в дальнейшем обнаружилось, что дома они говорят по-пермяцки. То же нужно сказать и о целых пермяцких районах — обрусение можно наблюдать во всех стадиях. Так, например, обруселыми пермяками являются жители Юрменской и Юмской волостей Чердынского уезда, Майкорской и Нердвинской волостей Оханского уезда, Бисеровской и Гординской волостей Глазовского уезда и др.». То же сообщает Рогов о совершенно обруселых пермяках, живущих под именем русских в Соликамском, Оханском и Пермском уездах.

С другой стороны, мы встречаемся и с противоположным явлением — опермачиванием русских, переселенных в Пермский край. Рогов сообщает о переселении на Иньву 85 семейств, которые, по данным 9 ревизий в Иньвенской даче (1850 г.), были

¹ А. Ф. Теплоухов. «Фамилии и географические названия Пермского края...», ж. Коми му, 1926 г.
² Устрялов. «Именитые люди Строгановы».

отнесены к пермякам. Много было переселено на Иньву русских и после в связи с постройкой Кувинского завода (1856) — из Добрянского, Очерского и Билимбаевского заводских округов графов Строгановых. Процессы опермачивания более характерны на средней и верхней Иньве, в Майкорском же приходе характерным было явление **обрусения**, т. к. здесь русское население было в преобладающем количестве; притом жители Б. Они и примыкающих к ним деревень входили в состав Майкорского прихода, а с. Майкор со времени начала работы Никитинского завода (с 1811 г.) имел уже в огромном большинстве русское население. Жители с. Они и соседних деревень по условиям жизни были тесно связаны с Майкором. Большую часть свободного от сельскохозяйственных работ времени работали на подсобных работах этого завода: участвовали в извозе, рубили лес, заготавливали дрова для завода, участвовали в сплаве леса и грузов.

Быстрое обрусение вызывало разные недоразумения в статистике. Одни и те же деревни числятся то русскими, то пермяцкими. Исследователь Малиев писал: «Это особенно характерно для Майкорской (Никитинской) волости Соликамского уезда». О наличии пермяков-крепостных констатировано в конце 40-х годов 19 в. в Майкорской волости в деревнях Б. и М. Они Малиевым¹. Далее он указывает, что на пути из Соликамска в с. Юсьву через Майкор и Купрос встретил и впервые познакомился с пермяцкими деревнями: Большие и Малые Они, Слутка, Мочка или Доегжа. «Кроме разбросанности и неправильности в расположении построек и соломенных щитов пред окнами (от холода), я не нашел в них ничего особенного. Это те же бедные, обыкновенные, крестьянские избышки и дома, с примыкающими к ним хозяйственными приспособлениями, амбарами, хлевами, гумном, овинами — как у русских, и ничем существенным от них не отличаются по внешнему и внутреннему устройству».

Янович, описавший, как и Рогов, иньвенских пермяков, правильно указывает распространение их по волостям Соликамского уезда, упоминая и Майкорскую волость². В 1909 г. в Никитинской (Майкорской) волости пермяки деревень Большие и Малые Они и другие показаны русскими³.

В 1925 г. коми-пермяки были выделены в самостоятельный национальный округ. Обруселые же пермяки Оньковского, Ленинского и Полвинского сельсоветов бывшего Камасинского и Пермского округов оставались за пределами его границ. В 1931 г. по ходатайству окружных организаций постановлением ВЦИК к округу были присоединены эти три сельсовета.

¹ Малиев. «Антропологический очерк племени пермяков», 1887.

² Янович. «Пермяки». СПб, 1903 г.

³ Соликамский уезд, список населенных мест Пермской губ. Пермь, 1909.

Майкор и Пожва с окружающими их деревнями к Коми-Пермяцкому округу были присоединены в 1959 году. Население в последних пунктах русское, среди которых живут лишь отдельные семьи коми-пермяков — переселенцы последних десятилетий из разных районов с. Иньвы.

В настоящее время в деревнях Оньковского сельсовета средством общения является русский язык, но по национальности население считается коми-пермяцким.

Как видно из вышеизложенных фактов, развитие данного диалекта происходило в условиях территориальной близости с русским населением.

Близость русского населения, большие тесные связи с ним местного населения наложили своеобразный отпечаток на диалект данного населения. Длительная совместная жизнь с русскими способствовала перениманию коми-пермяками русских обычаев, нравов, а также и языка. Смешение местного и русского населения создало благоприятные условия для обрусения оньковского диалекта. Этот процесс, видимо, происходил бурно. В настоящее время местное население общается между собой на русском языке, и русский язык считается основным, родным. Старые жители говорят, что начали разговаривать по-русски еще в дореволюционный период, но в то время и взрослые и молодежь были двуязычными, могли изъясняться на том и другом языках. Теперь же лишь пожилые люди могут говорить между собой на своем диалекте, а молодые и дети владеют одним русским языком (своеобразным местным диалектом), а коми-пермяцкого языка уже не знают. Больше всего сохранился коми-пермяцкий язык (подразумевается местный диалект) в деревнях М. Они, Потапово и Евсино, а в дер. Ванькино лишь 1—2 семьи могут говорить на местном диалекте; следовательно, население последней деревни почти полностью обрусело.

О современном языковом состоянии Оньковского с/совета

Русские и коми-пермяцкие названия деревень	Всего дворов	Всего населения		В т. ч. взрослого населения, говорящего на коми-перм. языке	Пришлое взрослое русское население и местное взрослое население, не знающее коми-перм. языка
		в т. ч. взрослого населения			
Б. Они (Ыджыт Онь)	84	335	110	20	90
М. Они (Учот Онь)	63	252	80	40	40
Потапова (Потап Потáполчи) .	17	68	20	10	10
Заполье (Заполлэ)	46	184	80	20	60
Ванькина (Ванькинчи)	13	52	25	5	20
Васьканова (Васьканолчи) . .	10	40	20	10	10
Евсино (Елсинчи)	17	68	28	20	8
Итого	250	1000	363	135	228

Оньковский коми диалект находится на стадии отмирания. Но его изучение представляет большой интерес. Выявление фонетических и грамматических особенностей, изучение словарного состава является очень важным и неотложным. Он поможет выяснить исторические связи этого населения с населением других диалектов, а особенно наиболее близких к нему по системе ударения и словарного состава нижнеиньвенского и коми-язьвинских диалектов.

Вследствие административной изолированности его (диалекта) от основной массы коми-пермяцкого населения (до 1931 г. не входил в состав коми-пермяцкого национального округа), а также отсутствия обучения в школе на коми-пермяцком языке (в этом нет необходимости в силу вышеперечисленных причин) о влиянии литературного коми-пермяцкого языка не может быть и речи. Оньковский диалект представляет собой наиболее удобный материал для наблюдения над особенностями проникновения элементов русского языка, который в течение многих веков оказал немалое влияние на грамматический строй коми-пермяцкого языка в целом и обогатил его лексику.

Оньковский диалект фронтальному (подробному) изучению еще не подвергался (первые сведения об этом диалекте дал проф. В. И. Лыткин в своей «Диалектологической хрестоматии»).

II. ФОНЕМНЫЙ СОСТАВ ОНЬКОВСКОГО ДИАЛЕКТА

Гласные фонемы

Оньковский диалект входит в состав южной диалектной группы. По отношению к кудымкарско-иньвенскому говору он является окраинным говором.

Оньковский говор относится к л-овым диалектам, т. е. фонема л всегда сохраняется в середине и в конце слова, например: сол «соль», төл «зима», дод'д'алны «запрягать», асылнас «утром» и т. д. Следовательно, по употреблению л он примыкает к северной или косинско-камской диалектной группе, характерной чертой говоров которой является сохранение звука л в любом положении, который исчез в говорах иньвенского диалекта. Последний относится к без-эловому диалекту¹. Примеры: ково «надо», вым «снег», нывос «дочь свою» и др.

В оньковском диалекте, как и в коми-пермяцком литературном языке, 33 фонемы: а, б, в, г, д, дь, э, ж, з, зь, и, й, к, л, ль, м, н, нь, о, ө, п, р, с, сь, т, ть, у, ч, ш, ы, дз, дж, ти. Из них 7 гласных фонем (а, э, и, о, ө, ы, у), остальные 26 — согласные

¹ В. И. Лыткин. «Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам». М., 1955 г.

фонемы. Произношение гласных и согласных фонем не отличается от произношения звуков литературного языка.

Дадим краткую характеристику гласным фонемам данного диалекта со стороны участия губ (активности или пассивности их), степени и места подъема языка.

И — гласный верхнего подъема, переднего ряда, нелабиализованный.

Данная фонема, как и в литературном языке, на письме обозначается двумя буквами *i* и *и*. Первая употребляется только после согласных *д, з, л, н, с, т*, имеющих палатальную пару для обозначения их твердости, во всех остальных случаях обозначается буквой *и*. Примеры: *ни́я* «они», но *н'им* «имя»; *си* «нитка», но *с'и* «волос», *кули* «я умер», но *кул'и* «я снял кожуру».

Фонема *и* в оньковском диалекте употребляется шире, чем в литературном языке. Звук *и* употребляется на месте литературного *э* (в небольшом количестве слов), например: *вим* (лит. *вем*) «мозг», *ви́жсэз* (лит. *вэ́жсез*) «жёлтые», *ч'ир* (лит. *чер*) «топор»; в отрицательных глаголах на месте фонемы *э* также употребляется *и*: *из* (лит. *эз*) «я не», *ин* (лит. *эн*) «ты не», *из* (лит. *эз*) «он не» и т. д.

Ы — гласный среднего подъема, переднего ряда, нелабиализованный. По сравнению с соответствующей гласной русского языка по своему образованию коми *ы* имеет более задний характер¹.

В отличие от литературного языка, в говоре он имеет тоже более широкое употребление, например: *вындыны* (лит. *вундыны*) «жать», *мынис* (лит. *мунис*) «ушел» и др. С другой стороны, фонема *ы* выпадает (не под ударением) в заударных слогах (об этом подробнее речь пойдет ниже).

У — гласный среднего ряда, верхнего подъема, лабиализованный. В диалекте в некоторых случаях употребляется реже (см. о фонеме *ы*).

Э — гласный среднего подъема, переднего ряда, нелабиализованный. Гласная фонема *э* в диалекте, как и в коми-пермяцком литературном языке, обозначается двумя буквами *е* и *э*. *Э* употребляется в начале слова, например: *эм* «есть, имеется», *эч'ч'о* «сюда», *эно* «этих» и др., в середине и в конце слова только после твердых согласных, имеющих мягкую пару *д, з, л, н, с, т*. Примеры: *зэр* «дождь», *годдэз* «годы», *лэптыны* «поднять», *сэти* «по тому месту», *тэ* «ты» и т. п. Употребляется также после гласных в середине слова, главным образом, в составе суффикса множ. числа *-эз*. Примеры: *кагаэз* «дети», *киэз* «руки», *бал'азэз* «овцы» и др.

О — гласный среднего подъема, среднего ряда, нелабиализованный. Это специфическая фонема, свойственная пермским языкам. Фонема *о* употребляется в диалекте во всех положениях, как в начале слова, так и в середине и конце слова, а именно: *отор* «улица», *ошотны* «повесить», *лос'отны* «поправить, сделать», *бергало* «крутится, вертится» и т. д.

Фонема *о* в оньковском диалекте встречается шире, чем в литературном языке, например: *мой?* (лит. *мый?*) «что?», *мол'а?* (лит. *мыля*) «почему?», *мол'акө* (лит. *мылякө*) «почему-то», *вурөно* (лит. *вурөны*) «шыют»; *уз'өно* (лит. *узбөны*) «спят» и др. В глаголах инфинитивной формы широко употребляется интересная форма с *ө*, например: *муннытө* «идти-то», *жулнытө* «пить-то», *мынтынтө* «платить-то» и т. д.

О — гласный среднего подъема, заднего ряда, лабиализованный. Употребляется как и в литературном языке, но в некоторых заимствованных словах и аффиксах *о* встречается на месте литературного *ө*, как результат влияния местного русского говора. Примеры: *тожо* (лит. *тожө*) «тоже», *д'еревенской са* (лит. *деревенской ся*) «он деревенский», *бумажной* (лит. *бумажнойй*), *кörtовой* (лит. *кörtовойй*) «железный» и др.

А — гласный нижнего подъема, среднего ряда, нелабиализованный.

Под влиянием соседних звуков у гласных фонем происходят некоторые физиолого-акустические изменения в качестве гласных фонем, но эти изменения незначительные, потому гласные не переходят в другие фонемы, как это бывает в русском литературном произношении. Правда, происходят некоторые изменения, обусловленные ударением: небольшая редукция, а иногда и выпадение некоторых гласных и даже целых слогов в потоке речи (о последнем подробнее смотрите ниже).

В оньковском диалекте гласные ударяемых слогов выделяются значительно резче, чем в коми-пермяцком литературном языке (результат влияния местного русского говора и отчасти особой системы ударения). По сравнению с безударными слогами ударные слоги имеют более резкую долготу и силу. Длительность гласных в слове *дөмотасө*¹ приблизительно можно выразить в таком соотношении 2 : 1 : 1 : 1/2. Как и в коми языке, гласные в диалекте по сравнению с русскими гласными фонемами произносятся несколько длиннее как в безударном, так и в ударном положении. Более сильная редукция гласных в диалекте — результат влияния местного русского говора. Но гласные фонемы диалекта все-таки не имеют существенных различий от системы гласных фонем коми и коми-пермяцкого литературного языков, поэтому их можно расположить по той же

¹ «Современный коми язык», ч. I, под ред. В. И. Лыткина, Сыктывкар, 1955 г.

¹ Ударение при наличии надстрочного знака здесь и в дальнейшем не ставится.

таблице, которая дана проф. В. И. Лыткиным для гласных фонем коми литературного языка¹.

Ряд	Передний	Средний	Задний
Верхний	И	Ы	У
Средний	Э	О	О
Нижний		А	

Согласные фонемы

В оньковском диалекте, как и в коми языках, 26 согласных фонем: б, в, г, д, дь, ж, з, зь, й, к, л, ль, м, н, нь, п, р, с, сь, т, ть, ч, ш, дз, дж, ти. Кроме них, изредка употребляются русские фонемы ф, х, ц в русских заимствованиях. Чаше они употребляются в разговорной речи людей молодого поколения и очень редко в речи пожилых людей, говорящих на оньковском диалекте.

Вместо русской фонемы х употребляется фонема к. Примеры: *пастук, обук, коз'аин, колишвина* «холщевина», *пикта, укват, сакарной песок, зоот'екн'ик, пиктовой пес, с'т'ик, старука, засука, пук*, но: *архирей, хоботтэз, холостой, л'емех*.

Вместо русского звука ц употребляется фонема ч. Примеры: *мис'еч* «луна», *астр'еч* «австриец», *колокол'еч'ч'ез* «колокольцы», *кон'ч'т'ог* «без конца», *стол'еш'ич'а* «поверхность стола», *ч'ветка* «цвет», *тrep'ич'а* «тряпка», *л'ис'н'ич'а* «лестница», *ч'ид'ил'н'ич'а* «цидильница», *тор'ич'а* «головня», *огур'и* «огурцы», но *уч'ит'ел'н'ица*. Кроме того, встречаются случаи, когда звук к заменяется фонемой ч, например *брус'н'ич'а, черн'ич'а, голуб'ич'а, з'емл'ан'ич'а*.

Такое широкое употребление ч вместо ц поддерживается наличием «чоканья» в местном русском говоре, на котором общается местное население. Это явление характерно речи всех поколений.

Русская фонема ф заменяется в оньковском говоре фонемой п, например: *штрап, понар', партук*, но *кофта, фирма, ферма, фрукта* и др.

В оньковском диалекте, как и в других диалектах коми-пермяцкого языка, отсутствует фонема щ. В речи она заменяется фонемой шш в конце слова, между гласными и ш после согласных, например: *помешшыкыслис', обешшык, яшшык-кезён, яшшык, городишишо, т'бшшалён сой*, но *ышö* «еще» и заменяется фонемой ш после гласных, например, *овошн'ой, плаш* «плащ».

¹ «Современный коми язык», под. ред. В. И. Лыткина, ч. I, стр. 26. Сыктывкар, 1955 г.

Следовательно, на основании вышеназванных фактов можно сделать вывод, что фонемы ф, х, ц, щ оньковскому диалекту не свойственны. Об этом говорят единичные факты их употребления.

Все остальные согласные звуки, кроме звука л, употребляются так же, как и в литературном коми-пермяцком языке.

Выше уже отмечалось, что оньковский диалект относится к л-овым диалектам, потому речь оньковцев сильно отличается от иньвенского (нуль-элового) диалекта.

Фонема л твердая. При произношении звука л кончик языка прижимается к внутренней стороне верхних зубов, но затвор при этом гораздо слабее, чем при произношении русского литературного л, хотя на слух он почти не отличается от русского л.

Как и в других л-овых диалектах, в оньковском диалекте л употребляется в любых позициях:

1. В начале слова: *лос'отас* «поправит», *лыйл'онö* «стреляют, расстреливают», *лабич'* «лавка для сидения», *луннас* «днем», *логас'ис* «рассердился, разозлился».

2. В середине слова между гласными: *вис'талас* «скажет», *жугалас* «разобьётся», *колö* «нужно», *полö* «боится», *солá* «солёный», *кылá* «слышу», *кул'онö* «умирают», *тулыснас* «весной», *домалис* «связал, привязал», *мойлö* «зачем», *пöдналис* «закрыл», *пöжалис* «испёк», *вылын'ос'* «высокие», *горалö* «звенит, звучит», *корталан* «свяжешь», *сöрлалас* «смешает» и др.

3. В середине слова после согласных: *сöрлали* «смешал», *кинлö* «кому», *гижлисö* «записывали», *бöбöтлöма* «обманывал», *пöтлас'лöm* «растрескался», *уз'лан* «спишь» и др.

4. В середине слова перед согласными: *чак'ялны¹* «собирать грибы», *с'еталны* «давать, передавать», *сулч'ас* «остановится», *кералны* «рубить», *вöлсö* «свою лошадь», *пöдналны* «закрывать», *пылс'ыны* «париться», *мылкыд* «ум», *ылдöрас* «внизу».

В предыдущих трех случаях мы видим, что употребление л совпадает с литературным языком, т. е. фонема л в середине и в начале слова употребляется так же, как и в литературном коми-пермяцком языке.

Примеры же четвертого случая показывают отклонения в употреблении фонемы л от норм литературного языка. Во всех вышеперечисленных словах в литературном языке на месте л употребляется фонема в.

Рассмотрим отдельно, в каких аффиксах на месте литературного в в диалекте употребляется л.

В таких глаголах, как: *чак'ялны* «собирать грибы», *с'талны* «давать», *кералны* «рубить», *л'укалны* «забодать», фонема л входит в состав глагольного суффикса -ал (в лит. языке -ав).

¹ Здесь и в дальнейшем звук ти в транскрипции передаем через ч по техническим причинам.

В словах: *пõлсалõ* (лит. *põvsalõ*) «снимает кожуру», *йõлс-алны* (лит. *йõвсъявны*) «отелиться», *мáлтышны* (лит. *мав-тыштны*) «намазать», *ч'õлтисõ* (лит. *чõвтисõ*) «сняли одежду», *кылзõнõ* (лит. *кывзõны*) «слушают», *кõлс'ас* (лит. *кõвсяс*) «пригодится», *вёлт'асõ* (лит. *вевттыасõ*) *л* употребляется в производных глаголах от существительных и глаголов.

Фонема *л* на месте литературного *в* употребляется в суффиксе *-õлт* (лит. *-õвт*): *бокн'õлтис* «наклонил, опрокинул», *курч'ч'õлта* «закушу», *ыскõлтõ* «катится», *кырõлтõма* «зачеркнул». Причем суффикс *-õлт* употребляется шире, чем в литературном языке, например: *вунõлти* «забыл», *ч'арõлтис* «грянул гром». В литературном языке эти слова употребляются с суффиксом *-õt*: *вунõти*, *чарõтис*.

Глагольному суффиксу со значением многократности действия *-вл* литературного языка в диалекте соответствует суффикс *-лл*, например: *кутáллисõ* (лит. *кутáвлисõ*) «поймали», *кы́лли* (лит. *кывли́*) «слыхал», *пышйы́ллис* (лит. *пышйы́влис*) «убегал» и др.

Это явление замены фонемы *в* фонемой *л* распространяется и на русские заимствованные суффиксы *-ов*, *-овõй* (русск. *-овый*): *торгõлка* «торговка», *корõлн'ик* «коровник», *здорõлõй* «здоровый», *ид'õлõй* «ячменный», *л'итрõлõй* «литровый», *зõролõй* «овсяный». Фонема *л* на месте *в* в середине слова русских заимствований встречается не только в вышеназванных суффиксах: *канáла* (канáва), *спрáлно' олõн* «хорошо живут», *моркõбл* «моркõвь», *с'õролно* «все равно», *олс'áнка* «овсянка», *слобõдно* «свободно», *олч'ýн'н'иккес* «овчйники» и др. Это результат влияния фонетической системы местного оньковского диалекта.

Фонема *л* сохраняется в конце слога (здесь корня) перед согласными, где в литературном языке происходит замена *л* фонемой *в* путем чередования *л* с *в*, например: *вõлсõ* (лит. *вõвсõ*) «свою лошадь», *мы́лкыд* (лит. *мывкыд*) «ум», *тõлс'я* (лит. *тõвс'я*) «зимний» и др.

Фонема *л* на месте исконного *в* употребляется в начале второго компонента в следующих сложных словах: *ны́тлаõ* (лит. *Ны́тваõ* < *ныт+ва*)¹ «в Нытву», *Пõжлаõ* (лит. *Пõжваõ* < *пõж+ва*) «в Пõжву», *с'инлá* (лит. *синва*) «слеза», *н'ёлажын* (лит. *неважын*) «недавно», *кунлá* (лит. *кунва*) «щёлок», но *Йýс'ва* (лит. *Юсьва*), *Ин'ва* (лит. *Иньва*). Необходимо отметить, что и слова *с'инлá*, *н'ёлажын*, *кунлá* могут употребляться с фонемой *в*: *синвá*, *нёважын*, *кунвá*. Возможно, что слова (здесь названия рек) *Йýс'ва* и *Ин'ва* могут произноситься иногда с фонемой *л*. У нас же здесь в наличии таких примеров нет. Но сравнивая с первыми примерами (типа *с'инла* или *с'инва*), вполне можно предположить такое употребление. Особой закономерности в

употреблении фонемы *л* на месте *в* в начале второго компонента сложного слова в диалекте, нам кажется, не существует. Здесь просто проявляется тенденция замены фонемы *в* фонемой *л* везде и всюду, как это происходит в иньвенском диалекте, где, наоборот, фонема *в* вытеснила фонему *л*. Это можно еще и подтвердить такими случаями, когда фонема *л* употребляется на месте исконного *в* и в начале слова, например: *лõзйис* (общекоми: *вõзйыны*) «навязывал», *лõштис* (общекоми: *воштис*) «потерял», *лõмз'ас'ис* (общекоми: *вõмдзасис*) «изурочился», *лич'ч'ýс'ам* (общекоми: *видзчисям*) «ждем», *салáжын н'и áбус'* «его уже давно нет» (лит. *вáжын*).

Имеются также случаи, когда фонема *л* появляется по аналогии с другими словами в середине слова между гласными и перед согласными в тех словах, где в литературном языке эта фонема отсутствует. Примеры: *нулõтны* «отнести» (лит. *нуõtны*), *пулны́* «варить» (лит. *пýны*), *йулáм* (лит. *йóам*) «пьем», *пулáс* (лит. *пýас*) «сварит», *шулны́* (лит. *шýны*) «сказать».

Оньковскому диалекту, как и иньвенскому, характерно наличие новых падежных форм в результате слияния послелогов, т. е. перехода некоторых послелогов в падежные окончания. В иньвенском диалекте, в отличие от литературного языка, имеются новые окончания: *-вõ*, *-вись*, *-вõдз*, *-вõть*, *-вын*; все они начинаются с фонемы *в*. В оньковском же диалекте вместо фонемы *в* в новых падежных окончаниях употребляется фонема *л*, например: *кõклын* (иньв. *кõквын*) «на ногах», *гёзлын* (иньв. *гёзвын*) «на веревке», *плõтлõ* (иньв. *пвõтвõ*) «на плот», *гõл'алас* (иньв. *гõляввас*) «на шее», *пызанлис'* (иньв. *пызánвись*) «со стола», *гõрлõз'* (иньв. *гõрвõдз*) «на печку» и др.¹

5. Фонема *л* в конце слова: *õз кол* (лит. *õз ков*) «не надо», *õз лõс'ал* (лит. *õз лõс'яв*) «не получается», *õз тыдáл* (лит. *õз тыдáв*) «не видно», *сол* (лит. *сов*) «соль», *тõл* (лит. *тõв*) «зима, ветер», *кыл* (лит. *кыв*) «язык», *йыл* (лит. *йыв*) «вершина», *пõл* (лит. *пõв*) «доска», *йõл* (лит. *йõв*) «молоко», *визы́л* (лит. *вйзыв*) «стремительный, быстрый, боевой» и т. д.

Встречаются единичные случаи прогрессивной ассимиляции звуком *л* фонемы *й*. Например, наряду с формами глагола *нõл-йõтны* «водить», *нõлйыны* «носить», *нõлйан* «таскаешь» встречаются формы такого характера: *нõллы* «носи», *нõллõ* «носит», *нõллыны* «носить, таскать», *нõллис* «носил». Возможно, что это явление появилось, как результат влияния форм глагола с суффиксом *-лл*, а именно: *вõллыны* (лит. *вõвлыны*) «приходить», *вис'тáллыны* «подсказывать», *пырáллыны* «заходить» и т. п.

И так, вышеприведенные случаи на употребление фонемы *л* в диалекте указывают на весьма широкое употребление данной фонемы. Чередование *л* с *в* оньковскому диалекту не свойственно.

¹ В слове *ва* во всех коми диалектах в начале слова употребляется фонема *в*.

¹ Об этом явлении подробно будет изложено в «морфологии» диалекта.

III. ЗВУКОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ

Звонкие и глухие согласные

Как и в литературном языке, согласные звуки диалекта по глухости и звонкости составляют 9 пар: б—п, д—т, д'—т', с—з, с'—з', ш—ж, тш—дж, к—г, дз—ч. Все они являются звуками-смыслоразличителями, фонемами. Например: *бон* — *пон*, *дыр* — *тыр*, *дзир* — *чир* (*з'ир*—*чир*), *джын* — *тшын* (*зын*—*чын*)¹ и т. д.

В оньковском диалекте, как и в коми-пермяцком литературном языке, изменение согласных звуков под влиянием соседних звуков занимает незначительное место. Звонкие согласные звуки под влиянием соседних глухих согласных оглушаются, но это оглушение гораздо слабее, чем в русском литературном языке. Звонкий согласный, оказавшись перед глухим согласным или в конце слова, звучит несколько приглушеннее, чем согласные в сильной позиции. Иногда они в конце слова и перед глухими звучат так же, как их глухие варианты, например, *йўпка* (*юбка*), *зыпка* (*зыбка*) «люлька», *сат тай* «это сад». Возможно, что они были заимствованы в таком виде. В большинстве же случаев звонкие согласные фонемы приглушаются, но не переходят в свои глухие варианты, а лишь получают его оттенок (оттенок глухости): *вóд сóн* «лежа», *бóд код'ем* «всякий», *рáд с'а-рáд* «очень весёлый», *роз с'ис* «из прозди», *бóрд тыв* «гусиное перо», *вáж с'ис* «из старого», *вéж с'ыны* «обмениваться», *сус'эг тыр* «полный сусек», *каз' тылó* «вспоминает» и др. На этих примерах видим, что оглушение звонких фонем неполное.

Но существует немало случаев, когда происходит полное уподобление предшествующего звука последующим звуком. Фонемы *с* и *з* под влиянием последующих за ними шипящих *ж* и *ш* переходят в фонемы *ж* и *ш*: *лóжжык* (*лöz* и *-жык*) «более синий», *кóжжык* (*кöz* и *-жык*) «более сухой», *кыжжык* (*кыз* и *-жык*) «толще», *ожжык* (*оз* и *-жык*) «не так» и др.

Очень редко, но встречаются и явления прогрессивной ассимиляции, например: *гиж шóны* (вм. *гижс'óны*) «пишут», *вéж шóны* (вм. *вéжс'óны*) «изменяются».

Большое место в говоре занимает полное уподобление зубным аффрикатам *ч'* зубных согласных *т*, *д*, *дз* на стыке двух морфем: *вөрöч'чыны* < * *вөрöтны* «двигаться», *мáич'чыны* < * *мáитны* «мучаться», *мышкы́рч'чыны* < * *мышкы́ртны* «наклониться», *розн'ич'чыны* < * *розн'итны* «разойтись», *вóд'ич'чыны* < * *вóдитны* «нянчиться», *лэч'чыны* < * *лэз'ны* «спускаться».

На стыке же двух морфем в результате слияния зубных *д* и *т* и аффриката *дз* и нёбно-зубного *ж* появляется фонема *z* (дж): 1) *д* и *ж* > *z* (дж): *с'óзык* < * *с'óджык* «чернее», *гөрзык* < * *гөрджык* «краснее»; 2) *т* и *ж* > *z* (дж): *с'ókызык* < * *с'ókыджык* < * *с'ókытжык* «труднее», *кокн'ыззык* < * *кокн'иджык* < * *кокн'итжык* «легче», *чорызык* < * *ч'орыджык* < * *ч'орытжык* «тверже»; 3) *z'* (дз) и *ж* > *z*: *óзык* < * *óжзык* «раньше».

Эти два последние звуковые явления проф. В. И. Лыткин называет аффрикатизацией¹.

В оньковском диалекте имеется фонема *р'*. Правда, она очень редко употребляется в конце слова, встречается лишь в некоторых заимствованиях, например: *инвентáр'*, *лóдыр'*, *с'екл'етáр'*. Это результат влияния местного русского говора. В коми-пермяцком литературном языке *р'* тоже имеется, но в конце слова не встречается, только в середине и в начале слова, например: *н'ер'á'ка*, *р'á'ксын* «кричать», *скóр'а* «быстрее», *р'á'дóн* «рядами», *кар'áвóй* «корявый», *др'é'балó* «тресется» и др.

Следует отметить, что фонема *р'* появилась в коми-пермяцких диалектах как результат влияния русской фонетической системы. Поэтому встречается только в русских заимствованиях.

В оньковском диалекте, как и в других диалектах, палатальные согласные *с'*, *з'*, *т'*, *д'*, *н'*, *т'* в значительной степени отличаются от соответствующих мягких зубных согласных русского языка. Они произносятся мягче, т. е. с большей палатализацией. Различие в произношении этих звуков особенно заметно при произношении шепелявых *с'* и *з'*. Представителями других языков они воспринимаются как звуки, очень близкие к *ш* и *ж*.

Слишком мягкое произношение *с'* и *з'* и других палатальных обрусевшим населением оньковского диалекта, пользующегося русским языком, как основным средством общения, отличает их от соседних русских говоров: майкорского, купросского и юсьвинского, где исконно русское население эти звуки произносит несколько тверже, т. е. как в русском литературном языке.

Широко распространена прогрессивная ассимиляция по мягкости такого типа, когда фонема под влиянием предыдущего мягкого согласного полностью ассимилируется (*j* > в *н'*, *л'*, *т'* и др.) в русских заимствованиях. Примеры: *собрá'н'н'о* (собрание), *пáктан'н'о* (от слова пахта), *свáтан'н'о*, *парén'н'о*, *кáтан'н'о*, *с'ид'én'н'о*, *рад'én'н'о*, *старán'н'о*, *об'явл'én'н'о*, *жыл'л'о*, *з'эл'л'о* (зелье), *винч'én'н'о*, *плáт'т'о*, *Он'ис'с'а* (Анисья), *Окс'ин'н'я* (Ксения) и др. А в коми словах: *дóд'ó дóд'алны* «запрягать в сани», *с'у вéлт'ыны* «зерно прикрыть», *кóин ун'алó* «волк воет», *д'én'га лыд'ын кóлó* «деньги надо сосчитать» — в диалекте подобная асси-

¹ Здесь и в дальнейшем звуки *дж* и *дз* в транскрипции передаем через *z* и *z'* по техническим причинам.

¹ «Современный коми язык», ч. 1, под ред. В. И. Лыткина, г. Сыктывкар, 1955.

миляция не наблюдается, т. е. не происходит удвоение мягкого согласного; *j* же, придав мягкость парному согласному, исчез.

В коми-пермяцком литературном языке широко распространена прогрессивная ассимиляция согласного *j* фонемами *ш, дж, ти*: *кóшшыны* (оньк. *кóшйыны*) «искать», *пышшыны* (оньк. *пышйыны*) «сбежать», *вöззыны* (оньк. *вöзйыны*) «наблюдать» и др. В оньковском диалекте ассимиляция подобного типа не наблюдается.

Чередование

Чередование заднеязычных и шипящих согласных звуков, свойственное русскому языку, встречается в основном в русских заимствованиях: *сапöг — сапöжök, петүк — петушök, петушöчик, друг — дружöч'ик, дружйтны* «дружить»; *бёрег — бережöч'ик, казák — казач'ök* и др. Однако чередование подобного типа встречается теперь часто и в исконных коми словах в результате влияния русского языка: *курöг — курöжök, понök — понöч'ик* «очень маленькая собачка», *уч'йт'ик, уч'йт'ич'ок, уч'йт'ч'ок* «маленький», *лапыт'ик — лапыт'ич'ок* «низенький» и др.

Выпадение и вставка звуков

1. **Выпадение гласных звуков.** Выпадение гласных — весьма широко распространенное звуковое явление в оньковском диалекте.

Если в коми-пермяцком литературном языке чаще всего могут выпадать лишь гласные второго слога (*пöдán — пöднáсьны* «запираться», *гүдыр — гудрáсьны* «становиться мутным», *чукыль — чуклясьны* «обходить» и др.), то в оньковском диалекте, кроме выпадения гласных второго слога, встречаются и другие случаи:

а) выпадение гласных первого слога: *грыс'öс'* (лит. *гырись-öсь*) «крупные», *лас* (лит. *лoас*) «будет», *сөн* (лит. *сийөн*) «потому», *шөн* (лит. *шуйоны*) «говорят», *на* (*ня*) «они», *са* (*ся*) «он, она, оно»;

б) выпадение гласных второго слога: *н'ёллын* (*неылын*) «недалеко», *ылс'ан* (*ылысянь*) «издалека», *с'ушны* (*суйышны*) «положить»;

в) выпадение одного из гласных при стечении двух гласных фонем на стыке двух морфем: *кёркас* (лит. *кёркуыс*) «его дом», *заборкас* (вм. *заборкаыс*) «его заборка», *нылкас* (вм. *нылкаыс*) «эта девочка», *чёрис* (вм. *чериыс*) «эта рыба, его рыба», *нач'альсвос* (вм. *нач'альствоыс*) «их начальство», *мэстас* (вм. *местаыс*) «это место, его место», *Шурас* (вм. *Шураыс*), *Аннас* (вм. *Анаыс*).

Следовательно, в заударных слогах у существительных с притяжательным суффиксом 3 л. ед. ч. *-ыс* гласная фонема *ы* из суффикса *-ыс* выпадает и в качестве показателя притяж. суфф. 3 л. ед. ч. остается фонема *с*.

Выпадение гласных в конце слова. Конечное *ы* выпадает в глаголах неопределенной формы: *л'ёч'ич'ч'ын* (лит. *лечйтчыны*) «лечиться», *убирайтч'ч'ын* (лит. *убирайтчыны*) «убраться», *быдт'ын* (лит. *быдтыны*) «растить», *йёштын* (лит. *ештыны*) «успеть», *рапкын* (лит. *рапкыны*) «ходить волоча ноги» и т. д. Редко, но встречаются глаголы и с *ы*, т. е. полная форма наряду с усеченной формой: *вартлыны* «бить», *вётлыны* «ходить» и др. Причем *ы* в конце слова выпадает лишь у тех глаголов неопределенной формы, которые имеют суффикс *-ыны*; в остальных же, имеющих суффикс *-ны* — после согласных звуков: *кис'калны* «полить», *ыжмáлны* «баловаться», *орсны* «играть», *вöтны* «допнать», *кёрны* «сделать», *олны* «жить», *пöлны* «бояться», *вёрдыны* «кормить» и др. Если бы в этих словах по аналогии с глаголами неопределенной формы на *-ыны* произошло выпадение *ы* в окончаниях глаголов, то на конце слова оказалось бы стечение нескольких согласных, что противоречит закономерности конца слова коми языков и, вообще, пермских языков. Сохранение *ы* в глаголах инфинитива типа *гөрны* «пахать», *вежны* «менять» и др. поддерживает сохранение *ы* в глаголах неопределенной формы на *-ыны*, где в огромном большинстве случаев *ы* в конце слова отпадает: *вал'ёч'ын* «валиться», *сис'т'ын* «спнить», *кынт'ын* «заморозить», *вёштын* «отплатить» и т. д. (см. примеры выше).

В глаголах 3 л. мн. ч. настоящего времени в результате прогрессивной (смежной) ассимиляции происходит замена конечной фонемы *ы* фонемой *ö*: *лöктöнö* < * *лöктöны* «идут, придут», *сулáлöнö* < * *сулáлöны* «стоят», *мис'с'ötöнö* < * *мис'с'ötöны* «моют», *пышйöнö* < * *пышйöны* «убегают» и др. (об этом говорилось выше). Это явление в диалекте занимает большое место. Лишь изредка можно встретить эти формы глагола с окончанием *-öны* наряду с более распространенным окончанием *-öнö* с конечным *ö*, например: *ч'ирзöнö* и *ч'урзöны* «кричат», *вис'öнö* и *вис'öны* и др. Эти случаи говорят о том, что новые формы (на *-öнö*) употребляются наряду со старыми формами (на *-öны*). Следует отметить, что и в этих формах глаголов происходит выпадение конечных гласных звуков *ö* и *ы* (последний реже, т. к. встречается здесь лишь в редких случаях). Примеры: *гáрийön* < * *гáрийönö* «копают», *сáд'итön* < * *сáд'итönö* «сажают», *вёлötön* < * *вёлötönö* «учат», *вузáлön* < * *вузáлönö* «продают», *с'ылön* < * *с'ылönö* «поют», *тэч'ön* < * *тэч'önö* «кладут», *ч'интön* < * *ч'интönö* «уменьшают», *вáжмön* < * *вáжмönö* «стареют», *кóл'ön* < * *кóл'önö* «оставляют» и т. п.

Выше мы уже отмечали, что из-за влияния местного русского говора и отчасти особой системы ударения в оньковском диалекте ударные слоги имеют более резкую долготу и силу,

чем безударные; поэтому заударные гласные последнего слога и конца слова произносятся слабо, происходит некоторая редукция. По-видимому, это условие содействовало появлению процесса выпадения конечных фонем *ö* и *ы* в глаголах инфинитива и глаголах 3 л. мн. ч. настоящего времени; при этом данные фонемы не поддерживаются семантикой слова.

Или же (если бы произошло выпадение *ы* в таких глаголах на *-ны*) произошла бы вставка гласного *ы* между оставшимися согласными, как это произошло в единственно встретившемся нам слове *курты́н понда́м* «начнем грести (сено)». Здесь, видимо, сначала произошло выпадение *ы* из суффикса инфинитива *-ны*, по аналогии с *-ыны*, а потом уже вставка звука *ы* между согласными, которые оказались в конце слова. Такие случаи восстановления вставки звука *ы* в глаголах неопределенной формы часто встречаются и в коми-пермяцком литературном языке, например: *шо́нтны* и *шо́нтыны* «греть», *мы́нтны* и *мын-ты́ны* «уплатить долг» и др.

1. Мы предполагаем, что фонема *ы* существовала в этих формах шире. Об этом говорят данные удмуртского языка:

удм.— *кулыны* «умереть, умирать», коми — *күвны*.

удм.— *карыны* «делать, сделать», коми — *керны*.

удм.— *висыны* «болеть», коми — *висыны*.

удм.— *золтыны* «натянуть», коми-зыр.— *зэлöдны*, коми-перм.— *зэлöтны*.

2. Формы первого типа теперь наиболее распространены.

2. **Выпадение согласных звуков.** Выпадают не только гласные, но и согласные звуки. Коми-пермяцкому языку, как и другим угро-финским языкам, характерны определенные закономерности начала и конца слова. В начале слова может стоять только один согласный или гласный. Исключение составляют некоторые коми слова и русские заимствования, где в начале встречаются два или три согласных звука: *грис'öс'* «крупные», *бры́книтны*, *врё́дитны*, *дрё́гнитны*, *спра́лно* и др. Многие сочетания согласных произносятся без всякой трудности, но немало сочетаний согласных, которые считаются трудно передаваемыми.

Укажем здесь некоторые случаи выпадения согласных звуков.

а) Не все согласные звуки произносятся в начале слова. Примеры: *згл'áд* (вм. взгляд); *с'áко* (вм. всяко), *з'áтка* (вм. взятка), *стрéч'а* (вм. встреча), *зрöсло́й* (вм. взрослый) и др. Можно допустить, что эти слова были заимствованы в таком виде от русских.

б) Выпадение согласных середины слова: *пöснöй ма́сло* (пöстное масло), *с'чáс'с'о* (вм. счастье), *фёл'шер* (вм. фельдшер), *уёзной го́род* (вм. уездный город), *н'ёрной* (вм. нервный), *прис'едáт'ел'* (вм. председатель), *н'ылы́шны* (вм. *нылы́штыны*)

«проглотить», *курбы́шны* (вм. *курбы́штыны*)¹ «зачерпнуть» и др.

в) Выпадение согласных конца слова: *жыс'* «жизнь», *из бос'* (эз *бöсьт*) «не взял», *л'ис* (*лист*), *вунды́ш* (*вунды́шит*) «отрежь», *комун'ис* (вм. коммунист), *ч'ирöс* (*ч'ирöст*) «крикни», *час'* (*часть*) и др.

Фонетика отдельных слов.

В оньковском диалекте имеется немало слов, отличающихся по своему звуковому составу от слов коми-пермяцкого литературного языка и соседних с ним диалектов, имеющих одинаковое значение².

Рассмотрим здесь некоторые из них:

1. В оньковском диалекте интересное звуковое оформление имеют местоимения.

а) Личные местоимения 3 л. ед. и мн. числа имеют форму: *си* (*сиа*) «он, она, оно», *на* (*ниа*), «они, те, эти».

б) Указательные местоимения *эта́чöм* (лит. *этишöм*) «такой», *эсчöм* (лит. *этишöм*) «такой, подобный», *эталöнö* «у того». Эти местоимения имеют более архаичные формы, чем в иньвенских говорах.

2. Наречия. Примеры: *сык* (лит. *сэк*) «тогда», *этатис* (*эс-тись*) «отсюда», *тáтöнö* (лит. *тáтөн*) «здесь», *сэтöнö* (лит. *сэтөн*) «там», *эсч'ö* (лит. *этичö*) «сюда», *сөн* (лит. *сийөн*) «потому, оттого», *кытöнö* (лит. *кытөн*) «где», *мöйс'án* (лит. *мөйсянь*) «почему, отчего», *сыз'* (лит. *сидз*) «так», *сэтти* (лит. *сэти*) «по тому месту», *н'екыз'* (лит. *некыдз*) «никак», *кыз'* (лит. *кыдз*) «как», *кэз'и шуöнö* (лит. *кыдз шуöны*) «как зовут, называют» и др.

Как видно из вышеприведенных примеров, некоторые наречия имеют иную огласовку, отличную от литературного языка.

Выше уже отмечалось, что в небольшом количестве слов оньковского диалекта фонема *у* заменяется фонемой *ы*, например: *мынны́* (вм. *мунны́*) «идти», *вынды́ны* (вм. *вунды́ны*) «жать», *Кыды́мкарас* (вм. *Куды́мкарас*) «в Кудымкаре», *ныötис* (вм. *нуötис*) «отнес» и др.

Это явление, возможно, появилось как результат регрессивной ассимиляции несмежных гласных, например: *вунды́ны* > *вынды́ны* > *вындö*; *мунны́* > *мынны́* > *мынö* и т. п. При этом уподобляется здесь ударным гласным безударный гласный звук (см. *ы* везде находится под ударением).

¹ Труднопроизносимые случаи, перечисленные в «Современном коми языке» под ред. В. И. Лыткина, на стр. 41, § 3, характерны и для коми-пермяцкого яз., в т. ч. и для оньковского диалекта.

² Некоторые из различий уже были указаны выше.

IV. СИСТЕМА УДАРЕНИЯ В ОНЬКОВСКОМ ДИАЛЕКТЕ

Среди угро-финских языков коми-пермяцкий литературный язык по своему ударению занимает особое место. Как и в русском языке, ударение коми-пермяцкого языка разноместное и в значительной степени морфологизировано.

Эта система ударения свойственна большинству говоров коми-пермяцкого языка. Но на территории коми-пермяцкого округа имеются диалекты, имеющие иную систему ударения. К ним относятся оньковский и нижнеиньвенский диалекты.

Проф. В. И. Лыткин считает, что самой характерной чертой оньковского говора является своеобразная система ударения, близкая к коми-язвинской системе ударения¹. В этих диалектах место ударения в слове зависит от качества корневого звука. Такой тип ударения называется качественно-вокальным².

Рассмотрим характерные черты системы ударения оньковского диалекта.

Отличительная черта ударения этого диалекта состоит в том, что одни корневые гласные при изменении и образовании слов удерживают на себе ударение, а другие не удерживают. К первым относятся корневые гласные нижнего и среднего подъема *a, o, э, ö*, ко второй группе относятся корневые гласные верхнего подъема *и, ы, у*.

Корневые гласные *a, o, э, ö* почти всегда имеют на себе ударение. Примеры: 1) ударный *a*: *на́ч'кóтас* «зарезет», *на́с'тóтөн* «одевают», *ша́рóтан* «трещь» и др;

2) ударный *o*: *о́ралис* «выполол», *со́рлалас* «смешает, напугает», *по́тлас'ас* «расколется, лопнет», *о́тсалас* «поможет» и т. д.;

3) ударный *э*: *вэ́тлòтисö* «ходили», *пéслас'ны* «стирать», *тéпис'с'ез* «рукавицы» (кожаные), *пéткóтны* «вынести, вывести» и т. д.;

4) ударный *ö*: *но́бöтас* «отнесет», *гöтраснис* «женился», *ло́с'öтисö* «сделали, поправили», *то́лйöтны* «оставить на зиму» и др.

Из приведенных примеров видно, что ударение обычно падает на первый слог при наличии там корневых гласных *a, o, э, ö*.

Однако ударение может падать на эти же гласные (*a, o, э, ö*) последующих слогов, например: *бос'та́н' öмö* «возьмешь в рот», *с'о́йөн* «кушают», *ва́ртлöм* «избил», *ч'еч'ч'öлтö* «прыгает», *он и па́нтас'* «и не встретишься», *вес'кóт* «распряжи», *на́рма́н* «грабли», *ка́рта* «двор», *са́рта́с* «лучина», *ч'е́ра́н'* «паук». Ударение в этих словах совпадает с ударением нижнеиньвенского и иньвенского диалектов.

Наблюдения показали, что в этих же самых словах ударение может быть и на первом слоге. Колебание места ударения объясняется влиянием соседних диалектов и аналогичных форм слова (об этом подробнее см. ниже). Следует указать, что случаи переноса ударения с первого слога (при наличии там корневых гласных *a, o, э, ö*) на второй незначительное количество, не считая русские заимствования.

Корневые гласные верхнего подъема *и, ы, у* в неодносложных словах не имеют на себе ударения. Примеры: 1) гласный *ы*: *кыйö* «ловит», *пыра́н* «зайдешь», *лы́йлöн* «стреляют», *пы́рта́* «занесу», *бы́дма́с* «вырастет» и др.; 2) гласный *и*: *грис'öс'* «крупные», *вил'öс'* «новые», *инма́н* «попадешь», *киэ'зöн* «руками», *пиксö* «пищит» и т. д.; 3) гласный *у*: *мунáсö* «уйдут», *кушöс'* «голые», *ружтö* «охает», *кулís* «умер», *вурís* «сшил» и т. д.

Если же корневые гласные *и, ы, у* в одном и том же слове встречаются в I и II слогах, то ударение ставится обычно на гласный (*и, ы, у*) второго слога: *мис'с'ýс* «умылся», *бы́дми́* «я вырос», *мунны́* «идти», *мунíмö* «ушли», *вийны́* «убить», *узны́* «спать», *кыллí* «слыхал когда-то», *кийны́* «ткать», *билö* *локти́* «за огнем пришел», *пурты́слöн* *кон'эч'* «кончик ножа». Эта закономерность нарушается очень редко, лишь в результате влияния аналогичных слов с корневыми гласными неверхнего подъема *a, o, э, ö*. Примеры: *вы́лынöс'* (вм. *выльíнöс'*) «высокие», *ку́лис* (вм. *кулís*) «умер», *шúмитöн* (вм. *шумíтöн*) «шумят», *бийöн* *öзö* *ыжмáлö* «огнем не ипрают», *зýён* *ва́чки* «я щетью ударил», *вэ́тли* *зýлö* «сходил за щетью».

Исключение составляет небольшое количество слов с корневым гласным *и* иного происхождения, в которых ударение сохраняется на корневом гласном. Это *и* исторически происходит из закрытого *э*, в других коми диалектах соответствует ему *э*¹. К ним относятся следующие слова: *вим* (лит. *вем*) «мозг», *йурвím* (лит. *юр вем*) «головной мозг», *ч'ýгны* (лит. *чегны*) «сломать», *сичöм* (лит. *сэтиöм*) «такой», *ч'ур* (лит. *чер*) «топор», *йим* (лит. *ем*) «игла» и формы отрицательного глагола прошедшего времени: *иг, ин, из* *ба́ит* «я, ты, он не говорил», *ýгö, ýнö, ýзö, ба́йтö* «мы, вы, они не говорили».

Интересно отметить, что в некоторых словах ударение не всегда удерживается на *и* (<э), а по аналогии с другими словами, где корневые *и, ы, у* не удерживают на себе ударения, ударение ставится на последующий слог, т. е. на словообразовательный или словоизменительный суффиксы, например: *ч'урöс* «свой топор», *йиммэ́з* «иглы», *ч'игýс* (лит. *чегис*) «сломал», *сичöмсö* «такого», *йимöн* «иглой».

¹ Проф. В. И. Лыткин. «Диалектологическая хрестоматия по пермскому языку». 1955, стр. 26.

² Там же, стр. 27.

¹ В. И. Лыткин. «Об ударении в коми-пермяцком языке». Труды ин-та языкознания, т. 1, стр. 111.

Все вышеуказанные исключения от общих закономерностей ударения в диалекте не имеют широкого распространения. Приведенные примеры подтверждают, что место ударения в оньковском диалекте зависит от качества гласных звуков. Следовательно, качественно-вокальный тип ударения сохраняется.

Мы уже отмечали, что качественно-вокальный тип ударения свойственен и коми-язьвинским диалектам, в которых сохранился наиболее архаичный тип ударения. Почему же оньковский и коми-язьвинские диалекты, находящиеся друг от друга на таком значительном расстоянии, имеют одинаковый тип ударения, сходства в фонетическом строе и в лексике? На этот вопрос с предельной ясностью отвечает проф. В. И. Лыткин: «Некоторые черты оньковского говора (ударение, звук *и* в отрицательном глаголе прошедшего времени и в корнях некоторых других слов) сближают его с коми-язьвинскими говорами, хотя и коми-язьвинцы отделены от оньковцев широкой (более 150 км) полосой территории с русским населением. Коми население, жившее — по историческим данным — на этой территории между оньковцами и коми-язьвинцами, по-видимому, говорило на говорах, представлявших собой нечто среднее между оньковским и коми-язьвинским»¹.

Мы указали, что в словах с корневыми гласными *а, о, э, ö* ударение обычно ставится на первый слог, а при наличии в корне гласных *и, ы, у* ударение переносится на последующий слог. Эта закономерность последовательно соблюдается в огромном большинстве коми слов, и только в русских заимствованиях — в приставочных глаголах ударение переходит на третий слог, например: *принимáтны* «принимать», *убира́йтны* «убирать», *отравито́ма* «отравлено», *докажито́ма* «доказано», вернее в них сохраняется ударение оригинала.

При такой закономерности постановки ударения в двух-трех и более сложных словах с корневыми гласными *ы, и, у* одни и те же словообразовательные суффиксы часто оказываются под ударением, а также и словоизменительные суффиксы в производных словах.

Примеры на переход ударения на словообразовательные суффиксы:

1) под ударением суффикс *-ышт*: *йубышны* «выпить», *нырышны* «придавить», *нылышны* «проглотить»;

2) под ударением суффикс *-öлт*: *пун'öлтны* «искривить», *вун'öлтны* «забыть» и др.;

3) под ударением суффикс *-ал*: *вында́лны* «резать», *тыда́лны* «виднеться», *с'ера́лны* «смеяться», *кыска́лны* «таскать»;

4) под ударением суффикс *-öт*: *пыркө́тны* «трясти», *мис'с'öтны* «вымыть, мыть», *кыркө́тны* «снимать» и др.

Примеры на переход ударения на словоизменительные суффиксы:

а) окончание гл. 3 л. ед. ч. прош. вр. *-ис*: *пыри́с* «зашел», *вис'ис* «болел», *кыли́с* «услышал», *кыйли́с* «ловил», *пиз'ис* «скипел» и т. д.;

б) окончание гл. 3 л. ед. ч. наст. вр. *-ö*: *вис'ö* «болеет», *пöдö* «кашляет», *кыйö* «ловит», *мунö* «идет» и др.;

в) *-ин*: *мынт'ин* «уплатил», *пышй'ин* «сбежал», *пыри́н* «зашел» и др.;

г) *-и*: *мыни́* «я ушел», *пыри́* «я зашел», *быдми́* «я вырос», *пуи́* «я сварил», *пукс'и́* «я сел» и др.;

д) *-а*: *шуа́* «скажу», *кула́* умру», *кыла́* «слышу», *пыра́* «захожу» и др.

Это обстоятельство приводит к морфологизации ударения, т. е. ударение по аналогии с другими словами переходит на словоизменительные или словообразовательные суффиксы в тех словах, где оно должно было бы находиться на корневых гласных *а, о, э, ö*. Примеры: *с'оја́* (*с'öja*)¹ «ем, кушаю», *пони́с* (*пöнис*, лит. *põndis*) «начал», *поткө́ти* (*pötköti*) «расколол», *орöта́* (*öröda*) «разрежу», *петкө́тлö* (*pötkötlö*) «выносит», *керáльны* (*kéralny*) «рубить», *вайáльны* (*váalny*) «приносить», *бос'тáли* (*böstali*) «брал» и т. п.

Конечно, в этих словах иногда наблюдается колебание в постановке ударения, но на основе приведенных примеров мы видим отдельные случаи морфологизации ударения.

Указанная морфологизация ударения касается не только тех слов, в корнях которых стоит гласный верхнего подъема (*и, ы, у*), не удерживающий на себе ударения, но и в словах с корневыми гласными неверхнего подъема, обычно удерживающих на себе ударение, например: *бос'тáльны* «брат», *ректáльны* «намотать», *орө́тны* «разорвать» и др.

О развитии процесса морфологизации ударения свидетельствует и тот факт, что в прилагательных сравнительной степени суффикс *-жык* всегда перетягивает ударение на предыдущий слог, независимо от того, гласные какого подъема находятся в предыдущих слогах, например: *күз'жык* «длиннее», *пöри́с'жык* «старше», *бöры́нжык* «позже», *кокн'и́жык* «легче», *бöсн'и́жык* «тоньше», *горö́нжык* «промче», *басö́кжык* «красивее» и т. п.

Следовательно, явление морфологизации ударения — это новый процесс, не имеющий пока широкого распространения, но находящийся в стадии развития.

¹ В скобках даны слова с ударением на том слоге, на котором они должны стоять при существующей, качественно-вокальной системе ударения.

¹ В. И. Лыткин. «Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам». М., 1955, стр. 27.

Необходимо отметить, что в этом немалую роль оказывает и система ударения соседнего (нижнеиньвенского) диалекта, где морфологизация распространена намного шире под влиянием иньвенского диалекта.

V. ТЕКСТЫ

ОШҚОТ ПАНТАСЬОМ

(Быль)

Ошыслө ме шедли отпырис'. Мөдис вартны, да эз жө варт. Вис'талисө, порс'сет по пыромас' переменаот, муномас' ыблө. Вөрас пыри. Az'z'и чак коровьяк. Думайта: «Вот обед лас». Матын ошшес вөлөмас' пижаннэскөт. Друг ошыс ме дынө. Макайтча ч'ирнас. Ошыс сыз' и ч'еч'ч'олтө, н'евна оз кут. Пижаннэс кайисө көзлө. Ветлас на дынө да опет' локтө. Ме которти көзөк ултө. Сулч'час так, мыша, лапасө сөта. Нет, из сулч'ч'и. Одва мезми. Дыр жө поли ветлынытө вөрас, года два.

Скоро и елсинской мужиксө вартлөм, синсө кыскөм. Кода велалөм, так мортислис' из пов. Деревня гөгөр и олис. Менам воныс вийис сийө.

Ошыс лөгалө, пижаннэсө вартө и мыл'а пырөнө мортис дынө. Са малинасө с'ојө эд буря.

ОШҚОТ ПАНТАСЬОМ

(на коми-перм. лит. языке)

(Быль)

Ошыслө шедли (ме) отпырись. Мөдис вартлыны, да эз жө вартлы. Вис'талисө, порссет по пыромась переменаот, муномась ыб вылө. Пыри вөрас. Адззи тшак, коровьяк. Думайта: «Вот обед лас». Матын ошшез вөлөмась пижаннэзныскөт. Вдруг ошыс ме дынө. Макайтча чернас. Ошыс сидз и чеччөвтө, невна оз кут. Пижаннэс кайисө көз вылө. Ветлас ны дынө да опеть локтө. Ме которти көзөк увтө. Сувтчас так, миса, лапасө сөта. Нет, эз сувтчы. Одва мезми. Дыр жө поли ветлыны вөрас, год кык.

Чожа и елсинской мужиксө вартлөм, синсө кыскөм. Кода велалөм так мортислис' эз пов. Деревня гөгөрас и олис. Менам воныс вийис сийө.

Ошыс лөгалө и пижаннэсө вартлө, мыля пырөны мортис дынө. Сия малинасө эд буря сийө.

ВСТРЕЧА С МЕДВЕДЕМ

(Быль)

Медведю я попадался один раз. Он хотел избить, да не избил же. Сказали, что свиньи твои зашли через просеку и пошли на поле. Зашел я в лес. Нашел белый гриб. Думаю: «Вот обед будет». Оказывается, близко медведи были с медвежатами. Вдруг медведь ко мне. Махаю топором. Медведь так и кидается, чуть не поймает (не достает). Медвежата взобрались на ель. Сходит к ним да снова придет (ко мне). Я спрятался под елью. Думаю, если остановится, лапу зарублю. Нет, не остановился. Едва ушел от них. Долго же я боялся в лес ходить, года два даже.

Скоро и елсинского мужика избил (медведь), глаз вытацил. Который привык, так человека не боялся. Около деревни и жил. Мой брат убил его (этого медведя).

Медведь сердится, бьет и медвежат своих, почему идут к человеку. Он ведь малину ест хорошо.

М. А. САХАРОВА, Н. Н. СЕЛЬКОВ

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОВОРА сс. МОРДИНО И ЛОПЫДИНО (ПО р. ЛОКЧИМ)

Говор жителей по р. Локчим до настоящего времени никогда и никем не изучался. С целью изучения его с 21 апреля по 1 июня 1960 г. нами была осуществлена поездка в сс. Мордино и Лопыдино. В указанных населенных пунктах нами изучались фонетические и грамматические особенности говора, собирался лексический, фразеологический и фольклорный материал.

Население указанных сел занимается сельским хозяйством, лесозаготовкой, отчасти рыболовством и охотой. Сведения нами получены от рабочих совхоза «Корткеросский».

Село Мордино было основано в начале 18 века. Из фамилий в данном населенном пункте встречаются Шевелевы, Нестеровы, Забоевы, Ситкаревы, Тарабукины, но наиболее распространенной фамилией является Шевелев. Как сообщают пожилые люди, первым поселенцем был Конаш. Место, куда он впервые поселился, и теперь называют Конаш куш «пустырь Конаша». Конаш якобы сбежал из Пустоша (ныне Сысольского района), от с. Иб добрался через лес на р. Локчим и здесь скрывался. Во время переписи он назвался Шевелевым. Жена его была из Пустоша или Куниба. Конаш имел четырех сыновей. Он занимался охотой, рыболовством и подсекой. Впоследствии сюда поселились Нестеровы из Маджи, Тарабукины из Керчемьи или Кужбы, позднее — Ситкаревы из Чотдина и Забоевы из Дани (из населенных пунктов р. Локчима).

Таким образом, из сообщений старожилов очевидно, что первоначальное заселение с. Мордино, как и ряда других населенных пунктов, происходило за счет выходцев из Сысолы и верхней Вычегды, но семейные и другие связи все более укреплялись с жителями верхней Вычегды, что не могло не сказаться и на языке.

Название Мордин происходит от названия реки Морью «река Мор», впадающей в р. Локчим в 4 км ниже Мордина.

В д. Дань Мординского сельсовета (в 8 км ниже с. Мордино) проживают Забоевы. Первым поселился Данил Забоев, который прибыл из Кочпона (близ Сыктывкара). От его имени (Данил) и произошло название деревни.

В с. Лопыдино проживают Кирушевы, Подоровы, Гилевы, Шамановы, Нестеровы, Калининны. Название с. Лопыдин происходит от названия р. Лопью.

Говор населения сс. Мордино и Лопыдино существенно не отличается от верхневычегдского говора коми языка. Различия в говорах с. Мордино и с. Лопыдино незначительны, поэтому в примерах не приводим ссылки на населенный пункт.

Приведем краткую характеристику говора указанных пунктов.

Из области фонетики

1. Гласные и согласные фонемы наблюдаемого говора аналогичны фонемам коми литературного языка, поэтому на них мы не останавливаемся. Говор отличается употреблением гласных *и*, *э* в первом слове слова.

В первом слове, в положении *и*, *ы* многих других коми диалектов, независимо от фонетических условий произносится переднерядный гласный, акустически производящий впечатление промежуточного звука между *и* и *ы*, но он более близок к первому. По степени подъема от *и* коми литературного языка отличается более низким положением языка, при произношении его корень языка несколько отодвинут назад, на слух отличается более низким характерным тоном, но такой гласный не является какой-либо особой фонемой. Ниже в наших примерах он нами условно обозначается буквами *i*, *u*, во всех других местах

ради упрощения — *i*, *u*. Приведем примеры в сравнении с коми литературным языком: *копиртчисні*, к. л. *копыртчисны* «наклонились, нагнулись»; *дасьтілісні*, к. л. *дасьтылісны* «подготавлили»; *мездіні*, к. л. *мездыны* «освободить»; *ветліні*, к. л. *ветлыны* «сходить»; *оз мунні*, к. л. *оз мунны* «не идут»; *тэ ветлі*, к. л. *тэ ветлы* «ты сходи»; *кыминісь*, к. л. *кымынысь* «сколько раз»; *вётлісьэні*, к. л. *вётлысьёны* «гоняются»; *төлісис*, к. л. *тöлысьыс* «луна»; *артіштні*, к. л. *артыштны* «взвесить»; *аддзивліні*, к. л. *аддзывлыны* «повидать»; *еджід пызь*, к. л. *еджыд пызь* «белая мука»; *сойис пемид*, к. л. *войыс пемыд* «ночь темная»; *нелямин*,

к. л. *нелямын* «сорок»; *ветимин*, к. л. *ветымын* «пятьдесят»; *чикиши*, к. л. *чикыши* «ласточка»; *пелис*, к. л. *пелыс* «весло» и т. д.¹

В первом слоге в некоторых случаях *i* произносится на месте *y* ряда говоров: *турин*, к. л. *турун* «трава»; *вурин*, к. л. *вурун* «шерсть»; *шушин*, к. л. *шушун* «сарафан из домотканного холста».

Однако в первом слоге, по-видимому, под влиянием коми литературного языка не исключено произношение обычного *и* в конце двусложной основы: *аски* «завтра», *өні* «теперь», *сёрни* «разговор», *векни* «узкий», *ёді* «лещ», *чери* «рыба», *шонді* «солнце» и т. д. и после палатальных согласных: *сизим* «семь», *отик* «один», *весиг* «даже», *али* «или», *вөлисыт* «только, только что», *сі серти* (также *сертти*) «по нему», *ме кындзи* «кроме меня», *тэ пыдди* «вместо тебя» и т. д.

Обычное *и* наблюдается и в произношении русских заимствованных слов, однако такое произношение проводится непоследовательно: *роботник* «работник», *рөзбонник* «разбойник», *пьянник* «пьянник», *пушина* «пушнина», *путник* «путник», *рыжик* «рыжик», *миритні* «мирить», *печник* «печник», *пөлтинник* «полтинник», *празник* «праздник», *прөтивэ* «противно».

В русских заимствованных словах *ы* передается через *и* или *у*: *покрывало* «покрывало», *найдыш* «найденый», *призив* «призыв», *призівайтчині* «призываться», *салтір* «салтырь», *пасінік* и *пасінік* «пасынок».

В первом слоге слова, в односложных и сложных словах гласные *и*, *ы* произносятся как и в литературном языке: *ид* «ячмень», *ырэш* «квас», *мица* «красивый», *позтыр* «гнездо», *лунтыр* «целый день», *отмында* «одинаковое количество». Однако в односложных словах и в первом слоге не исключена возможность произношения *и* на месте *ы* других диалектов, или наоборот. Например: *вить* — *ыджыд вить*, к. л. *ыджыд вить* «требующий за один прием много пищи»; *мыся*, к. л. *мися* «мол»; *сікэд*, к. л. *сыкэд* «с ним»; *сі моз*, к. л. *сы моз* «как он».

В первых слогах и частицах независимо от фонетических условий в положении *ө* ряда других диалектов произносится передний гласный, производящий впечатление промежуточного звука между *э* и *ө*. Такой гласный образуется при более низком подъеме языка, чем коми литературное *э*, корень языка оттянут несколько назад. В наших примерах такой открытый гласный, хотя и он не представляет какой-либо особой фонемы, условно

¹ По-видимому, этим обстоятельством (неразличением *и*—*ы* в первом слоге) объясняются допускаемые учащимися этого говора ошибки в литературном написании слов на *и*—*ы* в первом слоге. Например: в написании допускаются следующие ошибки: *сэны* (лит. *сэні*) «там», *тэ дырйы* (лит. *тэ дырйи*) «при тебе», *висьыс* (лит. *висис*) «болел», *вермыс* (лит. *вермис*) «поидут», *ветліні* (лит. *ветлыны*) «сходить», *оз мунні* (лит. *оз мунны*) «неидут», *ныліслісь* (лит. *нылыслысь*) «от ее дочери» и т. д.

обозначается буквой *э*: *кыпэдэні*, к. л. *кыпөдөны* «поднимают»; *мунэмэн повзэдлэ*, к. л. *мунөмөн повзөдлө* «пугает уходом»; *бура лөсьэтчэмэн*, к. л. *бура лөсьөдчөмөн* «хорошо приготовившись»; *ог пэ лок*, к. л. *ог пө лок* «не приду, говорит»; *көн жэ*, к. л. *көн жө* «где же»; *көн нэ*, к. л. *көн нө* «где же».

В первом слоге, как и в других диалектах, произносится *ө*, но в некоторых словах встречается *э*, тогда как в других диалектах произносится *ө*: *пач чэла*, к. л. *чөла* «чело печи»; *тэня*, к. л. *төня* «тоня»; *семдіні*, к. л. *сьөмдыны* «закатиться (плачем, кашлем, смехом)»; *йэйид*, к. л. *йөйид* «глупый»; *червөнь*, к. л. *чөрвөнь* «подвязка (для чулок)».

В сложных словах, как и в других диалектах, произносится *ө*: *сьөдбөж* «горностаи», *паськөм* «одежда» и т. д.

В первом слове на месте *ө* ряда других говоров в некоторых словах произносится *о*: *гожом*, к. л. *гожөм* «лето»; *пожом*, к. л. *пожөм* «сосна»; *сёром*, к. л. *сөрөм* «скирда»; *колоко*, к. л. *колөкө* «быть может»; *сором*, к. л. *сорөм* «похлебка из кваса и толокна».

2. По употреблению *л*—*в* наблюдаемый говор относится к эловому типу. Как и в литературном коми языке, в конце слова и перед согласными в середине слова произносятся губно-зубное *в*, перед гласными — *л*: *вөв* «лошадь», *төв* «зима», *пывсян* «баня», *ывла* «улица», *мавтні* «смазать», *чувки* «чулки». В некоторых словах перед гласными употребляются то и другое: *тавун* и *та-лун* «сегодня».

Из некоторых основ *в* может выпадать: *упыш*, к. л. *увпыш* «посконь (мужская особь конопли)»; *сючөж*, к. л. *суючөж* «гоголь (утка)»; *ут*, к. л. *увт* «подложка, подкладка (напр., под штабель)»; *унмосис*, к. л. *унмовсис* «заснул», *кемині*, к. л. *кевмыны* «молить, умолять, молиться». В некоторых словах на месте сочетания *вм* других диалектов факультативно произносятся *мм* (на основе уподобления): *коммас ветліні* «придется сходить».

3. *дь*—*йд*, *йт*—*ть*, *г*—*дь*, *к*—*ть* употребляются как и в литературном коми языке: *додь* «сани», *бадь* «ива», *кодь* «подобный, сходный с, похожий на»; *няйт* «грязь», *квайт* «шесть», *нюйт* «тина», *войт* «капля»; *пөлать* «полати», *крөвать* «кровать»; *гижні* «писать», *гид* «овчарня», *гез* «веревка», *дерт* «конечно»; *ки* «рука», *кепись* «рукавицы», *телега* «телега».

4. Употребление гласных и согласных в первом и первом слоге в ряде слов не совпадает с коми литературным языком. В большинстве случаев такое несоответствие имеет одиночный характер.

Приведем некоторые примеры из области гласных:

у—*о*:¹ *шуй* — *шой* «труп», *сапэгшуй* — *сапөгшой* «изношенные сапоги»;

¹ В приведенных примерах первое слово приводится из говора с. Мордино, второе (через тире) — из литературного языка.

и~е: *картупиль* — *картупель* «картофель»; *тшемилэ песні* — *шемела песны* «бить бока об пол»; *калябич* — *калябеч* «кляпик в ловушке»;

и~у: *визів* — *визув* «быстрый, текучий», *бусірман* — *бусурман* «басурман»;

е~а: *парекод* — *паракод* (диал.) «пароход»; *завтрек* — *завтрак* «завтрак»;

о~а: *заловка* — *залавка* «залавок, залавка»;

и~а: *кайми* — *кайма* «кайма»;

е~и: *неглясьні* — *ниглясьны* «извиваться, увиваться»;

о~е: *завотка* — *завертка* «завертка»;

у~ы: *ошубитчині* — *ошыбитчыны* «ошибиться» и т. д.

Примеры из области согласных:

в~м: *вевйэдні* — *мевйөдны* «приручать, приласкать» (о животных);

ш~сь: *шлед* — *след* «след», *штен* — *стен* «стена»;

сь~ш: *наросьнэ* — *нарошнө* «нарочно»;

б~п: *бакула* — *пакула* «гриб на березе»;

н~м: *лонтіні* — *ломтыны* «топить, затопить», *лонавні* — *ломавны* «гореть, пылать»;

м~й: *кезмэдліні* — *кезйөдлыны* «передергивать»;

б~ноль: *намбир* — *намыр* «костяника»;

ж~з: *кожъян* — *козъян* «скоба для ношения топора»;

г~к: *годйіні* — *кодйыны* «копать, выкопать, вырыть»; *пув сик* — *пув сикт* «место, обильное брусничкой», *чөд сик* — *чөд сикт* «место, обильное черничкой»;

к~г: *каля из* — *галя из* «галька»;

ч~дз: *чодзув* — *дзодзув* «ящерица»;

к~т: *верклян* — *вертлян* «ловкий, увертливый»; *глөкнитні* — *глөтнитны* «глотнуть, проглотить»;

г~б: *гумага* — *бумага* «бумага», *гумажник* — *бумажник* «бумажник», *гумажнэй* — *бумажнөй* «бумажный»;

дз~ж: *бугдильэн* — *бугжыльөн* «исподлобья, хмуро», *бугдильтчині* — *бугжыльтчыны* «насупиться, нахмуриться»;

п~б: *пугритні* — *бугритны* «окопать, окучить картофель»;

б~м: *борбочитні* — *бормочитны* «бормотать»;

н~нь: *нін* — *нин* «уже», *локтіс нін* — *локтіс нин* «уже пришел», *тыдалэ нін* — *тыдалө нин* «уже виднеется», *конюшна* — *конюшня* «конюшня»;

ч~сь: *вочков* — *воськов* «шаг», *вочковтні* — *воськовтны* «шагнуть, перешагнуть», *вочлас* — *восьлас* «ходкость (о лошади)»;

тш~ш: *тшырпэн йитні* — *шыпөн йитны* «скрепить шипом, шпонкой», *тшемилэ песні* — *шемела песны* «бить бока об пол»;

ноль~ш: *кув-ковмунні* — *шкув-шковмунны* «гулко раздаться»; *ковгині-луйні* — *шковгыны-луйны* «выстрелить, издавая гул»;

сь~ц: *сьвет* — *цвет* «цвет»;

ч~ц: *чинга* — *цинга* «цынга»;

к~х: *калат* — *халат* «халат», *караактер* — *характер* «характер», *кирург* — *хирург* «хирург», *совкоз* — *совхоз* «совхоз», *кром* — *хром* «хром»;

п~ф: *потография* — *фотография* «фотография», *грапин* — *графин* «графин», *путбол* — *футбол* «футбол», *пупайка* — *фуфайка* «фуфайка», *перма* — *ферма* «ферма», *пасон* — *фасон* «фасон», *пабрика* — *фабрика* «фабрика», *невраль* — *февраль* «февраль», а также *шпанера* — *фанера* «фанера» и т. д.

5. В сочетаниях *сьт*, *ст*, *шт* *т* не выпадает: *гөсьт* «гость», *обласьт* «область», *вөлисьт* «только, только что», *коласт* «промежуток», *пласьт* «плашмя», *пласт* «пласт, слой», *шөркост* «средний», *чукэст* «позови», *юшит* «выпей немного», *мунішт* «отодвинься». По аналогии *т* вставляется в слове *адрес* (произносятся *адрес*). *Т* не произносится в словах: *кык пөвса* «двойной, в два ряда», *кык пөвсэн* «в два ряда, в двойном размере», *пөвсін* «в среде, среди», *өтсуда* «одинаковой высоты».

6. Между двумя гласными, из которых один обычно является гласным переднего ряда, на стыке морфем может произноситься *в* (но чаще не произносятся): *ловэ* «будет», *лови* «стало», *вови* «прибыл», *нувэ* «несет», *ювэ* «пьет», *пувэм ва* «кипяченая вода». Между двумя гласными *в* может произноситься и в составе корневой морфемы: *кыва* «заря», *ювэр* «весть, известие», *лыва* «песок», *Жувед* (собственное название части деревни).

7. Между двумя гласными, из которых обычно один или оба являются гласными переднего ряда (*и*, *э*), на стыке морфем может произноситься *й*: *базайэ* «в базу», *керкайэ* «в дом», *школайэ* «в школу», *мича лентайа* «с красивой лентой», *Көракайэ* (*Көрака* — собственное название реки + суффикс *э* вступительного падежа), *картайин* «в хлеву», *кузь юрсийа* «длинноволосый», *кийа-кока* «с руками и ногами», *пийук* «сынок», *няйт пийин* «в грязи», *мый вылайин* «на какой высоте», *винайис* «вино», *трубичайэ* *быдмавіні* «на катушку намотать», *кадрайин уджалэ* «работает кадровым рабочим», *бабайис локтіс* «жена его пришла», *төтяйис* «тетя его», *невестайис* «его невеста», *гагйис лывайэ пырис* «насекомое спряталось в песок», *шонід пасяйэсь* «в теплых шубах».

Однако в одиночных случаях *й* может произноситься и между гласным и согласным: *Пыш пийсис упыш увъялісні* «в конопле выбирали посконь».

Факультативное произношение *й* между гласными может быть и на стыке двух слов (обычно самостоятельного и служебного): *сөй тыкэ-йа* «ешь, а там видно будет»; *локтад кэ, самэварсэ пукта-йа* «если придете, самовар поставлю»; *дукис тайзэв ёна кылэ-йа* «запах сильно слышен»; *Апөнкайид тай гөт-расьэма-йа* «Афонька, оказывается, женился»; *татшэмэсь и йэ-мэсь* «такие и есть»; *сідз вед и йэм* «ведь так и есть»; *ме йэг воли* «я не приходил». Возможно произношение и без *й*: *көсьи*

мунні-а, сія локтіс «хотел уходить, а он пришел», сёйні колі-а, эз лок «покушать было надо, а не пришел».

И может произноситься после слов, оканчивающихся на гласный: оз бара й пов «небось не боится»; ёна й пестуйтчис «очень чванился, егозил, издевался»; шондіа дырйи потшэстьяс вералэні й «в солнечную погоду и изгородь рябит»; дас вит тонна й примитэмась колкозідлісь «15 тонн и приняли у колхоза», мыля нэ тшыкэда, оз бара й «почему испортит, конечно нет»; ош сія бура й тапйэдліс лапанас «медведь ловко орудовал лапами».

8. При стечении гласных, особенно при стечении аз, оз, в говоре наблюдается стяжение, но оно проявляется не последовательно и не всегда: мунэмась «оказывается, ушли», локтэмась «оказывается, пришли», петэмась «оказывается, вышли», шонід пасясь «в теплых шубах», шляпаась «в шляпах», лөсид гөлэсась «с хорошим голосом», сьодні, сьотчині «задать корм скоту», медбөртьяс «в последний раз». Вместо сочетания аз может произноситься аа или а (реже): керкаа (вм. керкаэ) «в дом», школаа (вм. школаэ) «в школу», петіні ывлаа (вм. ывлаэ) «вышли на улицу», ваа пырис (вм. ваэ) «в воду канул».

9. Вставочные звуки произносятся в тех же случаях, что и в литературном языке: лымйис «снег», гебйис «мошка», гыжйис «ноготь, копыто», кудйис «лукошко», чагйис «щенка», ошкис «медведь», лэчкис «силок, петля», шептіс «колос», синмис «глаза» и т. д. Однако вставочный звук может произноситься там, где их в литературном языке нет: стенмас, к. л. стенас «в стену»; сөнмис, к. л. сёныс «жила»; клубйэ «в клуб», лугйис «луг», Лөкчим вожъяд «на Локчиме»; мөд зводйин «во втором взводе».

10. В сочетаниях орфографического тч, чч в говоре произносятся тч: сотчині «сгореть», вотчині «собрать ягоды», вөтчині «угнаться», сэтчэ «туда», татчэ «сюда», патчэрин «на печке», ортча «рядом», мытчині «подать», мөртчині «вдаваться, дронять, пронимать», четчині «вставать, сойти», кажитчині «казаться, представляться, нравиться»; но шойччині «отдыхать».

11. В сочетаниях ддз уподобление не наблюдается: аддзині «видеть», гыррдза «локоть», коддзині «опьянеть», луддзині «зачесаться», бөрддзині «заплакать».

12. Наблюдаются следующие явления регрессивной ассимиляции: а) приглушение звонкого перед глухим: соттіні «добавить», пөттіні «удушить», быттор «все», бөрттөм кага «неплачущий (неплаксивый) ребенок», пөтса «закрытый», велэтчині «учиться», мөдэтчині «отправиться», лөсьэтчині «подготовиться», бергэтчині «вернуться», сапкэптіні «всадить», нельскэптіні «содрать (о коже)», косьэптіні «ударить», жваньэптіні «ударить с треском», гизьэптіні «ринуться», гнетко «лошадь пнедой масти»; б) озвончение: өддортні «недолюбливать», өдгудірйэ олэні «живут все вместе», өддыра «одинаковое время»; в) альвеолизация: лөжджык «синее, более синий», лөж тшын «синий дым», кош тшак «сухие грибы», рошшуй «худая метла».

13. Как и в литературном языке, наблюдается явление регрессивной ассимиляции: желлис «лучина, заноза», моллис «моль (сплавн.)», Илля «Илья», собраннэ «собрание».

14. В отдельных словах вместо дж коми литературного языка употребляют ж: джужда, к. л. джуджда «высота»; джуждэдні, к. л. джудждөдны «углубить, сделать более высоким»; ыжда, к. л. ыджда «размер»; ыждэдліні, к. л. ыдждөдлыны «величать».

15. В сочетаниях жж других говоров произносится сочетание ждж: дрөжджитні, к. л. дрөжжитны «дрожать»; вөжджи, к. л. вөжжи «вожжи».

16. В заимствованных словах в середине слова на месте буквы щ произносится сочетание шти: сплавитшик «сплавщик», патеритшик «квартирант», плөштшадь «площадь», прөзьвиштыэ «прозвище», гуштша «гуща», прөштшайтні «прощать».

17. Наряду с полным произношением слов в ряде слов в произношении наблюдается сократительная тенденция: сэсса, сэся, сьэсья, сься, ся «потом, затем»; мыйла, мыля, мыя «почему», ньөти «ничуть»; өдлі (вм. видзөдлі), мый вөчэ «смотри, что делает».

18. В некоторых словах наблюдается перестановка звуков в слове: ардйині керкаяс, к. л. радйыны керкаяс «побывать подряд в домах»; чыкышкэд (наряду с кичышкэд), к. л. кичышкөд «полотенце»; кипируйтні «пикировать, пересадить»; трубаретка, к. л. табуретка «табуретка».

19. Некоторые заимствованные из русского языка слова подвергаются значительной фонетической переработке. Приведем некоторые примеры: шомпур, к. л. шомпол «шомпол»; чоботан, к. л. чемодан «чемодан»; малюрованнэй таз, к. л. эмалированный таз «эмалированный таз»; электричество, к. л. электричество «электричество»; лицерин, к. л. глицерин «глицерин»; ятскэй, к. л. вятскөй «вятский»; пенсионер, к. л. пенсионер «пенсионер»; найэздуч, к. л. наизусть «наизусть»; камберт, к. л. конверт «конверт»; алемэньэвэй, к. л. алюминевөй «алюминиевый»; шпалюр, к. л. шпалер «шпалер, обои»; алябас, к. л. алебастр «алебастр»; звөнни, к. л. двөйни «двойня»; помазия, к. л. бумазья «бумазья» и т. д.

20. Ударение в словах музыкально-тоническое, без резкого выделения того или иного слога в слове, но часто такое ударение подчеркивается на последнем слоге последнего слова: ставніс зэв бурэсь «все очень хорошие».

Из области морфологии

1. Падежные суффиксы и функции их те же, что и в коми литературном языке. Несколько своеобразно употребляется вступительный падеж. Вместо сочетания инфинитива с винительным падежом существительного других диалектов нередко

употребляется существительное без послелогога или с послелогогом в вступительном падеже: *ставис потшэсэ мунэні* букв. «все в изгородь идут» вместо к. л. *ставыс потшѳс потшны мунѳны* «все идут строить» (ставить) изгородь, городить поле»; *бабаяс ветлісны куйэдэ* букв. «женщины ходили в навоз» вместо к. л. *бабаяс ветлісны куйѳд петкѳдны* «женщины ходили возить навоз»; *чери дорэ муна* букв. «к рыбе иду» вместо к. л. *чери кыйны муна* «иду ловить рыбу».

2. При числительных для подчеркивания (выделения) количества препозитивно употребляется слово, образованное от того же числительного с помощью суффикса *-а*: *асівнас кыка кыкись Иваніс кайліс больничаас* «утром дважды Иван ходил в больницу».

3. Личные местоимения в именительном падеже следующие: *ме* «я», *тэ* «ты», *сія* (чаще) и *сійэ* (реже) «он, она, оно», *ми* «мы», *ті* «вы», *ная* (чаще), *нія* и *найэ* (реже) «они». В 3 лице ед. числа во всех косвенных падежах и в послеложном оформлении в основе сохраняется *и* (*сі*), тогда как во многих других диалектах *ы*: *сілэн* «его», *сілісь* «его» (при вин. п.), *сілі* «ему», *сікэд* «с ним», *сітэг* «без него», *сійэ* «его» (вин. п.), *сі вывті* «по нему» и т. д. В 3 лице мн. числа во всех косвенных падежах основой является *ная* (чаще) или *нія* (реже), в послеложном оформлении — *на*: *наялэн* «их», *наялі* «им», *наякэд* «с ними», *на ордэ* «к ним» и т. д.

Личное местоимение 3 л. ед. ч. в винительном падеже употребляется в нолевой форме — *сійэ*; формы винительного падежа остальных местоимений аналогичны формам коми литературного языка: *менэ, миянэс, тэнэ, тиянэс, наяэс* (чаще), *ніяэс* (реже).

4. В родительном падеже личного местоимения 1 л. ед. числа употребляют *менам* и *меям* «у меня», 2 л. ед. ч. — *тэнад* и *тэяд* «у тебя»; в дательном падеже 1 л. — *менім* и *мем* (*мен* не употребляют) «мне», 2 л. — *тэнід* и *тэд* (*тэн* не употребляют) «тебе».

5. Указательные местоимения в им. п.: *тая* «этот», *этая* (чаще), *этия* (реже) «вот этот», *сія* «тот», *эсія* «вот, тот»; в винит. пад.: *тайэ, этайэ* или *этийэ* (реже), *сійэ, эсійэ*.

6. Местоимения *код, некод*, имеющие в своем составе суффикс *-нан* и оформленные личными суффиксами, произносятся через одно *н*: *некоднанім*, к. л. *некоднанным* «никто из нас двоих»; *некоднанід*, к. л. *некоднанныд* «никто из вас двоих»; *некоднаніс*, к. л. *некоднанныс* «никто из них двоих».

7. Во 2 л. мн. числа глаголы имеют стяженные формы *-ад, -ид*: *ті мунад*, к. л. *ті мунанныд* «вы пойдете или идете»; *ті мунід*, к. л. *ті муніннід* «вы ушли».

8. В 1 прошедшем времени 3 лица ед. и мн. числа в окончаниях некоторых глаголов *с* может не произноситься: *сія муні*, к. л. *сійѳ муніс* «он ушел»; *ная муніні*, к. л. *найѳ мунісны* «они

ушли»; *ная петіні ывлаа* «они вышли на улицу»; *оліні старик гозъя* «жили старик со старухой».

9. Слова *мед* и *оз* в повелительном наклонении глагола стягиваются в одно слово: *висьтав, моз* (*мед + оз*) *мун вѳрас* «скажи, чтобы не ушел в лес»; *сія моз пыр йѳрас* «он пусть не зайдет в огород»; *мучитчэмсэ моз аддзив* «чтобы мученья не видел»; *ыжъясэс колэ вевйэдні, моз лоні вѳйэсь* «овец надо ласкать (расположить, приманивать, привлекать), чтобы они не стали боязливыми»; *лобэс вѳчасні кок йылэ, моз шыр кай* «кладовую (при охотничьей избушке) строят на столбах, чтобы не могли попадать мыши».

10. Глаголы во II прошедшем времени 3 л. мн. числа имеют стяженную форму *-эмась*, к. л. *-ѳмаѳсь*: *ворэ мунэмась* «оказывается, ушли в лес».

11. В ряде слов употребляются иные варианты словообразовательных суффиксов, чем в коми литературном языке: *дзибэр пыж*, к. л. *дзибрѳс пыж* (во многих других диалектах *дзибыр*) «валкая, неустойчивая лодка»; *сѳрмэс*, к. л. *сѳрмѳд* «перекладника на носу в корме лодки»; *вѳрзьэга* (также *вѳрзяса*), скр. *вѳрзяса* «быстроходный, резвый (о лошади)»; *пышийэс морт*, к. л. *пышийѳм морт* «сбежавший человек»; *няньэсьсині*, к. л. *няньэсьны* «обжиться хлебом»; *голид*, к. л. *гольѳб*: *шабдіис голид*, *позъя нін нетикині* «лен поспел, уже можно убирать»; *берег пѳвъяис*, к. л. *берег пѳлѳныс* «вдоль берега» и т. д.

12. Некоторые качественные прилагательные могут оформляться суффиксом *-а*, тогда как в коми литературном языке такое явление не наблюдается: *мугэма гѳрд* «темно-красный», *баръяла кока* «косопланный», *еджида шабді* «моченый лен», *сьѳда шабді* «немоченый лен».

13. В местоимениях и наречиях употребляется суффикс *-я* со значением неопределенности, неизвестности: *коръя и сія локтас* «кто его знает, когда он придет», *кѳнъя олэ* «кто его знает, где живет», *кодъя вѳлі* «кто его знает, кто был», *мыйя висьталіс* «кто его знает, что сказал».

Из области синтаксиса

1. Указательные местоимения в роли определения в вин. п. согласуются с определяемыми существительными в падеже, в остальных падежах согласование не наблюдается: *тайэ мортсэ* «этого человека», *сійэ керкасэ* «тот дом», *этайэ мортсэ* «этого человека».

2. В качестве обращения к мужскому полу наиболее часто употребляют слово *берба* «милый»: *лок, берба, пукси* «иди, милый, садись», а к женскому полу — *акань* букв. «куколка». Из других слов, употребляемых в качестве обращения, отметим следующие: *бобув* букв. «бабочка», *роч туг* букв. «русская кисть», *бобэ* «дорогой, милый», *зѳлэга* «золотце» и т. д.

3. Часто встречаются такие сложные предложения, где разнообразные смысловые связи выражаются союзной частицей *а* или *да*: *лунтыр бавъялас-ветлѡдлас, удж оз аддзы-а* «целыми днями болтается, а работу не видит»; *туйдіні да путшкыні тьяныль век ловэ, ас сюсьлуннід оз тырми-а* «указывать вам всегда приходится, своей смышленности (догадливости, пронырливости) не хватает»; *нимсэ толькэ вѡдитэ, уджис абу-а* «лишь нима, а работы нет»; *сизим ведра картупильис рок кодъ, кымма да* «семь ведер картофеля подобно каше, т. к. замерзла»; *вурин шѡртис вутшійэсь, омэль вуриніс вѡлі да* «шерстяная пряжа с узлами, потому что шерсть была плохая»; *ичѡт кагаяс кэ бѡрдасні нэ-а* «если бы маленькие дети, плакали бы»; *ме оз повзбы, тэ кѡтъ кыдзи-а* «я не испугаюсь, а ты как хочешь».

4. В наблюдаемом говоре повествовательные предложения могут произноситься с восходяще-нисходящей интонацией, как и в коми литературном языке: *кодкэ тай сэн быдмасьэ вѡлі-а* «кто-то там наматывал». Наряду с этим предложения часто интонируются резким повышением тона на последнем гласном: *дѡмаса ставіс нін вѡлі* «уже вся в заплатках была»; *тэ тай вовсе ковтістэм* «ты совсем не умеешь вести себя».

Иногда произношение последнего слова во фразе сопровождается незначительным понижением тона на предпоследнем гласном и резким повышением на последнем: *мыйла колин? Тэ нэ кытісь?*

Из области лексики

В лексике говора имеются многие слова, которые отсутствуют в других диалектах (быть может и имеются, но не зарегистрированы) или известные, но употребляются в ином значении. К таким словам, например, относятся: *айпу* «верхний набой борта лодки», *аня*: *ранитчѡм ош пондіс пожъявні аняэ* «раненый медведь стал смывать рану», *аржи* «мужская рабочая одежда из холста», *акань* «бабка (кость для игры)», *арашуйчынні* «драться, буяннить (о пьяном)», *аркйинні* «захватить, присвоить, забрать, забирать», *аршавні* «пожирать, пожрать», *бабэ* «вид мелкой рыбы», *баляс* «перила (лестницы)», *бобэ гаг* «божья коровка», *брунгэтчынні, дзиргэтчынні* «находиться в неподвижности, стоять на видном месте», *букишитчынні* «покрываться тучами, становиться пасмурным», *бурундук* «дощатая площадка перед крыльцом», *быдзан* «в ловушке для дичи палка с выемкой на конце», *быдзигтінні* «выпучиться, выпереться (о стене)», *вѡр айка* «злой дух, обитаемый в лесу», *вашля* «перепел», *вежэня* «гнилой нарыв», *вежмасьні* «соревноваться, состязаться во время жатвы», *вежэс яй* «подкожная плева животных», *вешлак* «водопуск в мельничной плотине», *витишкыні* «целиться, прицеливаться, прицелиться», *воджгеб лы* «лопатка», *водзпѡр*

«раньше, прежде», *воз гаг* «моль», *вой тѡв ном* «мелкая мошкара», *восьпича* «оспа», *вѡв шома пель* «курчавый щавель», *вуджас*: *ветель вуджас* «место, куда вставляется мережа, ставная сеть», *выліс*: *шадбі выліс* «плохой сорт кудели», *вылянь* «кличка коровы (если родилась в понедельник)», *ганьгинні*: *пуис ганьгэма* «дерево наклонилось», *гоблек* «небольшое озеро», *гогнасьні* «попрошайничать, выпрашивать», *гѡн сюйэд* «постельник, куда набивают перья», *перина эжэд* «наволочка для постельника», *гудравні* «тасовать (карты в колодке)», *гулькуль* «вор», *гынъявні* «истоптать (напр. траву)», *гытовтчынні* «наклониться, полечь (о хлебных злаках)», *дзоль* «доска для забора», *дзольна* «вид какой-то птицы (с длинными перьями на голове)», *додьясьні* «спутаться, запутаться (о нитках)», *дор кѡш* «уполовник, большой пивоваренный ковш», *дыни* «в основаниях осиновых лодок выступы, сделанные для прикрепления дуг», *дыш гурдей, дыш вугим* «лентяй», *дышку* «толстая ржаная лепешка», *картупиля дышку* «толстая ржаная лепешка с мятым картофелем», *пызя дышку* «толстая ржаная лепешка с тестообразной массой на простокваше», *ѡді гаг* «майский жук», *ѡкмилытчынні* «завязаться (о плоде брусники)», *жарминні* «вспотеть», *зоб* «живот», *зобъясьні* «быть беременной», *зобъя баба* «беременная женщина», *зоб перйинні* «сделать аборт», *йиг* «в заячьей кулеме придавливающее бревно», *йѡн юр турин* «одуванчик», *йитшкыльтчынні* «скрючиться, согнуться (о перезревшем хлебе на корню)», *калюга* «навозный жук», *канон* «обряд, состоящий в коллективном приготовлении и распивании пива (в году три раза — в день Прокопия и в осенний и весенний дни Кузьмы Демьяна)», *карган* «дыхательное горло», *квйтквачкан* «перепел», *крошни* «двустворчатая рамка для котомки», *кермыш* «личинка майского жука», *кевзінні* «кричать (о зайце, когда попадает в капкан или петлю)», *кыльксінні* «гоготать (о гусе)», *коблэгитні* (Лопыдино), *омлэговні* (Мордино) «бороздить топором кровельный тес посередине для стока воды», *колпакасьні* «повязать платок на голову в виде колпака», *коръя нянь* «колобок, испеченный на капустном листе, листовуха», *кѡй* «мелкий, белый, твердый червяк (в мясе)», *яйис кѡййэсьсема* «мясо очервивело», *кѡч* «отсвет от зеркала, который блестит или бегаёт по стене (детск.)», *кѡч* «в углах избы зайчики, промерзлые, покрытые клубковатым инеем места», *крича*: *крича кучкалі* «разбивал комья земли», *круткині* «кудахтать (о курице)», *кутьэ* «собака в возрасте одного года», *куша раб* «гуща из-под сусла», *кыш*: *туйис кыш кульні* «снять бересту дудкой для бурака», *кышай* «берестяной поплавок на рыболовной сети», *кыльчэ лэбас* «навес крыльца», *лепушки* (Лопыдино), *лепэшки* (Мордино) «картофельные сочни», *лыньгиртчынні* «присесть на корточки», *лесімтчынні* «вянуть, завянуть (о растениях)», *люкимасьні* «надоедать частым посещением», *лагир чер* «плотничий топор», *люгні* «топтать, истоптать (напр., траву)», *лыньгиртчынні*

«скривиться, искривиться», *лонь* «мелкая щука», *лудань* «кличка коровы, если родилась на лугу», *лөзэд* «загородка, препятствие, устраиваемая из мелкой ели, кустарников, порослей справа и слева от ловушки или западни», *лясмунні* «телиться, отелиться», *мөс сёркни* «турнепс», *мөс* (Лопыдино), *кодзув кольк* (Мордино) «муравьиное яйцо», *мыськині* «идти стремительно, быстро», *мөвкъявни* «ходить спеша, быстро размахивая руками», *микэла* «дугообразная дощечка, насаженная на палку для сгребки зерна в кучу после молотыбы», *мөсьтравни пыж* «спрятать лодку», *муткильтчині* «перевернуться (о рыбе)», *маля турин*, *малямуй турин* «дикий клевер», *мачуритни* «плести руками пояс», *нардйисьни* «жалобно петь, оплакивать (на девичниках)», *ныльэтчавни* «пропитаться потом», *нартитчині* «издеваться», *нартитни* «насмехаться, изнурять», *вез негуль* «капустный червь», *ва нюглей* «минога», *недэй тшай* «холодный чай», *нямдіні* «мянуть, размякнуть (о грязи)», *ордіні* «зреть (о гнойных нарывах)», *өдерень* «быстрее», *өтириште вайи* «принес зараз», *өтлег* «облегчение», *лаш падъян кодь* «невзрачный, плюгавый (о человеке)», *папу* «ржаные сочни», *паткиртчині* «киснуть, закиснуть, бродить (о сметане, капусте)», *патрайтни* «бить, колотить», *пелёк* «застежка в ботах», *пердіктіні: пердіктэ-мунэ* «идти вперевалку, вразвалку», *песни* «обтёсывать», *петук голя* «кадык», *петук голя морт* «человек с выступающим кадыком», *пеша чунь* «рассошка светца», *пешни* «прищемить (напр. лучину в рассошку светца), прижать»; *урис кольсэ пешэма да пыльльэ* «белка прижала шишку и лушит», *пинтявка* «зубастая женщина», *пися пос* «лестница (приставная)», *пися пу кок* «ходули», *пывсья пөварня* «специальная банька для варки пива», *пузгиртчині* «рассердиться, разозлиться», *путкиртни* «быстро, дружно расти (напр., о капусте)», *порсявни: кольтаяссэ порсяв* «сложь снопы для суслана», *пөнни* «обдуть, обжудить», *пуртас* «место, где купается дичь», *ридз* (Лопыдино) «стебель у трав», *рыськанөкъя* «творог со сметаной», *ремасьни* «лепетать (о ребенке)», *рога* «навар смолы с шерстью», *рогитни* «осмолить (лодку)», *сюа чом* «родной дом», *саридзовъяс: саридзовъяс локтэмасьнин* «перелетные птицы уже прилетели», *саръя морт* «человек с норовом», *сера чачэ* «валек для катания белья», *славница* «хорошая красивая девушка», *сөзмині* «сроститься (о кости после перелома)», *сөрмэс* «перекладина в носовой части лодки, служащая в качестве ручки при перетаскивании лодки с места на место», *сөспу* «рябина» (ее плоды — *пелісь*), *стөканасьни* или *орлитчині* «играть в деньги (в орлянку)», *сынни* (Лопыдино), *варччині* (Мордино) «плавать (о животных)», *сыста* «подбел», *сяр* «городки», *сярпаличасьни* «играть в городки», *тувсэг* «вид рыболовной запруды из плетеных дранок», *туртан* (Мордино), *тутан* (Лопыдино) «в ловушке или в западне ветка, в конце расколота пополам (Мордино), раздвоенная ветка (Лопыдино)», *тюляйт-*

чині «плескаться (о детях)», *тюкес пыж*, *пөслукман пыж* (Лопыдино), *дзувкэс пыж* (Мордино) «ходкая лодка», *тшутш* «съедобные внутренности (напр., у рыб, зайца и т. д.)», *чальпа* «копыто», *муштшуп* «запруда поперек реки (оставляют только проход для лодки)», *төчитни* «ругать, бранить», *чирзись төрэкан* «сверчок», *тепйині пув* «по яголке кушать бруснику», *тшалак* «деревянная втулка (затычка) на дне чана», *тюръясьни* «катать яйца (в день Вознесения), *чепник* «деревянная кадка, меньше чана (для сусла)», *стыръя* «чан», *телега сарай* «кузов телеги-двуколки», *ус гыжйэд* «носовой платок — свадебный подарок жениху от невесты», *утка котір* «Малая Медведица», *уйла-вайлаасьни* «говорить с хитростью», *ульэм* «нерест (рыбы, лягушки)», *уччөд* «вороника», *чавзіні* «кудахтать (когда курицы просят еду)», *чаль: кос чаль* «сухой сук», *шор чаль* «ответвление речки», *чапэдні* «кидать камни в воду», *чарэдні* «гоняться за курами (о собаке)», *череп: черепа кер* «венеч с гнездом для концов настила потолка», *чиби* «палка у мельничного ковша для вытряхивания зерна», *чибльэг: эшкын чибльэг* «одеяло с отделением для ног», *чивиль* (Лопыдино), *чиуль* (Мордино) «личинки насекомых (в стоячей воде)», *чочкэм* «трудолюбивый, старательный, красивый», *чөрэс* «зимняя охотничья обувь, голенище из домотканного сукна, а головка валеная», *чешъясьни* «потрескаться (только о губах)», *чудъявни* «быть нелюдимым, боязливым», *еджида шабді* «мочёный лён», *сьода шабді* «немочёный лён», *шадер: вугир шадер* «удилище», *таг шадер* «тычина для хмеля», *шкорина* «еловая кора, употребляемая для покрытия шалашей», *шлот чер* «колун», *шмака юра гаг* «головастик», *шомапель* «щавель кислый», *шор сітан* «устье реки», *шпалюр* «обои», *штыр* «пучок соломы, через которое пропускают (цедят) сусло», *шуймині* «пропитаться влажностью (о дровах)», *шурид* «веселый, разговорчивый (о человеке)», *шыавни: зобйэй шыалэ* «в желудке урчит», *чунь пу* или *шы* «копье», *ен ыж ку* «северное сияние», *энь орт баля* «овца, оягившаяся не достигнув зрелого возраста», *эньпу* «основание лодки из осины», *гулю, көчамач* «дождевик (гриб)», *трелеч* (Лопыдино), *паськид борда гаг* (Мордино) «стрекоза» и т. д.

Лексика говора богата изобразительными словами: *пергилтэ-локте* «идет ковыляя», *чоя-вокалі баллялігкостініс эз. ло* «брату и сестре, пока они глазели, ничего не досталось», *швань-эпті-юи васэ* «залпом выпил воду», *бронвидзні-пукавни* «сидеть неподвижно», *саргині-узьни* «спать сопя», *шлопъялэ-ветлэдлэ удж ни туй* «ходит-болтается без дела», *кильскині-серавни* «смеяться, хихикать», *кор бара эштан лайкъявнид-а* «когда успеешь ходить покачиваясь», *едикасьэ пач водзас* «возиться возле печки»; *бринькъявни-йөктіні* «попрыгивая плясать» и т. д.

Дук ни бак «безвкусный», ув ни пör «совсем без сучьев (о дереве)», ту ни сю оз кывси «ни слуху, ни духу, нет никаких известий», лы ни ку воши «пропал», юр ни бöж котэртис «побежал очень быстро, промелькнул», кыв ни вом «молчит, ни слова не молвит», вор ни пом он велав «ничего не поймешь», дзими-люку люкала «забодаю (детск.)», сьöлэм вуж ортэдз бöрднi «плакать до изнеможения», син кольтэдз видзэдi «присмотрел все глаза», чомэр туйис чужи (говорят, если родится дочка), горшас шыр гольгэ «в порле хрипит», ки чодз вöраса «с ловкими руками», лёк кок сюри (букв. плохая нога нашлась) в знач. «плохая жена нашлась», гугэн-банэн сёрнитни «как попало разговаривать», лёк дорвыв усьни «оскандалиться», рудуа морт «человек с норовом», ен петэм лун уджавни «ежедневно работать»; енкыла гөгэрис нин кытшовти «весь свет объехал», кок йöзвизэй быри «в ногах силы не стало», чушкан семья мында челядис «ребят много (букв. что семья осы)», нули-паллi сёрнитни «разговаривать туда-сюда», лов куришье котэрти «бежал во весь дух», туэ-буэ петкэднi «выболтать», уйки-майкиэн нунi «тайком унести», киись-кокись усьни «почувствовать изнеможение от чего-нибудь», сюрестэм мортэс усьпаньньэ выв пукседнi «проучить бестолкового человека», ки шудис бур «счастливый», чирей кывъяд букв. «чирей на язык, если плюнет кто-нибудь», уджавтэгид кузис оз лый «без работы ему ничего не пристанет», сер сюрас да мөдэда «представиться возможность отправлю», кузь чилля лун куткирвидзэ склад водзин «весь день сидит возле склада», кок улас мян моз оз чуж (о быстро идущем человеке), сьöд сёрйэ öшэднi «на черную перекладину избывесить (говорят в день именины)», багдзильэн видзэдлiс «присмотрел косо», вомкөтшэдiс быг иматкэ «говорит с пеной у рта, говорит в сильном гневе», вый войталан лун «хороший день», гачтэм пöтей кунва юись (о детях, ходящих без штанов), сiя талун абу ас пас вылас «он сегодня не в духе», чики-ляткиэн тöргуйтнi «торговать из-под прилавка, одним отпустить товар другим нет», кисид-коксид лэдзасемид «бездельничаешь, совсем не работаешь», чöс туйид öзйис «невесту проворонил, невесту прозевал», вом тыр ва босьтэма «полон рот воды набрал (о неразговорчивом человеке)», пуд уськэднi «бросить жребий», ним-лун сёйни «справлять именины», веж кыв усьни «проясниться в уме», горш кыскавни «радоваться чужой беде, злорадствовать», кокнид шома «легкомысленный», синмэ пыран гут кодь «как надоедливая муха», кертэм гыр кодь «как необтесанная ступа (о толстой женщине)», лиска кукань кодь «похож на ласкового

теленка», шöрттэм дöра паннi «бить баклуши», дуль ва, локтэ «слюны текут (при желании скушать вкусное)», сьöд каньяс-көнкэ лайкйэн нуиснi (говорят, когда ищут утерянное и не находят) и т. д.

КЫДЗИ ПОП КАИИС РАЙЭ

Оліснi-выліснi гöль старик гозъя. Наялэн вöлі Иван пи. Пиис вöлі частэ гусясьэ. Особеннэ поп ордiсьджик гусясьліс. Поп и шуэ Иванлі: гортiн пэ деньга яштшик вылэ вода, сiйэ кэ верман гусявнi — ловъя колян, он верми — юр долой. Иван думайтас, кызд жэ сiйэ гусявнi. Сiя сэсся пасьтасяс аньгелэ да ыджид празниклань панiд локтас поп дiнэ. И поплi шуэ: «Отец Григорей, тэнэ требуйтэнi райэ». А поп видзэдэ сi вылэ — абу прöс-тэй морт — аньгел. «А кызд сэтчэ пондам кайнi?» — юалэ поп. Ме пэ катэда тэнэ. Поп сöгласитчис. Вай пэ тэмешэкэ пыр, да ме тэнэ мышку вылін и катэда. Иван босьтас мышку вылэ попэс да катэда с кöлэкэльничэ. Сэсся ыджид джыньян кывйэ онлань юрэн öшэдас, кöрталас. Поп шуэ, сьöкид жэ пэ тай ряд кайнiтэ. А мөдiс шуэ, дерт пэ сьöкид.

Иван мунас поп ордэ да попаддялі шуэ, ряд пэ батюшкотэ деньгатэг оз лэдзнi да деньгасэ менэ тшöктiс вайнi. Иван кватитiс деньга яштшиктэ да нуис гортас.

Аскинас колэ вичкоин служба шуэднi, а поп век абу. Попаддялісь юалэнi, көн поп, а попаддя шуэ: сiйэ пэ райэ требуйтiснi, аньгел пэ воліс да катэдiс.

Сэсся коркэ стöрэж каяс кöлэкэльничэ, а поп öшалэ джынь-ян кывйин онлань юра, чуть-чуть ловъя. Сiя и мездас поптö. Поп мунас гортас, а деньгаид абу. Иван ловъя коли.

(Мойдiс Лопыдiнын В. Н. Кирушев, 73 арöса).

КАК ПОП ПОДНЯЛСЯ В РАЙ

Жили-были старик со старухой. Жили они бедно. У них был сын — Иван. Сын часто воровал. Особенно воровал у попа. Поп и говорит Ивану: «Дома я лягу на ящик, где хранятся мои деньги; если деньги сумеешь украсть — жив останешься, не сумеешь — голову сниму».

Иван призадумался, как у попа ящик с деньгами украсть. Накануне большого праздника он оделся в одеяние ангела и явился к попу. И говорит ему: «Отец Григорий, тебя требуют в рай». А поп смотрит на него — не простой человек — ангел. «А как туда будем подниматься», — говорит поп. Я-де подниму тебя. Поп согласился. Давай, говорит, ты залезай в мешок, я тебя на спине и подниму. Иван взвалил мешок с попом на спину и поднял на колокольню. Затем привязал (попа) вниз головой

к языку большого колокола. Поп и говорит, мол, трудно, оказывается, подниматься в рай. А Иван ему: конечно, мол, трудно.

Иван возвратился в дом попа и говорит попадье: в рай-де батюшку без денег не пускают и он просил ящик с деньгами. Иван схватил ящик и унес домой.

На другое утро попу нужно было отслужить службу, а его все нет. Спрашивают у попадьи, где же поп. А попадьа говорит: его-де в рай потребовали, приходил-де ангел и поднял его.

Как-то сторож поднялся на колокольню, а там поп висит вниз головой, еле-еле живой.

Сторож освободил пола. Поп пришел домой, а денег нет. Иван остался жив.

(Рассказал В. Н. Кирушев, 73 лет, житель с. Лопыдино).

Е. С. ГУЛЯЕВ

РЕДКИЕ СЛУЧАИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИСХОДНОГО ПАДЕЖА В КОМИ ЯЗЫКЕ¹

Исходный падеж в коми и близкородственных ему коми-пермяцком и удмуртском языках имеет весьма широкий семантический диапазон. Он может употребляться в местно-исходном, отделительном, временном, сравнительном, причинном, возмездительном значениях, для обозначения материала, в транслативных и усилительных конструкциях, в отделительных оборотах с послелогом типа *õtдор* «кроме», при глаголах отчуждения и восприятия, при глаголах речи, мысли и т. д.² В этих значениях исходный падеж коми языка употребляется очень продуктивно и находит в большинстве случаев удовлетворительное объяснение.

В данной статье рассматриваются, насколько это позволяет материал, такие конструкции с исходным падежом, которые довольно редко встречаются в литературе. Некоторые из них находят объяснение, некоторые же современному человеку являются непонятными.

1. Имя, оформленное суффиксом исходного падежа, раскрывает содержание (признак) действия. Например: *Парчегын вöлі тюръясьлöны чипан колькйöн в о ö м ы с ь* (с. Зеленец, наблюдения автора) «Раньше в деревне Парчег катали куриные яички на выигрыш», букв. «из выигрыша». В литературе: *Кызвын кадсö коллялöны вöлі шашкиасьöмön да истöгысь картіасьöмön*

¹ Статья представляет собой фрагмент из кандидатской диссертации «С-овые падежи в коми языке». Научный руководитель — доктор филологических наук профессор В. И. Лыткин.

² Подробнее в статье Е. С. Гуляева «Функции исходного падежа в коми языке». Историко-филологический сборник. (Коми филиал АН СССР). Выпуск четвертый, Сыктывкар, 1958.

(Педь Генъ. Кык повесть, 27) «В основном время убивали игрой в шашки и карточной игрой на спички», букв. «из спичек». *Печикысь дөведясны* (Г. Федоров. Повестьяс да рассказъяс, 168) «Играть в шашки на щелки», букв. «из щелчков».

2. В разговорной речи и литературе употребляется иногда исходный падеж со значением условия и предупреждения. Примеры: *Колянныд отнаныд да не дуромысь* (с. Деревянск. набл. автора) «Дома остаетесь одни, но не дурите (обращение к детям)», букв. «но не из дурения». *Көмтөгьд котралан да не висьмомысь!* (там же) «Бегаешь босой — не заболей!», букв. «не из заболевания». *Кучкан мачас да быть лэччөмысь* (с. Иб; набл. автора) «Ударишь по мячу и должен бежать до противоположной черты (условие игры в лапту)», букв. «из обязательного бега». В литературе: *Ме со мый тьянлы шуа, но чур не скөрмөмысь* (Г. Федоров. Повестьяс да рассказъяс, 179) «Я вам вот что хочу сказать... но прошу не сердиться», букв. «но не из сердчания». В диалектах встречаются весьма оригинальные конструкции, немного похожие на вышеприведенные. Например: *Мунанныд он талун вотчыныды?* — *Миян талун не мунөмысь нин* (с. Вомын; набл. автора). — Сегодня пойдете с нами по ягоды? — «Нам сегодня уже не удастся пойти», букв. «не из ходьбы».

3. В коми языке имеется свыше двух десятков наречий образа действия, образованных при помощи суффикса исходного падежа из имен существительных и прилагательных, а также наречий. Перечислим некоторые из них: *выльысь* «снова» (*выль* «новый»), *инаысь* «всерьез, не на шутку», *лөкысь* «грубо, непочтительно, сердито», *бурысь* «по-хорошему», *мыйвермөмысь* «изо всех сил», *помысь* «без конца, постоянно», *сьөлөмысь* «проникновенно, горячо, с воодушевлением», *шөрйысь* «на пополам», *муртсаысь* «чуть-чуть», *нимкодбысь* «радостно», *мырдысь* «силой, насильно», *лөгысь* «с ненавистью», *гугысь* «наоборот, неправильно», *отвыльысь* «вместе, сообща», в диалектах: *тшукысь* «на самом деле» (Летка), *бытысь* «по необходимости» (Айкино), *вынысь* «крепко» (Удора), *сьөктись* «тяжело» (Удора).

Определенное количество аналогичных наречий имеется и в близких родственных языках. В коми-пермяцком бытуют, например, следующие: *весись* «зря», *былись* «серьезно», *бөбись* «глупо», *вились* «снова», *весьтөмысь* «беспричинно». В удмуртском имеются следующие наречия: *выльысь* «снова», *кужмысь* «силой», *радысь* «один за другим», *огпумысь* «попутно, заодно» и т. д.

Коми и удмуртские наречия образованы по одной и той же модели и в смысловом отношении однотипны. Данный способ образования наречий сложился, по-видимому, в общепермское время, а может быть и раньше, ср. мордовские наречия: *парсте* «хорошо», *виевстэ* «сильно»; финские наречия: *hitaasti* «медленно», *lujasti* «крепко».

4. Имя в исходном падеже обозначает предмет, относительно которого что-либо констатируется или узнается. Примеры: *Эг өд мөй лун кежлө денъгаысь орлы* (фольклор; сборник П. Доронина) «Я жила и никогда не испытывала нужды в деньгах», букв. «из денег». *Йөзыс пө төлысь тай йөрмөмны да төв пөляла* (фольклор; сборник Ф. Плесовского) «А вот, говорит, люди пришли в тупик в отношении ветра и дую я ветер», букв. «затрудняются из ветра». *Видзөдлан пучер пөлөныс вывлань, кутшөмджык веськыдсьыс* (Тима Венъ. Кер пөрөдөм) «Посмотришь вдоль ствола дерева и узнаешь, как в отношении его прямизны», букв. «каково из прямизны». *Яйысь ни, йөлысь ни, вуренысь ни, нинөмысь некор нужда эз төдлы Тист Иванлөн семьяыс* (Нёбдинса Виттор. Луча) «Семья Тист Ивана никогда ни в чем не нуждалась: ни в мясе, ни в молоке, ни в шерсти».

Когда сложились конструкции данного типа, определить затруднительно. Следует, однако, отметить, что подобная синтаксическая модель представлена как в близких, так и дальних родственных языках: удм. *пиналыосы няньлэсь ёрмыса медам улэ* «их дети, испытывая недостаток в хлебе, нанялись в батраки», букв. «от хлеба» (Wichmann. *Wotjakische Chrestom.*); морд. *сон киштемеде мастер* «он мастер плясать», букв. «от пляски» (И. Е. Евсевьев. Основы мордовской грамматики); финск. *Näin on rikas rahaista* «он богат деньгами», т. е. «в отношении денег», букв. «из денег»; *Esä olj väha horgjake luonteelta* «отец по натуре был немного нерешительным», т. е. «в отношении характера», букв. «от характера» (Э. Паюсалу. Внешнеместные падежи в прибалтийско-финских языках. Автореферат канд. диссертации).

5. Исходный падеж употребляется при глаголах, обозначающих усвоение учебного материала. Примеры: *Талун найө кутөны экзамен физикаысь* (набл. автора; с. Деревянск) «Они сегодня сдают экзамен по физике», букв. «из физики». *Роч кывйысь сия бура велөдчө* (там же) «Он хорошо учится по русскому языку», букв. «из русского языка». *Тэ, Слава, ныртө кутин лэптыны, весиг Толя Подоровлы алгебраысь отсавкуны откажитчин* (Войвыв кодзув, 1955, № 1) «А ты, Слава, знался, даже отказался помочь Толе Подорову по алгебре», букв. «из алгебры». В разговоре и литературных произведениях встречается также именное управление. Управляющее имя в этом случае обозначает общее понятие, например, книгу, тетрадь, а управляемое имя конкретизирует это понятие: *алгебраысь за-дачаяс* «задачник по алгебре», *коми кывйысь удж* «упражнение по коми языку». В литературе: *Көні арифметикаысь тетрадьöй?* (Войвыв кодзув, 1955, № 1) «Где моя тетрадь по арифметике?»

Следует отметить, что в современном языке, особенно в литературе, в таких конструкциях вместо исходного падежа чаще употребляются послелог *кузя* «вдоль, по»: *роч кыв кузя велөдчан книга* «учебник по русскому языку».

Хотя в близких родственных языках конструкции типа *отса-ны алгебраысь* «помочь по алгебре» не зафиксированы, им находят аналогии в дальних родственных языках: морд. *алгебраста тетрадь* «тетрадь по алгебре» букв. «из алгебры», венг. *algebra-ból* *коггеретáл* «консультировать по алгебре» букв. «из алгебры».

6. В некоторых фразеологических сочетаниях коми языка встречается весьма своеобразное употребление исходного падежа. Зафиксирована, например, фраза: *М е ы с ь -метом, т э-ы с ь -тэтотм* (Фразеологический словарь коми языка) «Я — без тебя, ты — без меня», т. е. «мы больше не знаемся». Буквальный перевод фразы следующий: «Из меня — без меня, из тебя — без тебя». Как можно заметить, этот перевод не помогает раскрытию генезиса конструкции, а также не раскрывает семантики исходного падежа. Нам неизвестно, бытуют ли в коми языке другие фразы подобного рода и имеются ли аналогии в родственных языках.

7. Исходный падеж в послеложных формах *сьорысь* и *кежысь*. Хотя данные формы в коми языке употребляются довольно часто, обращает внимание их необычное значение. Приведем примеры с этими послелогом: *Тая ружьетö ме босьта сьорысь, ог коль* (Висервожса мойдъяс, 130) «Это ружье я возьму с собой, не оставлю дома»; *Став овмөстö сьорсьыд он новлөдлы* (поговорка) «Всё хозяйство с собой возить не будешь»; *Коді дөрөм кежысь, коді пинжака, пукалісны гож водзын да варовитісны* (Г. Федоров. Повестьяс да рассказъяс, 61) «Кто в одной рубашке, кто в пиджаке, сидели на солнышке и беседовали»; *Сійö ас кежсьыс век на унаысь думыштлө, мыйла эськө Свежов бригадирас пуктис сійöс, Микитöс, а эз Педөрöс, Мишаöс либö Глашаöс* (В. Юхнин. Дінъельса вөрпункт, 45) «Он про себя иногда думает, по какой же причине Свежов бригадиром назначил его, Никиту, а не Федора, Мишу или Глашу».

В послелого *сьорысь* относительно легко выясняется значение его основы *сьор* — «постранство за предметом» (ср. *сьорын* «с собой», *сьорö босьтны* «взять с собой», на Удоре *керка сьор* «место за домом», удм. *город сьоры* «за город»). Но что обозначает здесь падежный показатель *-ысь*? Совершенно очевидно, что в форме *сьорысь* суффикс исходного падежа *-ысь* выступает не в своем обычном значении и не обозначает движение от предмета. Наоборот, в конструкции *босьтны сьорысь* мы имеем ярко выраженное сопроводительное значение, и конструкции с послелогом *сьорысь* буквально обозначают «взять за собой; взять на себе». Весьма возможно, что в форме *сьорысь* именно суффикс исходного падежа выражает указанное соединительное значение.

С формой *сьорысь* и по значению, и по способу образования перекликается форма *кежысь*. Конструкции с этим послелогом также имеют соединительное значение: *дөрөм кежысь* «в одной

рубашке» <«с одной рубашкой», ас кежысь «про себя» <«с самим собой».

Генетические корни и изоглосса форм типа *сьорысь* и *кежысь* в пермских языках остаются пока что невыясненными.

* * *

В большинстве из представленных коми-зырянских конструкций с исходным падежом конкретное местное значение падежа не улавливается говорящими. Их происхождение может быть установлено лишь ориентировочно и в общих чертах. Так, исходный признака действия связан, по-видимому, с исходным причины и основания (*ворсны воöмысь* «играть на выигрыш», т. е. «играть из побуждений выиграть»). Исходный условия, исходный в наречиях образа действия и исходный в послелогом *кежысь* и *сьорысь*, вероятно, связаны между собой общностью значения: конструкции *сөмын не висьмөмысь* «только не заболевай», букв. «не из заболевания», *бурьысь сёрнитны* «по-хорошему поговорить» и *дөрөм кежысь* «в одной рубашке» по существу отвечают на вопрос как? каким образом? Конструкции типа *йöлысь бура олöны* «в отношении молока живут хорошо», по нашему мнению, имеет определенные точки соприкосновения с исходным причины. Исходный при глаголах, обозначающих учебу, мог развиваться из исходного причины и компенсации (*арифметикаысь пуктисны* «5» «по арифметике поставили «5», исторически «за арифметику», ср. *книгаысь мынті дас ур* «за книгу заплатил 10 копеек»).

О времени возникновения этих конструкций можно будет говорить, по-видимому, лишь после того, как будет собран новый материал из диалектов близких и дальних родственных языков.

Д. А. ТИМУШЕВ

ТРАНСКРИПЦИЯ КОМИ ТОПОНИМИИ СРЕДСТВАМИ РУССКОЙ ГРАФИКИ

В составе топонимии Коми АССР встречается большое число названий, сложившихся из слов и словосочетаний коми языка. Поскольку топонимические названия используются в качестве названий географических объектов, становятся названиями новых городов, железнодорожных станций и т. д., постольку необходимо транскрибировать их так, чтобы начертание (буквенный состав) не противоречило правилам русской орфографии и в то же время воспроизводило бы подлинное звучание слова, а в тех случаях, когда это невозможно из-за фонетических различий языков, давало бы произношение, наиболее близкое к подлинному.

Орфографические правила определяют собой передачу звуков данного языка теми или иными буквами алфавита, но не устанавливают способы передачи иноязычных звуков. Ни в правилах русской орфографии, ни в правилах коми орфографии нельзя найти ответа на вопрос о том, какой русской буквой должен передаваться тот или иной звук коми языка, которого нет в фонемном составе русского языка. Так как вопрос о способах транскрибирования коми звуков русскими буквами не разработан, транскрибирование географических названий производится по соображению, в результате чего одни и те же названия приобретают разные начертания, один и тот же звук в одном и том же положении (иногда в одной морфеме) обозначается разными буквами.

Точная передача иноязычных звуков и произношения иноязычных слов графическими средствами другого языка, конечно, невозможна. Применительно к транскрипции коми названий русскими буквами точным и правильным написанием нужно считать такое написание, когда тот или иной звук последовательно тран-

скрибируется одной и той же буквой, обозначающей наиболее близкий звук, т. е. когда выбор буквы основан на звукосоответствии.

Звуковые соответствия русского и коми языков могут быть установлены путем сравнения общих слов, бытующих в том и другом языках. Таких слов можно найти очень много. Среди них преобладают, конечно, слова русского происхождения, перешедшие в коми языке фонетические изменения согласно его фонетическому строю. Из слов коми языка в русском языке получили обращение преимущественно топонимические названия, тоже подвергшись звуковой переработке. Бытование общих слов, как русского, так и коми происхождения, измеряется, по-видимому, уже веками. Например, ряд топонимических названий и названий населенных пунктов Коми АССР встречается в писцовых книгах 1585 и последующих годов точно в тех же формах, в каких они употребляются и теперь. Следовательно, обнаруживаемые в общих словах звукосоответствия испытаны временем, а не являются плодом случайного употребления одного какого-либо слова.

В дальнейшем изложении будут вкратце охарактеризованы звуки и звукосочетания коми языка, затрудняющие транскрибирование их русскими буквами и вызывающие разнобой в транскрипциях географических названий. В связи с этим будут приводиться слова для установления соответствующих им русских звуков.

Звук ö

Звук ö в коми языке является неогубленным гласным полного образования среднего ряда и среднего подъема. Он акустически напоминает русский редуцированный гласный, обозначаемый буквой о (например, во втором слоге слова *город*). В коми словах звук ö употребляется в различных слогах, в сочетании с разными звуками как после твердых и мягких согласных, так и после гласных и йот: *öзын* «причал», *лöп* «хлам», *льöм* «черёмуха», *гыöр* «иней», *йöн* «осот». Но в некоторых говорах коми языка употребляется только в первом слоге слова, а в других слогах на его месте выступает э, что свидетельствует о некоторой близости этого звука к э.

Русское соответствие звука ö обнаруживается на следующих словах:

Коми формы слов	Русские формы слов
1. Слова русского происхождения	
а) öзим мöлöt бöрöзда гöра, кöса, вöр	озим молот борозда гора, коса, вор

Коми формы слов	Русские формы слов
б) шöвк жöлöб Печöра чöлнöк	шёлк жолоб, жёлоб Печора челнок (ткац.)
в) сьöмга тьöс тьöтка	сёмга тёс тётка
г) йöрш	ёрш
2. Слова коми происхождения	
а) Кöрткерöс Визябöж Лöкчим Мöдлапöв	Корткерос Визябож Локчим Модлапов
б) Межöг	Межог
в) Льöмью Сьöдью	Лемью Седью

Слова первой группы (русского происхождения) показывают, что коми ö выступает соответствием русского о в различных его положениях, в том числе после мягких согласных (орфогр. ё) и после шипящих. С другой стороны, в коми словах звук ö в русском произношении в большинстве случаев (после твердых согласных и ж) перерабатывается в о, а после мягких согласных — в э (орфогр. е): сьöд — сед, льöм — лем.

Среди более поздних транскрипций можно встретить некоторые отступления в способе передачи коми звука ö в положении после твердых согласных. Так, например, названия Сьöдкыр-кöтш, Кöччойяг, Гöрд знамя в газете появляются в начертаниях Седкыркэтш, Кэччойяг, Гэрд знамя, т. е. звук ö передается буквой э. Правда, первое из этих названий в диалектной форме произносится Сьöдкыркети (т. е. э в последнем слоге, орфогр. е), но т. к. объект находится вне территории этих говоров, нельзя предположить, чтобы транскрипция передавала диалектную форму слова. Совершенно очевидно, что в этих транскрипциях букве э произвольно придано несвойственное ей значение и не обусловленное звукосоответствием.

Впрочем в транскрипции этих слов наблюдается разнобой. Например, производное слово Кöччойягский печатается не через э, а через о: Коччойягский, что вполне укладывается в орфографические нормы русского языка и поддерживается звукосоответствием (сравните: кöчан — кочан, кöса — коса, кöрзина — корзина, Кöтшпон — Котшпон и т. д.). Стало быть, приведенные названия должны транскрибироваться через о: Седкыркоти, Коччойяг, Горд знамя.

В коми языке весьма употребительно сочетание ö с предшествующим йот: йö. Для установления русского сочетания данному звукосочетанию наиболее убедительным примером является йöрш «ёрш», в котором коми йö закономерно выступает соответствием русскому йо (орфогр. ё). Другие известные нам единичные транскрипции коми названий русскими буквами не подчинены общей закономерности. Так, речка Йöл (приток Северной Кельтмы) в транскрипции получила форму Ель, а Йöра ёль на Печорской жел. дороге транскрибировано Ира-Иоль. Последнюю транскрипцию приходится отнести к случайному факту, т. к. в ней и сочетание йо во второй части слова (в буквенном выражении ё) передано искусственным буквосочетанием ио (вместо ё). Имея в виду звукосоответствие ö—о и учитывая проявление его в формах слов йöрш — ёрш (где коми сочетание йö соответствует русскому йо, орфогр. ё), можно без оговорки принять, что для ö в сочетании с йот (йö) русским соответствием тоже является о в сочетании с йот (орфогр. ё). Но так как в русском слвонизменении наблюдается чередование ё—е (ёрш — ерша), то в звукосоответствии йö—ё в определенных случаях ё может переходить в е, подобно тому, как после мягких согласных коми ö в русской фонетической переработке дает э (орфогр. ё): льöм — лем, сьöд — сед.

Сочетания звуков йэ, йо, йу, йа; йи, йы, йö

Сочетания йэ, йо, йу, йа в коми графике, как и в русской графике, обозначаются буквами е, ё, ю, я. Эти буквы употребляются в значении э, о, у, а после мягких согласных. Поэтому встречающиеся транскрипции типа йоль или иоль вместо ёль ничем не оправданы, т. к. такие написания противоречат нормам и русской и коми орфографии.

Так как в русской орфографии буква ё употребляется только в особых случаях, а чаще на ее месте употребляется е, читаемая как ё, при транскрибировании коми названий следует учитывать, что в коми словах буквы ё и е несут смысловозначительную роль, поэтому нельзя употреблять букву е вместо ё.

Кроме звукосочетаний, обозначаемых буквами е, ё, ю, я, в коми словах часто выступают сочетания йö, йы, йи, несвойственные русскому языку. Для их обозначения в коми графике нет особых букв, соответственных буквам е, ё, ю, я, поэтому эти сочетания на письме обозначаются двумя буквами: йыв «вершина, верхушка, верховье, исток», йон «осот», йи «лёд».

Вопрос о транскрипции сочетания йö разобран выше (в связи со звуком ö). Сочетание йи в составе географических названий нами не замечено, поэтому останавливаться на нем нет надобности. Здесь остается для рассмотрения звукосочетание йы, встречающееся в составных названиях. В практике транскриби-

рования это сочетание неизнаваемо переделывалось. Так, например, *Изъвайыл* в транскрипции приняло форму *Изваиль*. Надо, однако, учесть что эта транскрипция относится к довольно отдаленному прошлому, когда в практике транскрибирования слов не допускались неупотребительные в русской графике сочетания букв. Принимая же во внимание, что в современной практике допускаются несвойственные для русского языка сочетания букв, которые возможны для русского произношения, звукосочетание *йы* в коми названиях, а также и *йи*, если это встретится, рекомендуется передавать двумя буквами: *Кырйыв*, *Юйыв* и т. д.

Аффрикаты тш, дж, дз

В фонемном составе коми языка имеются аффрикаты (сложные звуки) *тш*, *дж*, *дз*. Аффриката *тш* является твердым соответствием русского *ч* и произносится как русское диалектное твердое *ч*. Аффриката *дж* является звонким соответствием *тш*. Аффриката *дз* выступает как мягкий звонкий, близкий к белорусскому *дз*.

Обозначение аффрикат в современной коми графике представляет из себя транскрибирование этих звуков русскими буквами. И, поскольку в русском письме допускаются для передачи иноязычных слов несвойственные для русского языка, но возможные для русского произношения буквосочетания, постольку проблема передачи этих звуков является вполне разрешенной. В прошлом же, когда коми аффрикаты обозначались усложнениями разных букв, слова с этими звуками транскрибировались довольно разнородно. Так, например, *Көтшпон* (от *Көджпон*) приобрело начертание *Кочпон*, а *Джеджим* — *Жежим*. Однако и в этих написаниях нельзя усматривать какой-то произвол, ибо в них без необычных буквосочетаний передаются звуки коми слов наиболее близкими к ним русскими звуками. Тем не менее в транскрибировании новых названий придерживаться ранее применявшихся способов (*тш—ч*, *дж—ж*) не должно, а во всех случаях коми аффрикаты необходимо транскрибировать принятыми в коми графике буквосочетаниями. Отличие от коми начертаний будут иметь русские транскрипции слов с аффрикатой *дз*. Эта аффриката, как упомянуто выше, в коми языке мягкая и в коми графике ее мягкость ничем не обозначается, как и мягкость *ч* в русском письме: после *дз* не ставится *ь*, а из гласных должна быть обозначена или буквой *ь* или буквами *е*, *ё*, *ю*, *я*. Например: коми *Додз* в русской транскрипции должно иметь начертание *Додзь*, коми *Дзоль* — *Дзёль*, коми *видз* — *видзь* и т. д.

Звуки *ы*, *э*, *и*

В коми языке по особому поставлено употребление звуков *ы*, *э*, *и*. Все они употребляются как в начале слова, так и после твердых и мягких согласных. (В русском языке *ы* употребляется только после твердых согласных, *э* — только в начале нескольких слов, а в середине слова *э* (орфогр. *е*) и перед *и* согласные всегда мягкие). Так как из согласных в коми языке только шесть (*д*, *з*, *л*, *н*, *с*, *т*) могут быть твердыми и мягкими (так называемые парные твердые и мягкие согласные), твердость этих звуков перед гласными *э* и *и* принято обозначать буквами *э* и *и*, а мягкость — буквами *е* и *у*. После остальных согласных (*б*, *в*, *г*, *ж*, *к*, *м*, *п*, *р*, *ф*, *х*, *ц*) и аффрикатов (*ч*, *тш*, *дж*, *дз*) употребляются буквы *е* и *у*. В связи с отмеченными особенностями фонетического строения коми слова при транскрибировании географических названий возникают вопросы: а) как передавать *ы* в начале слова и после мягких согласных, б) как обозначать звуки *э* и *и* после твердых парных согласных, где твердость и мягкость имеют смысловозначительную функцию.

Звук *ы* в начале слова и после мягких согласных в русском произношении всегда переходит в *и*. В связи с этим с давних времен название *Ыб* приняло форму *Иб*, а *Выльыб* — *Вылиб*. Больше того, в некоторых названиях *ы* перешло в *и* также под влиянием последующего мягкого согласного: *Выльгорт* в русской транскрипции приобрело форму *Вильгорт*. Несмотря на бесспорность такого звукосоответствия, среди современных транскрипций можно встретить употребление буквы *ы* в начале слова, как например, *Ын* (название речки), *Ындин* (название населенного пункта). Оставляя в силе веками закрепившиеся написания названий *Иб*, *Вылиб* и другие, употребление *ы* в начале слова в новых транскрипциях следует одобрить, т. к. этим путем разрешается проблема передачи местного произношения.

Звук *и* после твердых согласных в коми названиях с давних времен транскрибируется буквой *и*. Слова *ди* и *дин* в составе географических названий уже в писцовых книгах конца 16 и 17 вв. имеют начертания *ди* и *дин*. Эта транскрипция нашла свое отражение и в живой речи. На карте Коми АССР отклонение замечено только в двух названиях: *Тропосдын* (вместо ожидаемого *Тропосдин*) и *Борганды* (вместо *Борганди*). Правда, писцовые книги тоже в единичных случаях допускали замену *и* буквой *ы*, но это бывало редко. Так, *Вездин* в книге коми 1585 года имело начертание *Вездын*, в книге 1608 г. — *Вездын*, а в последующих книгах уже *Вездино*. Совершенно очевидно, что употребление *ы* в транскрипциях обусловлено не качеством гласного, а желанием отразить на письме твердость предшествующего согласного. Написание буквы *и* вместо коми орфогр. *и* следует считать единственно целесообразным.

Звук э после парных твердых согласных (*д, з, л, н, с, т*) по правилам коми орфографии обозначается буквой э (*сэтӧр* «смо-родина»; *зэр* «дождь» и т. д.), а после мягких парных и других согласных — буквой е (*сер* «узор», *зеп* «карман», *меж* «баран», *кер* «бревно»). Употребление буквы э в данном значении (для обозначения твердости предшествующего согласного), конечно, условное и с правилами русской орфографии не связано, но применение этой буквы в транскрипциях не противоречит практике транскрибирования иноязычных слов (сравн. *мэр, сэр, Улан-Удэ*).

Разделительные ъ и ь

Разделительные ъ и ь в коми орфографии выполняют одновременно две функции: после парных твердых и мягких согласных (*д, з, л, н, с, т*) перед буквами *е, ё, ю, я* они показывают твердость (ъ) или мягкость (ь) согласного и раздельное его произношение: *Дінъель* (ъ обозначает твердость *н* и раздельное произношение); *Кузьель* (ь обозначает мягкость *з* и раздельное произношение). Разделительный ь пишется также после *ч* и *дз*; после непарных твердых согласных (*б, в, г, ж, к, м, п, р*) пишется разделительный ъ. Таким образом, после непарных мягких и непарных твердых согласных за ь и ъ остается только разделительная функция, поскольку в обозначении твердости и мягкости надобность не существует.

В русских транскрипциях коми названий чаще применяется разделительный ь. Очевидно, по аналогии с русскими написаниями: *Лемью, Лопью, Пивью*. С точки зрения русской орфографии в этих написаниях нет какой-либо ошибки, да и произношение слов не искажается, поскольку непарные твердые согласные не могут произноситься мягко. Поэтому в транскрипциях разделительный ъ надо сохранить только после твердых парных согласных (*д, з, л, н, с, т*), поскольку твердость или мягкость их несут смысловозначительную роль (*Косью* — сухая, мелкая река; *Косью* — порожистая река). Во всех остальных случаях следует употреблять ь: *Тыбыю, Важкурья, Керчёмья, Сывьель, Лемью, Пивью, Вӧрю, Аныбыю*.

О написаниях сложных географических названий

Географические названия Коми АССР в большинстве своем являются составными, представляющими из себя определительные словосочетания. В части случаев названия состоят из трех слов, из которых первые два слова, находящиеся между собой в определительной связи, выступают в качестве определения к последнему слову. Например, название населенного пункта *Позтыкерӧс* (в русск. транскрипции *Позтыкерос*) распадается на *поз* (возможно «гнездо», но может быть слово иноязычного проис-

хождения), *ты* «озеро» и *керӧс* «возвышенность», где *поз* является определением к *ты*, а сочетание *поз ты* является определением к *керӧс*. Аналогичным образом составлено название *Тӧлпозиз* (в русской транскрипции *Тельпозиз*), где слово *из* «камень, гора» определяется словосочетанием *тӧл пӧз* «гнездо ветра», а в целом наименование может быть перевыражено: «Камень (гора), являющийся обиталищем ветра», или «Камень — гнездо ветра».

Названия водоемов обычно представляют из себя определительные словосочетания, в которых в качестве определяемых слов выступают существительные *ва* «вода», *ю* «река», *ель* «речка», *шор* «ручей», *вож* «приток», *ты* «озеро» и *вад* «озеро». Первые слова всегда выступают в названиях проточных вод, а последние два слова — в названиях стоячих вод. В названиях со словом *ва* «вода» значение определения чаще бывает неясное, поэтому сами эти названия носителями коми языка воспринимаются просто как собственные имена рек, представляющие из себя одно слово. Таких названий сравнительно немного: *Эжва* (Вычерда), *Емва* (Вымь), *Изьва* (Ижма), *Колва, Кожва, Мылва, Кедва, Адзва; Лымва* (снеговая вода), *Сойва* (рука + вода) и т. д.

Некоторые названия рек со словом *ю* «река» на местах употребляются двояко: со словом *ю* и без него. Например: *Пивью* и *Пив* (другой вариант *Пилъю* и *Пил*); *Льӧмью* и *Льӧм* и т. д. Однако некоторые названия без слова *ю* не употребительны, как, например *Тылаю*. Двоякое употребление наблюдается в случаях, когда название реки служит в то же время названием населенного пункта (например, *Вочь* название реки и название населенного пункта), или когда слово употребляется не только в качестве названия реки, но и места, примыкающего к ней (бассейна реки). В таких случаях слово *ю* приобретает значение грамматического приложения. В тех же случаях, когда название реки без слова *ю* не употребляется (напр., *Тыбыю*), оно представляется в структурном отношении в ряду названий со словом *ва*.

Названия озер со словом *ты* употребляются по типу названий рек со словом *ю*: одни только со словом *ты*, а другие могут употребляться и без него. Например, *Кадам* и *Кадамты*, но: *Сьӧдты* «чёрное озеро», *Кузьты* «длинное озеро», *Эньты* «самка-озеро» и ряд других употребляются только в форме словосочетания.

Названия населенных пунктов нередко совпадают с названиями водоемов: например, *Вочь, Визин* и т. д. означают и названия рек и названия населенных пунктов. Но для многих названий населенных пунктов названия водоемов использованы в качестве определения к словам *вом* «устье», *йыв* «верховье, исток», *дор* «край, место около чего-л», *дін* «комель, место около устья» и к некоторым другим, например: *Изьвайыл*

(в транскр. *Изваиль*), *Эжвадор*, *Сьодтыдин* (в транскр. *Седтыдин*), *Югыдтыдор*, *Костювом*, *Сыктывкар*.

В названиях населенных пунктов часто употребляются слова, характеризующие местность, рельеф, типы леса, типы населенных пунктов, например: *ыб* (в транскр. *иб*) — «поле»: *Вылиб*, *Вадыб*, *Шорыб*, *Модарыб*, *Аныб*, *Сюзяыб*, *Мырпонаыб*, *Макар-ыб*; *керос* (*керос*) — «холм, возвышенность»: *Корткерос*, *Макаркерос*, *Позтыкерос*; *яг* — «бор»: *Мичаяг*, *Гажаяг*, *Саваяг* (русс. форма *Савинобор*), *Важгорт*, *Вильгорт*, *Койгорт*.

Часто встречаются в качестве названий населенных пунктов одиночные личные имена или имя, определяемое другим именем или прозвищем. Личные имена выступают также в роли определения к другим словам: *дор*, *став*, *видз*, *керка*, *ласта* и т. д. Например: *Варполом*, *Миш Вань*, *Проньдор*, *Игостав*, *Марколаста*, *Ипаткерка*.

Составные коми названия географических объектов в официальные списки и на карты вошли в основном в слитном написании. Слитное написание распространилось на все названия, представляющие из себя определительные словосочетания, независимо от того, какой частью речи (существительным, прилагательным или сочетанием прилагательного и существительного) выражено определение: *Корткерос* «железный холм», *Сыктывкар* (первая часть означает название реки, вторая — город), *Мичаяг* «красивый бор», *Вильордым* «новая тропа (просека)», *Седтыдин* «место у черной реки», *Кыдзрастыю* «река березовой рощи» и т. д. Лишь незначительное число составных названий вошло на карты и в официальные списки с дефисным написанием: *Васька-керка* «Васькина изба», *Вой-Вож* «северный приток», *Ош-йоль* «медвежья речка», *Джуджыд яг* «высокий бор», *Вылыс-Гам* «верхний Гам», *Поля-Курья*, *Рома-ю*, *Ручью-Вом*, *Тельпоз-из* и некоторые другие. В частности, в последних двух названиях деление на составные части не доведено до конца, следовало бы: *Руч-Ю-Вом* «устье реки Руч», *Тель-поз-из* «камень (гора) гнездо ветра». Здесь мы сознательно не касаемся написаний русских и по-русски составленных названий типа *Троицко-Печорск*, *Усть-Выль*, *Коровий Ручей* и т. д., которые не относятся к рассматриваемому вопросу.

Установлено, что практика слитного транскрибирования составных названий более древняя: встречающиеся в писцовых книгах 16 и 17 веков составные названия населенных пунктов и топонимии все без исключения представлены в слитном написании. Дефисное письмо, по-видимому, стало применяться очень недавно, т. к. названия в дефисном написании стали известны только в связи с широким освоением Севера.

Слитное письмо составных географических названий означает не что иное, как отнесение их к сложным словам. Но существуют ли для этого основания? По существу все составные географические названия представляют из себя правильные с точ-

ки зрения синтаксического строя коми языка определительные сочетания. Так, *Вөръю* (в транскр. *Ворью*) сложилось из словосочетания *вөр ю* «лесная речка»; *Эжвадор* — из сочетания *Эжвадор* (где *Эжва* является местным названием реки Вычегды, а *дор* означает край и в то же время является именем-последелогом, означающим место около чего-либо) и т. д. Разница между словосочетанием *вөр ю* и географическим названием *Вөръю* (*Ворью*) лишь та, что первое означает *лесная речка* вообще, безотносительно того, где она находится, и может употребляться в форме множественного числа — *вөр юяс* «лесные речки», а второе означает одну определенную речку или населенный пункт при данной речке. Таким образом, составные географические названия никакими формально-грамматическими признаками от определительных словосочетаний не отличаются.

Но и сложные слова в коми языке, как правило, не отличаются от обычных словосочетаний. Если оставить в стороне сложные слова, основанные на сочинительной связи, содержащие в себе главным образом собирательное понятие (напр., *внутренности* — из *ты* «легкие» и *мус* «печень»), то другие сложные слова произошли тоже из определительных словосочетаний. Так, например, *посводз* «сени» сложилось из словосочетания *пос водз* (*пос* «пол, лестница», *водз* «перед»); *пачводз* «кут» (место перед кухонной печью) — из *пач водз* (*пач* «печь», *водз* «перед»); *нинкём* «лапоть, лапти» — из *нин кём* (*нин* «лыко», *кём* «обувь»); *синва* «слеза, слёзы» — из *син ва* (*син* «глаз, глаза», *ва* «вода»); *лысва* «роса» — из *лыс ва* (*лыс* «хвоя», *ва* «вода») и т. д. Словом, сложные слова в коми языке, образовавшиеся из определительных словосочетаний, никакими морфологическими признаками не отличаются от словосочетаний. Различение сложных слов и словосочетаний коми языка проводится не по формально-морфологическим признакам, а по значению.

К сложным словам принято относить такие словосочетания, в которых один из компонентов не имеет самостоятельного употребления, а также когда сочетание слов обозначает понятие, отличающееся от суммы значений слов, составляющих словосочетание.

С точки зрения этого определения почти все составные географические названия относятся к сложным словам и слитное написание вполне оправдано. Ничем не отличаются в структурном отношении от сложных слов также такие названия, как *Вой-Вож*, *Ош-Йоль*, *Ай-Ю-Ва*, *Княж-Погост*, *Перна-Шор* и некоторые другие, транскрибируемые с разнобоями (в одном названии *Войвож*, в другом *Вой-Вож*; *Айюва* и *Ай-Ю-Ва*; *Княжпогост* и *Княж-Погост*). Для устранения разнобоя все такие названия следует писать слитно.

Но среди составных названий географических объектов могут встретиться (и встречаются) такие, которые не могут быть отне-

сены к сложным словам и в коми графике не могут быть слиты в одно слово. Такими являются, во-первых, собственные названия (простые или сложные), выступающие с определениями: *Важ Эжва* «старая Вычегда»; *Ыджыд (Ичот) Визин*, «большая (Малая) Визинга»; *Улыс (Вылыс) Вочь* «Нижняя (Верхняя) Вочь» и другие. Во-вторых, встречается значительное число названий, составленных из личных имен в сочетании с другим именем, прозвищем или с существительным, как, например: *Сьод Тим* (в транскр. *Седтим*) «чернявый Тимошка»; *Васька керка* «Васькина изба», *Анись Иван* «Анисима (сын) Иван» и т. д. В названиях первой группы определения обычно переводятся на русский язык (*Ниж. Вочь, Верх. Вочь, Малая Визинга* и т. д.), хотя в периодической литературе встречается и транслитерация (*Важ Эжва*). Названия же, связанные с личными именами, на картах транскрибируются разноречно: *Ипаткерка*, но: *Васька керка; Егор-Вань*, но: *Захарвань, Осъвань, Седтим, Мишвань; Фома-ю*, но: *Микитъю* и т. д.

Написание упомянутых здесь и аналогичных с ними названий должно быть приведено к единообразию. Как и в транскрибировании отдельных звуков и звукосочетаний, то или иное написание устанавливается на принципах и правилах русской орфографии, поскольку транскрипция преследует придание транскрибируемому слову начертания, принятого в русской графике.

В практике транскрибирования иноязычных названий средствами русской графики установились определенные приемы. Они нашли свое отражение в «Правилах русской орфографии и пунктуации». В § 79 этих «Правил» имеется п. II, который сформулирован следующим образом:

«Пишутся через дефис:

II. Иноязычные словосочетания, являющиеся именами собственными, названиями неодушевленных предметов, например: *Аму-Дарья, Алма-Ата, Па-де-Кале, Булонь-сюр-Мер, Нью-Йорк, Пале-Рояль, Гранд-отель*»

В тех же «Правилах» в разделе об употреблении прописной буквы к § 100 дано примечание 4, в котором говорится:

«Иноязычные родовые наименования, входящие в состав географических названий, пишутся с прописной буквы, за исключением тех, которые вошли в русский язык, например: *Аму-Дарья, Рио-Негро* (хотя *Дарья* и *рио* значат «река»), но: *Варангер-фиорд, Де-Лонг-фиорд* (слово *фиорд* существует в русском языке как географический термин)».

Согласно этим правилам составные коми топонимические и географические названия, не являющиеся сложными словами, должны транскрибироваться через дефис и каждая из частей с прописной буквы: *Важ-Эжва, Ипат-Керка, Сед-Тим, Захар-Вань, Микит-Ю* и т. д. В виде исключения за некоторыми названиями могут быть сохранены прежде установившиеся напи-

сания. Так, например, нет надобности изменить слитные написания *Марколаста* и *Игостав*.

Изложенные способы транскрибирования коми топонимических названий могут быть перенесены также и на другие названия, как, например, на ботанические, зоологические, этнографические и т. д., когда возникает надобность в транскрипции. Однако собирание коми названий, к какой бы области они ни относились, должно вестись не в транскрипциях, а в национальной (коми) графике. Когда собиратель названий (топограф, ботаник, зоолог, этнограф) не владеет коми произношением и коми правописанием, правильная запись названий в национальной графике должна быть выполнена на месте лицом, знающим данный язык. Если же звучание слова не будет подтверждено правильным написанием его в национальной графике, то и возможность проверки правильности транскрипции или уточнения его будет исключена.

А. ВАНЕЕВ

ОСОБЕННОСТИ КОМИ СТИХОСЛОЖЕНИЯ

Литературная поэзия небольшого народа коми зародилась сравнительно недавно. Коми язык, входящий в угро-финскую группу языков, по фонетическому строю имеет очень мало общего с русским языком. Но на протяжении многовекового разно-стороннего тесного общения с русскими, народ коми восприни-мал передовую русскую культуру гораздо интенсивнее, чем культуру других, даже родственных народов. Это обусловило заимствование коми языком довольно большого количества рус-ских слов. Следовательно, при различии фонетического строя этих языков, их лексический состав имеет немало общего. Что же из себя представляет коми стихосложение? Каковы отноше-ния между коми языком и коми стихосложением?

На эти вопросы постараемся ответить в данной статье¹. Нас главным образом интересует коми литературное стихосложение, но особенности его нельзя уяснить без знания просодического строя родного языка и без раскрытия сущности народного сти-хосложения.

Коми поэт Виктор Савин, рассматривая произведения на-родной поэзии, отказывал им в какой бы то ни было ритмике. В статье «Поэзию на помощь строительству социализма» он писал: «Если мы будем анализировать устное творчество наро-да, то нигде не обнаружим ни ритма, ни рифмы. Взять хотя бы:

«Дас сизим арö вои, да
Гульба вылö петі,
Сэтшöм-татшöм гульба вылö, да
Зонъяс ворсанінö да нывъяс сьыланінö.
Час жö ме ва дорас лэчча жö».

¹ Настоящая статья представляет собой раздел кандидатской диссертации «Вопросы мастерства в коми советской поэзии». Научный руководи-тель — доктор филологических наук, профессор В. М. Сидельников.

Большую часть песни поют речитативом, значит, ритм не обязателен, и если коми поэты (как раньше, так и теперь) все же ритмизируют свои стихи, то они подражают другим (в пер-вую очередь, конечно, русским) поэтам»¹.

Если не признавать за произведениями устной поэзии коми никакого ритмического склада, то нетрудно скатиться до утвер-ждения, что все песни и стихи являются обыкновенной прозой. Виктор Савин не раскрывает особенностей коми народного сти-хосложения, оперирует требованиями русского, причем литера-турного стихосложения и поэтому приходит к ошибочным выво-дам. Неправ критик и в том, что считает ритмику чуть ли не излишеством для коми народной поэзии и лишь продуктом под-ражания русским образцам. Ритм в народном стихе, как одно из его выразительных средств, несомненно, существует.

О ритмической основе народных песен говорится также в работе А. К. Микушева «Песенное творчество народа коми». Автор не отказывает народным песням в ритмической струк-туре, но в чем она заключается, исследователь говорит весьма бегло и неполно. Микушев правильно ставит вопрос о народной ритмике, но его концепция не объясняет главного — какова си-стема коми народного стихосложения, каковы его характерные признаки и отличительные особенности.

Понятно, что народное стихосложение нельзя объяснить пу-тем искусственного подведения к каким-либо известным теоре-тическим положениям. Нельзя смотреть на коми народные пес-ни через призму классической русской силлабо-тоники, невоз-можно обнаружить в них правильное чередование стоп, а тем более ударных и безударных слогов. Коми песни не имеют и силлабического построения, ибо существует много песен, где количество слогов в строке совершенно различно. А о тонической основе коми народной ритмики не может быть и речи: слабо-выраженное словесное ударение коми языка не может выпол-нять подобную функцию. Тем не менее нельзя не видеть стиховую основу народных песен и невозможно смешивать их с прозой.

Неправильно будет и полное отождествление ритмики на-родных песен, созданных для пения, с ритмикой стихов, напи-санных для декламации. Коми народный стих совершенно не был приспособлен для чтения. Поэтому правомерно будет рас-сматривать народные песни, как прежде всего музыкальные произведения. Анализ текстов коми народных песен в отрыве от их мелодии, напева, как это и делал в частности В. Савин, не может привести к правильным выводам. Ритмическая основа текста народной песни тесно связана с музыкальным строем произведения.

¹ Журнал «Ударник» № 3—4, 1934, стр. 32.

А. К. Микушев говорит, что «ритмическая организация коми народного стиха основывается на равноударности стихов. В коми песенной строке обычно одно, два, реже три и четыре главных ударения»¹.

Подобная точка зрения вызывает существенные возражения. Во-первых, очень трудно обнаружить в коми народной лирике «равноударность стихов».

«Ы́лын, ы́лын, ва са́йын то
 Выль Слэ́ббда ты́дало,
 Выль Слэ́ббда, сэ́ни том до́ва оло́,
 Том до́ваыслон жо́ сы́лон том ны́в быдмо́».

Эти песенные строки никак не содержат одинаковое количество главных или логических ударений. Во-вторых, рассматривая песенный текст как обыкновенные стихи, почти невозможно избежать произвольности в количестве постановки главных ударений в песенной строке. Явление это субъективное: каждый исследователь может поставить нужное ему количество ударений. Но основным критерием опровержения того, что «ритмическая организация коми народного стиха основывается на равноударности стихов» является то обстоятельство, что коми народные стихи вообще не могут быть построены по тонической системе стихосложения, где учитываются только ударения. Слабое ударение коми языка не в силах нести такую исключительную нагрузку. Значит, «равноударность стихов» не определяет своеобразия и сущности коми народного стихосложения.

Вообще, возникает вопрос: могут ли тексты народных песен иметь свою ритмику вне какой бы то ни было связи и зависимости от музыкальной ритмики? Может ли обладать одно произведение, каким мы рассматриваем народную песню, двумя разными основами ритмического построения — музыкальной и словесной?

Ввиду слабости лексического ударения коми языка, коми песенные тексты очень легко подчиняются музыкальным ударениям.

«Ма́мэ ме́нэ пи́нялэ²
 Ас ми́лэйэ се́рти»³.

Из текста видно, что музыкальные ударения совершенно не считаются с естественным для коми языка грамматическим ударением слов. Музыкальные ударения падают на второй слог

¹ А. К. Микушев. Песенное творчество народа коми. Коми кн.-изд. ное изд-во, 1956, стр. 84.

² Знаком √ нами отмечены музыкальные ударения.

³ Ижемские народные песни. Фольклорная экспедиция. 1960 г. Записи А. Микушева и П. Чисталева. Рукопись.

(ударение коми языка на первом слоге). Во второй строке на слово «милэйэ» падают даже два музыкальных ударения, которые никак нельзя назвать логическими ударениями.

В разговорной речи коми ударение всегда находится на первом, корневом слоге, но оно легко сводится на нет сравнительно сильным музыкальным ударением.

«Ме́нам во́лі ало́й ле́нточка,
 Воши си́йо пу́вья яго́».

Нередко в коми фольклоре наблюдается и перенос ударений: одно и то же слово может получить ударение на разных слогах. Подобный ритмический ход наблюдается в наиболее популярной и поэтической народной песне «Шондібаной, олёмой».

«Шо́ндібано́й, оло́мой,
 Том оло́мой, том га́жой».

Во второй строке слово «олёмой» под влиянием музыкального ударения принимает противоречащее законам фонетики коми языка ударение на втором слоге. Это дает возможность разнообразить ритмический рисунок песни. Возрастает и выразительная сила строки.

Конечно, в народных песнях могут встретиться примеры, когда лексическое ударение и музыкальное ударение совпадают. Но подобные явления настолько редки, что их можно считать только счастливой случайностью. «Народные песни... с самого своего возникновения несут в себе искажения словесных ударений, и эти искажения постепенно входят в систему народной поэтики, закрепляясь как допустимые и позволительные»¹. Здесь М. П. Штокмар ведет речь об ударениях русского языка, которые значительно сильнее и обладают большей самостоятельностью, чем коми ударения. Несмотря на это, в русских народных песнях сплошь и рядом искажаются даже эти сильные ударения. А в коми песенном фольклоре словесные ударения всецело подчиняются музыкальным.

Песенное творчество коми народа испытало значительное и благотворное влияние русского фольклора. Хотя трудно провести четкое хронологическое различие, когда были написаны те или иные песни, все же можно указать на более близкие к нашим дням и более совершенные образцы народной поэзии. Так, значительное количество коми народных песен имеет квадратную форму построения. Таковы почти все бытовые и лирические песни, исключая, безусловно, плачи и причитания.

¹ М. П. Штокмар. Исследования в области русского народного стихосложения. Изд-во АН СССР, М., 1952 г., стр. 204.

Коми народные песни имеют высокохудожественные тексты и содержат довольно сложные и интересные музыкальные напевы.

Уна нывъяс чукортчисны,
Уна нывъяс чукортчисны,
Зон — зон, мича нывъяс,
Зон — зон, муса зонъяс,
Чукортчисны».

Словесная ткань произведения соотнобразуется с музыкальной фразой. Конец музыкальной фразы означает и конец стихотворной строки. Многие коми народные песни симметричны по своему построению, имеют одинаковый размер на протяжении всей песни: совпадает количество единиц длительности, входящих в музыкальный такт.

«Чужмөр-нылӧй — чабанӧй,
Чужмөр нылӧй — чабанӧй,
Кӧні тэнад вала туйыд,
Кӧні вала туйыд?»

Но в то же время неизменный размер не является обязательным и постоянным условием народной песни. Песня «Сырчинь-бырчинь», как впрочем и некоторые другие песни, имеет переменный размер:

«Сырчинь — бырчинь,
Нылыс бӧрдӧ,
Эн сет, эн сет
Тотараса пи саяд,
Джуджыд ягас,
Паськыд ыбас» и т. д.

Это явление нельзя считать чем-то не свойственным народной поэзии. Чтобы разнообразить ритмический рисунок народной песни, внутри одного и того же произведения встречаются два, а иногда и три размера.

В коми народной песенной лирике не единичны примеры, когда при равенстве длительности музыкальных фраз и тексты песен содержат в строках одинаковое количество слогов.

«Ой, ой, тувсов вой, важ том кадӧс кыпӧдӧ.
Гажа югыд вой унмӧс менсьым пальӧдӧ.
Кыпыд сьӧлӧмӧн дзиръя ӧдзӧс восьтышта,
Мелі сьӧлӧмӧн том олӧмӧс казтыштла».

И в данном случае музыкальное ударение настолько довлеет над ударением языковым, что словесные ударения не

играют никакой роли в создании ритма стиха. Лексические ударения стоят в совершенно разных местах и нет даже никакого намека, чтобы они образовали и цементировали чередующиеся стопы. Несмотря на равное количество слогов в строках, главным ритмообразующим фактором по-прежнему остается относительно сильное музыкальное ударение.

Равносложностью песенных строк характеризуется популярная народная песня «Шондibanӧй, олӧмӧй». Об этом говорит и следующий пример:

«Менам мусукӧй муніс,
Муніс зэв ылӧ, ылӧ,
Ме сійӧс муна корсьны.
Арся посни зэр зэрӧ;
Арся лысваыс кӧдзыд.
Пӧлаясӧс шымырті,
Кизьясӧс кӧ кизялі».

Но отдельные примеры не позволяют безоговорочно утверждать, что коми народная лирика тяготеет к силлабической системе стихосложения. Равное количество слогов в строке не является обязательным требованием коми народных песен, тем более не является основой системы коми народного стихосложения. Но равносложность в коми народной поэзии возможна.

До сих пор мы не характеризовали ударение коми языка. Говорили только о подчинении лексических ударений песенных текстов музыкальным ударениям. При сопоставлении русского и коми произношений нетрудно обнаружить в словах сравниваемых языков различие ударений как по количеству, так и по качеству. «В русском литературном языке ударение выдыхательно-долготное, а в коми-зырянском языке — музыкальное. В коми-зырянском языке ударный слог от неударного отличается в основном высотой тона и лишь отчасти долготой и силой»¹. Следовательно, ударение коми языка слабее и короче, чем ударение русского языка, и играет значительно меньшую роль как ритмообразующий фактор. Но все же словесное ударение в коми языке реально существует и поэтому нет никакой надобности да и возможности совсем отбрасывать в сторону ударение коми языка и не учитывать его как одно из средств ритмики.

Почти во всех коми говорах наблюдается постоянная и всеми признаваемая тенденция постановки ударений в коренных коми словах на первом слоге.

Еще И. А. Куратов отмечал, что в отличие от некоторых языков, например, русского, корень коми слова обладает

¹ Современный коми язык. Учебник для вузов. Часть I. Коми книжное издательство, Сыктывкар, 1955 г., стр. 60.

исключительной самостоятельностью. Он ни в коем случае не видоизменяется, не сокращается. За корнем следуют все остальные части слова — суффиксы, показывающие или наклонение, или число, или время, или лицо. В большинстве случаев эти суффиксы играют формообразующую роль, а главную смысловую нагрузку несет на себе корень слова, который всегда стоит на первом месте и как основная часть слова получает ударение. Отсюда ударение в коренных, не заимствованных словах коми языка всегда на первом слоге. О силе, действенности и живучести тенденции постановки ударения на первом слоге красноречиво говорит и тот факт, что даже слова, заимствованные из русского языка, получили ударения на первом слоге: пöнар (фонáрь), сáрапан (сарафáн), пéтук (пéтух), кöзяин (хозáин), áршын (аршáин), свíнеч (свинéц) и т. д. Следовательно, ударение коми языка, несмотря на свою слабость, может иметь некоторое влияние на ритмику стихов, хотя, безусловно, коми ударение, как ритмообразующий фактор, выступает гораздо инертнее, чем ударение русского языка.

Хотя в коми народной поэзии словесные ударения, как правило, не учитывались, все же не исключена возможность правильного чередования ударного и безударного слогов. Пусть довольно редко, подобное явление может иметь место в народной поэзии.

Отсюда ясно, что самой природе коми языка, его фонетическим законам не противоречит русское классическое стихосложение — силлабо-тоническое стихосложение. Среди коми народных песен можно встретить образцы стихов, которые представляют собой классические русские размеры: хорей, дактиль и др. Наиболее часто встречается в коми народных песнях 3—4 стопный хорей с дактилической рифмой.

«Рытгорув борйöд муни, ' — | ' — | ' — —

Шогöс көсьи пальöдны. ' — | ' — | ' — —

Шогöс көсьи пальöдны, ' — | ' — | ' — —

Мича дзоридзьяс корси, ' — | ' — | ' — —

Мусалы мед козьнавны». ' — | ' — | ' — —

или:

«Гöра вылын оз выим, ' — | ' — | ' — —

Мича нылöй, Машö, оз выим ' — | ' — | ' — —

Данный размер (особенно 3-х стопный хорей с дактилической рифмой) получил настолько широкое распространение в народной поэзии коми, что в 20-е годы, в период становления коми советской поэзии, многие склонны были считать только этот размер народным.

Безусловно, никак нельзя ограничивать ритмику коми народного стиха одним или двумя размерами: ритмический рисунок произведений народной поэзии весьма разнообразный и интересный.

Таким образом, наши наблюдения дают основание полагать, что система коми народного стихосложения находится в тесной связи с фонетической характеристикой коми языка. Слабое ударение коми языка безболезненно подчиняется относительно сильному музыкальному ударению: ритм текста коми песни почти всегда совпадает с музыкальным ритмом. Поэтому в коми народных песнях довольно часто встречаются ударения, стоящие не на своих естественных местах. Перенос привычных ударений на другие слога — явление вполне допустимое для народной поэтики. Более того, перенос ударений выступает как средство оживления ритмики народного стиха, например, в песне «Шондйбанöй, олёмöй...»

В коми народных песнях возможна и относительная равносложность песенных строк, ибо в песнях, имеющих квадратное построение, один и тот же музыкальный период повторяется на протяжении всей песни. Равносложность стихотворных строк не может быть чуждым явлением для языков, имеющих не очень сильное фонетическое ударение.

Но когда музыкальные и словесные ударения в народных песнях совпадают (весьма редко, но такое явление имеет место), то даже при чтении обнаруживается очень четкий ритм.

Основной характерной чертой системы коми народного стихосложения является весьма послушное подчинение фонетических ударений музыкальным ударениям. Ритм народной песни зависит от музыкального ритма. В то же время фонетический строй коми языка не чинит препятствий и вполне допускает употребление в коми поэзии русской классической силлабо-тонической системы стихосложения. Это положение получило в дальнейшем убедительное подтверждение в коми литературной поэзии.

Первые коми литературные поэтические произведения были созданы немногим более 100 лет тому назад (в 1857 г.). Они принадлежали перу основоположника коми литературы, первому коми поэту Ивану Алексеевичу Куратову.

Куратов был одним из образованнейших людей своего времени. Отличный знаток разговорной речи и устного поэтического творчества родного народа, Куратов в то же время живо интересовался русской и зарубежной литературой. Об этом свидетельствуют его многочисленные переводы на коми язык произведений Пушкина, Кольцова, Гейне, Шиллера, Бернса, Беранже и других.

До нас дошли весьма немногие высказывания Куратова о коми поэтике. Мы располагаем только рецензией Куратова на

стихи священника П. Распутина, который написал несколько сентиментальных песенок и религиозных виршей на коми языке. В данной рецензии можно найти интересные мысли о творческой лаборатории поэта, о рифмах и строфике. В то же время нет никаких высказываний по такому частному вопросу поэтики, как система стихосложения и ритмика.

Тем не менее многолетняя творческая практика поэта дает некоторую возможность ответить и на данный вопрос.

Писались ли стихи до Куратова? Да. Сам поэт перечисляет в числе известных ему зырянских поэтов В. Куратова, Е. Лыткина, П. Клочкова и П. Распутина. Но стихи названных поэтов за небольшими исключениями были весьма слабы в художественном отношении. Ведь нельзя же псалмы, переведенные на коми язык П. Распутиным, называть произведениями коми литературы. Не на высоком уровне стояли и переводы Андрея Попова. Куратов не без горечи и боли говорил по этому поводу: «Своей литературы, которая поддерживает и развивает язык, зыряне не имеют. Впрочем, да не оскорбится нашим отрицанием зырянской литературы память Андрея Попова, усердного переводчика различных статей на зырянский. Мы знаем его труды. Жаль только, что переводы его, жалкие по выбору и уродливые по отделке, никому не могут принести пользы; они не развивали зырянский язык, а искажали его»¹.

Таким образом, перед И. А. Куратовым стояла сложная задача — создание первых поэтических произведений на коми языке.

Талантливый поэт был и весьма сведущим лингвистом; он правильно понимал качество ударения в коми языке в отличие от ударения в русском языке, одним из первых высказал мысль о постоянном ударении в коренных коми словах.

Но практический выбор системы стихосложения для коми поэзии представлял собой немалую трудность. Коми народная поэзия не имела ни чистого силлабического, ни тем более тонического ритмического строя. Невозможно было применить и русское классическое силлабо-тоническое стихосложение без всяких сомнений и колебаний. Куратов понимал, что существует прямая зависимость между системой стихосложения и фонетической характеристикой языка, в пределах которого эта система существует. А фонетическая характеристика коми языка по сравнению с русским языком совершенно другая: ударение коми языка различается не только по долготе и силе, но и по тональности. Казалось бы, для разных языков должны быть и неодинаковые системы стихосложения.

Но Куратов также знал, что в истории литератур не раз имело место заимствование системы стихосложения одной лите-

ратурой из другой литературы (напр., русская поэзия заимствовала польскую систему стихосложения). «Хотя заимствование стихотворных форм в международном культурном взаимодействии имеет весьма широкое распространение, все же перенесение стиховой системы из одной языковой среды в другую всегда оказывается неполным и даже несколько обманчивым. Причины этого кроются отнюдь не в недостатке доброй воли у заимствующей стороны. Однако возможности заимствования из других систем стихосложения ограничиваются имеющимися в распоряжении данной национальной литературы объективными языковыми средствами. Нет на свете двух самостоятельных языков, фонетическая структура которых оказалась бы вполне равнозначущей, а, следовательно, отсутствуют и условия для буквальных совпадений в области стиховой структуры»¹.

Русский и коми языки, относящиеся по своему происхождению и грамматическому строю к различным группам языков, имеют свои, только им присущие лексические и фонетические особенности. Но как мы уже выяснили при анализе ритмического строя коми народных песен, коми язык не обладает такой лексической или фонетической характеристикой, которая бы препятствовала силлабо-тонической системе стихосложения в литературной коми поэзии. Равное количество слогов в строке и правильное чередование ударных и безударных слогов стало обязательным требованием коми литературного стихосложения. Равносложности стихотворных строк можно достигнуть без особой трудности: любой язык предоставляет такую возможность для поэтов. Труднее было Куратову добиться правильного, четкого расположения ударных и безударных слогов в стихотворной строке. Последнее обстоятельство требовало от первого коми поэта выяснения сущности коми ударения, закономерности его постановки. Как показывает поэтическое наследие Куратова, эти проблемы были решены им успешно.

Исходя из этого, следует подчеркнуть, как важную особенность коми литературного стихосложения, усиление словесных ударений коми языка в ткани поэтических произведений, построенных на основе силлабо-тонической системы стихосложения.

Лексические ударения в прозаической речи и в речи стихотворной выступают не совсем одинаково. В коми поэтических произведениях словесные ударения, совпадающие со стопными ударениями, произносятся с большим нажимом, как бы получают дополнительное ударение. А остальные ударения, не сов-

¹ И. А. Куратов. Лингвистические работы, том II, стр. 33.

¹ М. П. Штокмар. «Исследования в области русского народного стихосложения», Изд. АН СССР, М., 1952, стр. 225.

падающие со стопным, при чтении стихов перестают учитываться, приравниваются к безударным слогам. Именно такой принцип стал основным в поэтике Куратова.

«Ой, ой, мый нё сидзи ола,
Дыр!
Ог пов адысь! Пысь пола
Пыр!
Мёнам бьдсё сёйсём сьлысь
Нянь,
Ог и корсь нин пьзан вьлысь
Пань».
«Пёрысь морт».

Стихи написаны хореем. Все нечетные слоги, кроме лексического, имеют еще и стопные ударения. Слова *ой, пов, и, нин* имеют самостоятельные лексические ударения, но в поэтическом произведении рядом с сильными слогами читаются без ударений.

Непосредственное отражение в стихосложении нашли взгляды Куратова на коми язык. И. А. Куратов считал, что лексика коми языка в основном состоит из односложных слов, подобно корейскому или китайскому языкам. Он создал для коми языка свое правописание и широко пользовался им в своей литературной и лингвистической практике. По данному правописанию (в отличие от современного правописания) многие двухсложные и многосложные слова отсекались Куратовым на части. Например, слово *паськёмаось* по правописанию Куратова писалось так: *паскём а ось*, т. е. и корень слова, и суффикс обладания *-а*, и суффикс множественного числа *-ось* писались раздельно, как самостоятельные слова. Раздельно писались и падежные окончания — Куратов рассматривал их как самостоятельные слова.

«... і тода,
Кыа пет тёдзј татёні
Тачём пемыд ын ме пёда»¹.

Куратов отделял суффикс деепричастия *-тёдз* от глагола, считая и суффикс и глагол самостоятельными словами. В слове *пемыд ын* отсекается от существительного его падежное окончание. Вышеприведенные слова по современному правописанию пишутся слитно, мы воспринимаем их как одно слово, выражающее определенное понятие.

Концепция Куратова о преимущественной односложности коми языка не отвечает истине. Совершенно справедливо современно

ные лингвисты не разделяют точку зрения первого коми поэта. Суффиксы и падежные окончания коми языка являются частью слова и не обладают исключительной самостоятельностью, на которую указывал Куратов.

Куратов-поэт не противоречил Куратову-лингвисту, увеличивая в поэтических произведениях, благодаря принципам своего правописания, количество слов, а значит и количество словесных ударений. Ибо, если считать падежное окончание самостоятельным словом, то вполне естественно допускается нажим, ударение на данный слог, когда на него падает стопное ударение. Если же этого совпадения нет, то падежное окончание или суффикс легко могут потерять свое ударение, как это и делают многие другие служебные слова (частицы, союзы, междометия). По мнению Куратова, таким образом достигалось наиболее естественное для коми языка чередование ударных и безударных слогов в стихотворной строке.

Однако Куратов видел, что в коми поэзии нельзя обойтись только односложными и двухсложными словами. Значительное место в коми языке занимают и слова многосложные, в частности, глаголы. В стихах самого Куратова рядом с односложными словами прекрасно «уживаются» и многосложные слова. В подобных случаях в русской поэзии употребляются пиррихии — ритмические группы из двух безударных слогов на месте ямбической или хорейской стопы. Но в коми поэзии стопы, не имеющие лексические ударения, очень трудно назвать пиррихиями, т. к. в подобных местах ставится стопное ударение и коми язык не сопротивляется этому.

«Сьылан мёнам, сьылан,
Мича авья пёй!
Дольда ме тёно
Босьтли мели кёй».

Стихи имеют хорейский размер. В третьей строке слово «дольда» состоит из трех слогов. Значит, на первом слоге лексическое ударение и стопное ударение совпадают. Это вполне закономерно и естественно для коми языка. Но на третий слог снова приходится стопное ударение, где уже не может быть никакого лексического ударения. Следуя общему ритмическому ритму стиха, безударная часть слова может произноситься с некоторым нажимом. Подобное явление не создает впечатления искусственности, ибо ударение коми языка не имеет смыслообразующего значения. Следовательно, пиррихии в русской и коми поэзиях не могут рассматриваться как совершенно однопорядковые явления.

Более того, в русской поэзии в конце рифмующейся стихотворной строки никак не может быть пиррихия. Рифма обяза-

¹ В данном отрывке полностью сохранены особенности правописания Куратова.

тельно должна стоять под ударением. Русская рифма всегда имеет свое лексическое ударение. В коми поэзии, наоборот, строка часто заканчивается стопой, не имеющей лексического ударения. Но стихотворный ритм восполняет недостающее ударение, и конец слова, представляющий собой рифму, произносится даже с большим акцентом, чем начало слова. Отсюда становится возможным рифмовка конца многосложного слова с другим самостоятельным словом. И. А. Куратов очень часто пользовался этим способом рифмовки:

«Абу турөб тайö, чайтсьö
Откөнлы мем висьöдчигөн,
Тайö күлём мёнам ноксьö,
Сöмын öз куж вöсьтны йган».

«Турөб».

Употребление слов *висьöдчигөн* и *йган* в конце строки — это не только оригинальная и хорошая рифма, но и один из важных способов оживления ритма стиха.

Куратов своей поэзией убедительно доказал, что ритмические возможности нашей поэзии весьма обширны, что коми стихи могут иметь четкий ритмический рисунок. Поэт видел, что коми язык имеет много только ему присущих особенностей, но в то же время не исключает возможности применения в коми поэзии классической силлабо-тонической системы стихосложения. Куратов проложил правильный путь для будущих поколений коми поэтов.

Несмотря на это, в первые годы советской власти, в период зарождения и становления коми советской поэзии, перед коми поэтами снова остро встал вопрос о коми стихосложении. Дело в том, что первому коми поэту И. А. Куратову при жизни не удалось напечатать под своим именем ни одного произведения, а его поэтический архив был найден гораздо позже. Таким образом, в первые годы советской власти творчество Куратова коми народу оставалось неизвестным.

В коми поэзии снова встретились трудности, которые уже в прошлом веке преодолел Куратов. Первые коми советские поэты неплохо знали народную поэзию, но, в силу своей весьма слабой теоретической подготовки, не смогли до конца разобраться в ритмическом рисунке народного стиха. Не могли они безоговорочно принять и русское классическое стихосложение, т. к. значительные фонетические и лексические различия русского и коми языков были налицо.

Еще в предреволюционные годы первые произведения на коми языке написали поэты М. Н. Лебедев, В. Т. Чисталев и В. И. Лыткин. Сразу после Октябрьской революции вошел в коми поэзию талантливый поэт — Виктор Алексеевич Савин. Лебедев и Лыткин, как и неизвестный еще им И. А. Куратов, успешно применяют в своей творческой практике русское силла-

бо-тоническое стихосложение. В 20-х годах один из коми критиков Сан Антус упрекал Лебедева: «Юсь. (псевдоним М. Н. Лебедева — А. В.) применяет стихотворную форму русских классиков. В его поэзии не увидишь поисков новых форм. Он начал и продолжает писать стихотворной формой Пушкина. Хорошо это или плохо? И то, и другое. По-моему, современную жизнь очень трудно вместить в форму классиков. Конечно, из-за этого в русской литературе шли и ныне продолжают поиски новых форм. А Лебедев совершенно не работает над этим»¹.

Позиция критика предельно ясна: да, русское классическое стихосложение разработано хорошо, прекрасными мастерами слова, но оно не может служить выполнению новых задач, поставленных жизнью, как перед русской, так и перед коми поэзией.

Подобную же задачу выдвигал и поэт В. Т. Чисталев в своих статьях по вопросам коми поэтики: «Кого уже в наши дни удовлетворяет карамзин-державинская форма стихов? Какой русский поэт пишет сейчас державинскими гекзаметрами? Разве можно современную, бьющую ключом жизнь, «вставлять» в стихотворную форму 150-летней давности?»².

Надо полагать, что у В. Т. Чисталева были весьма благие побуждения: он хотел создать не только коми стихосложение, но, самое главное — он хотел найти совершенно новую форму стиха, «отвечающую духу» совершенно нового времени.

Наоборот, М. Н. Лебедев, отвечая своим критикам, довольно упорно защищал собственную концепцию: «На литературный стиль многие пишущие смотрят по-своему. К примеру, наш крупнейший пролетарский поэт Демьян Бедный преимущественно пользуется стихотворной формой Пушкина и Некрасова, иногда не прочь «побаловаться» и гекзаметрами, но в то же время очень удачно вводит туда современную, бьющую ключом жизнь»³.

Эти разногласия по частному вопросу художественной формы приобрели в 20-х годах такую остроту, что, например, М. Н. Лебедев и В. Т. Чисталев писали друг на друга довольно едкие эпиграммы. Разумеется, подобным образом трудно было решить этот теоретический спор по вопросам ритмики коми поэзии.

Какими же путями в период зарождения и становления коми советской поэзии шли поиски системы стихосложения, которая была бы свойственна коми языку?

С вдумчивыми статьями по вопросам коми стихосложения выступал в 20-е годы основоположник коми советской литературы, ведущий коми поэт В. А. Савин. Он нацеливал поэтов, чтобы те черпали из устного творчества народа не только худо-

¹ Сан Антус. «М. Н. Лебедев». Журнал «Ордым» («Просека»), № 1, 1929 г., стр. 53.

² Журнал «Ордым» («Просека»), № 12, 1929 г., стр. 30.

³ Журнал «Ордым» («Просека»), № 3—4, 1930 год, стр. 43.

поэтов (В. Т. Чисталев, В. А. Савин). Разными путями коми поэты подошли к одному: к русскому классическому стихосложению.

Правда, поиски новых стихотворных форм в коми поэзии этим не ограничились. В 20-е годы во всеуслышание гремел голос лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи В. В. Маяковского. В те дни, когда велись усиленные поиски новых стихотворных форм в коми поэзии, наши поэты не могли не обратиться к новаторской по содержанию и по форме поэзии Маяковского. Коми поэты с живейшим интересом следили за творчеством поэта — трибуна. И один из них — В. Т. Чисталев — вложил немало труда, чтобы ввести в коми поэзию «форму Маяковского и Асеева».

М. Н. Лебедев, наоборот, всячески противодействовал этому: «Форма стихов Маяковского нравится далеко не всем. Это только особая школа, это только еще поиски. А поиски — еще не находка»¹.

Многие русские исследователи и поэты, говоря о стиховой системе Маяковского, пытались отделаться нераскрывающим сущности понятием «свободный стих». Интересно отметить, что В. Чисталев идет именно по их стопам. «И нам надо писать упрощенной формой стиха, это дает динамику: где нужно — убыстряет, где необходимо — останавливает»².

До последнего времени ритмика Маяковского оставалась наименее изученной областью его творчества, хотя было немало исследований на эту тему. Ритмика Маяковского иногда объяснялась по заранее придуманным схемам, иногда крайне субъективно. По этой причине о стихосложении Маяковского высказывались разнообразные и крайне противоречивые мнения. Неудивительно, что коми поэт В. Чисталев также не понял главного — сущности нового стихосложения Маяковского.

Одни выдвигали версию, что «Маяковский взорвал силлабо-тоническую систему». Другие, в частности М. Штокмар, считали, что у Маяковского вообще нет никакого ритма и если бы не рифмы, то стихи Маяковского были бы обыкновенной прозой.

Совсем другую точку зрения упорно отстаивает В. Назаренко, вслед за В. Жирмунским и Г. Шенгели. Они считают, что «метрическая система Маяковского также не представляет из себя принципиально нового», что размер стихов Маяковского «укладывается» в классическую силлабо-тоническую систему, правда, с добавлением недостающих или отбрасыванием лишних слогов. Но «слабость этой концепции, как указывает В. Никонов в статье «Ритмика Маяковского», в ее произвольности: хочу — отброшу, хочу — добавлю». Безусловно, ни одним из этих методов нельзя было объяснить систему стихосложения Маяковского.

¹ Журнал «Ордым» («Просека»), № 3—4, 1930 г., стр. 43.

² Журнал «Ордым», № 1, 1930 г., стр. 28.

В. Чисталев чутьем поэта правильно угадал принципиальную новизну ритмики Маяковского, но осмыслить теоретически и выявить ее сущность коми поэту не удалось.

Поэма «Му вежандыр» («Время обновления земли») написана В. Чисталевым «формой Маяковского», как признает сам автор.

Приемлемо ли подобное новшество в отношении коми поэзии? Имеются ли в самом коми языке какие-либо лексические и фонетические возможности существования ритмики Маяковского? Не противоречит ли данная ритмика природе коми языка?

Теоретически эти вопросы остались невыясненными, неразработанными. К каким же результатам на практике, в своих стихах пришел коми поэт В. Чисталев?

Стих Маяковского, опираясь на произношение, акцентируя основное внимание на произношении, более или менее безразлично относится к безударным слогам. Главные и безраздельно господствующие в стихе Маяковского — ударяемые слоги. Эту систему стихосложения, построенную на счете ударений, принято называть тонической.

Тоническая система стихосложения менее всего подходит фонетическому строю коми языка. Ударение коми языка и количественно, и качественно различно по сравнению с ударением русского языка: русское ударение — выдыхательно-долготное, а коми-зырянское ударение — музыкальное. Ударение в коми-зырянском языке слабее и короче, чем в русском языке. Эти акустические различия ударений двух языков говорят, что русское и коми ударение не с одинаковой активностью участвуют в создании ритма стихов. Более слабое ударение коми языка неспособно нести на себе основную тяжесть ритмообразования. Наоборот, в ритмике Маяковского нагрузка ударяемых слогов исключительно велика, значительно больше, чем в классическом силлабо-тоническом русском стихе.

Эти фонетические особенности коми языка не были учтены В. Чисталевым¹, когда он пытался призвать к жизни ритмику Маяковского в коми поэзии. К каким же результатам привело В. Чисталева заимствование «формы стихов Маяковского и Асеева?»

Система стихосложения Маяковского — тоническая, а ввиду слабости ударения коми языка, эта система стихосложения в коми поэзии невозможна. Неудивительно, что В. Чисталев не сумел избежать в некоторых местах поэмы силлабо-тонической

¹ В настоящее время мы имеем переводы стихов Маяковского на коми язык, но ритмический рисунок этих переводов, как правило, весьма сомнителен.

системы стихосложения. Обратимся к начальным строкам поэмы:

«Куим во чõж
гымгис-мунис
ёрõм война...
Земля-муыс
адõ пõри —
лои шойна».

Это правильный шестистопный хорей. Строфа состоит из двух строк, которые между собой рифмуются женскими рифмами. Никакой особенной, исключительной роли ударения не играют. Деление строк на более мелкие строчки и их лестничное расположение может быть оправдано только тем, что в мелких строчках представлены единые по смыслу словосочетания. Но такие же 2—3 словосочетания прекрасно «уживаются» в одной строке стихов Пушкина и Некрасова, в стихах силлабо-тонической системы стихосложения.

Маяковский считал рифмы элементом стиха, цементирующим строфы. Рифмам Маяковского свойственна прежде всего высокая степень смысловой насыщенности, а по своим фонетическим показателям и новизне рифмы всегда отличались особой заметностью. Рифма Маяковского — великая сила в стихе и поэт неустанно боролся за богатство и полноценность рифмующегося созвучия.

А в поэме В. Чисталева «Му вежандыр» мы встречаем места даже без какого-либо намека на рифму:

«Уна миллион
кулі-уси
поле вылын.
Уна доймысь
китõм-коктõм
локтис гортлань...
Қымын дõва,
ныв-пи коли
батьтõг бõрдан».

Вполне очевидна недооценка рифмы Чисталевым: почти вся поэма написана белым стихом.

Многие отрывки из поэмы Чисталева «Му вежандыр» почти ничем не отличаются от обыкновенной прозы: «Но вõлі биа из кодь чорыд, миян ВКП! И сылõн юрнуõдысь мортыс — Ленин ёрт! Налõн водзвыланис туйныс вõлі восьса, синныс эз вõв куньса».

Ввиду того, что основные элементы стиха — ритм и рифма совершенно отсутствуют, стихи В. Чисталева теряют и художественную выразительную силу.

Далее. За плечами силлабо-тонической системы стихосложения — двухвековой опыт величайших русских поэтов, признанных мастеров слова. Тоническая система стихосложения, наоборот, не имеет такой истории, а одному Маяковскому было не под силу раскрыть все возможности тонического стиха. Тоническая система Маяковского выросла на почве классического стихосложения и поэт-новатор, например, не делал энергичных попыток освободиться от классической строфики — от четверостишия и двустишия. Маяковский в своей творческой практике использовал многое из силлабо-тоники.

В свою очередь В. Чисталев ставил перед собой цель все сделать по-новому, без подражания поэтам прошлого:

«Война эштис.
Мыйõн эштис,—
Бара шуис:
Онi сәсся
мõд пõлõс
фронт восьтлам,—
тшыгкõд
война панлам».

В приведенном примере нет даже никакого подобия строф. Это обстоятельство еще более приближает стихи В. Чисталева к прозе.

Таким образом, попытка В. Чисталева ввести в коми поэзию тоническую систему стихосложения, в частности, использовать ритмику Маяковского, оказалась неудачной. Основная причина неудачи заключается в том, что тоническая система стихосложения не имеет почвы в самом коми языке: фонетические средства коми языка (сравнительная слабость и краткость ударений) не только не способствуют внедрению тонического стихосложения, а даже активно противодействуют этому.

Неудача подкарауливала Чисталева и с другой стороны. Он не понял, что форма стихов Маяковского является большим шагом вперед в развитии русской стихотворной формы в новых исторических условиях, когда живое слово поэта непосредственно обращалось к массам, к народу. В своей работе «Как делать стихи» Маяковский писал: «Сделав стихи, предназначенные для печати, надо учесть, как будет восприниматься напечатанное, именно как напечатанное. Надо принять во внимание среднестатистического читателя, надо всяческим образом приблизить читательское восприятие именно к той форме, которую хотел дать поэтической строке ее деятель»¹. Вот этого и не учел В. Т. Чисталев. «Среднестатистического читателя» и слушателя в республике Коми 20-х го-

¹ В. Маяковский. Как делать стихи. Сов. писатель, М., 1952 г., стр. 36.

дов представляла собой малограмотное и даже абсолютно безграмотное крестьянство.

Для него более близкими, привычными, своими казались коми и русские народные песни. Безусловно, форма этих произведений была более доходчивой для коми читателя и слушателя, чем форма стихов Чисталева.

Кроме того, коми поэт воспринял эту новую форму Маяковского только внешне, только зрительно. Он не сумел понять новизну образной системы Маяковского.

Ведущий коми поэт В. Савин понимал тщетность усилий В. Чисталева вызвать к жизни ритмику Маяковского на почве коми языка и писал по этому поводу: «Я не хочу сказать, что коми поэтам нет надобности искать новую форму — надо искать, очень надо! Необходимо даже подражать новым русским формам, если они пригодны для нас. Только не надо, как говорится, «обезьянничать». А нечто подобное иногда выходит из-под пера даже наших хороших поэтов. Когда желаем подражать Маяковскому или Асееву, надо хорошо понять их систему стихосложения и умело перенести эту систему в коми стихи». Очевидно, что эти слова осуждения в первую очередь обращены к неудачным, безосновательным опытам В. Чисталева.

Таким образом, русская классическая силлабо-тоника оказалась единственной системой стихосложения, которая сумела укорениться в коми литературной поэзии. Ввиду сравнительно слабого лексического ударения коми языка в литературной поэзии коми потребовалось некоторое усиление ударенного, тонического элемента силлабо-тонического стихосложения, чтобы добиться более четкого чередования ударных и безударных слогов. В коми литературной поэзии употребляются все двухсложные и трехсложные размеры русской силлабо-тоники.

Но прежде чем приступить к характеристике двухсложных и трехсложных размеров в коми поэзии, небезынтересно выявить лексическую характеристику коми языка, его просодический строй.

Термин «просодия» употребляется в двух значениях. Во-первых, данное слово нередко употребляют как синоним метрики или даже вообще стихосложения. Во-вторых, под просодическим строем языка могут подразумеваться свойства самого языка, выражающиеся в структуре слова, а также фонетические особенности языка, связанные с количественными и качественными элементами звука (высотой тона, длительностью и силой). В данной статье мы будем иметь в виду только второе значение этого слова.

Структура слов в отношении количества слогов в коми языке весьма различна, если сравнивать между собой язык проза-

ческих произведений, произведений устного народного творчества и коми литературной поэзии.

Прозаики не стеснены рамками каких-либо ритмических схем, поэтому язык этих произведений ближе всего к разговорной народной речи, наиболее полно и точно выражает лексические и фонетические особенности коми языка. В нашем языке слова, состоящие из одного корня, бывают односложные, двухсложные, реже трех- и четырехсложные. Коренные коми слова, состоящие из трех и более слогов, чаще всего содержат в себе формообразующие или словообразующие суффиксы. Слова с разным количеством слогов играют неодинаковую роль в создании ритма стихов.

Прежде всего нас интересует: каково же естественное, не ограниченное рамками стихов, отношение между количеством ударений и количеством слогов в коми языке?

Возьмем для этого несколько примеров из произведений различных авторов и различных жанров. Перед нами отрывок из автобиографического рассказа В. Савина «Менам том кадся олём» («Мое детство»). Из общего количества 200 слов оказалось: слов, состоящих из одного слога — 49, из двух слогов — 98, из трех — 36, из четырех — 15, из 5 слогов — 2 слова¹. Отношение количества ударений к количеству слогов будет составлять как 1 : 2,2, т. е. на одно ударение в среднем приходится немногим более двух слогов.

Такая картина получается вследствие того, что почти половина слов состоит из двух слогов, а также и количество односложных и трехсложных слов примерно одинаково.

Тожественное явление наблюдается и в других прозаических текстах. В романе В. Юхнина «Алая лента» соотношение будет составлять 1 : 2,1.

Несколько иное соотношение вследствие большего количества трехсложных слов имеет место в описательном рассказе В. Чисталева «Тулыс воём». В данном случае соотношение 1 : 2,4.

Произведения Ивана Алексеевича Куратова также имеют естественную для коми языка структуру слов. Так, рассмотренные нами стихи Куратова «Коми кыв» («Коми язык»), «Вёла» («Конный») и «Уджав, помав! Регод!», написанные хореем, дают соотношение 1 : 2. Большой знаток коми языка и талантливый поэт, Куратов очень бережно относился к родному языку, не допускал в своих стихах ничего искусственного, лишнего. Его стихи, написанные разговорным народным языком, всегда характеризуются четким ритмом.

¹ Слова друг от друга разделяются по принципам современного правописания.

Иная картина наблюдается в стихах некоторых современных коми поэтов, особенно в стихах, написанных ямбом и амфибрахией. Язык стихов Серафима Попова «Виль Афонин зэр» («Дождь в Новом Афоне») и «Русской народлы» («Русскому народу»), написанных ямбическим размером, дает совсем другое соотношение — 1 : 1,6. В первую очередь бросается в глаза обилие односложных слов в стихотворениях.

Мы, конечно, далеки от мысли, что поэты в своей творческой практике всегда должны помнить об этих, будто бы, отвлеченных математических величинах и не должны отклоняться от них ни на шаг. Но мы также не можем не сказать, что соотношение ударений и слогов 1 : 2 является наиболее естественным для коми языка, является средней нормой.

Наблюдения по текстам прозаических произведений: Виктора Савина «Менам том кадся олём» («Мое детство»), В. Чисталева «Тулыс воём» («Наступление весны») и В. Юхнина «Алõй лента» («Алая лента») говорят о том, что в коми языке количество односложных слов составляет примерно четвертую часть всей лексики коми языка. Так, нами отмечено наименьшее количество односложных слов в пейзажном этюде В. Чисталева «Тулыс воём» («Наступление весны»), наибольшее — в романе В. Юхнина «Алая лента».

Примерно та же картина наблюдается и в поэтических произведениях, написанных трехсложными размерами: дактилем и анапестом.

Нет большой разницы в употреблении односложных слов по сравнению с прозаическими произведениями и в стихах с хореическим размером. Так, стихи И. А. Куратова «Коми кыв» («Коми язык») и «Вõла» («Конный»), написанные хореем, дают немногим более высокую насыщенность поэтических строк односложными словами.

Наоборот, в поэтических произведениях, имеющих ямбический и амфибрахический ритмический рисунок, количество односложных слов резко возрастает. Сравните: если дактиль и хорей дают употребление односложных слов около 25%, то в стихах Серафима Попова «Виль Афонин зэр» («Дождь в Новом Афоне») и «Русской народлы» («Русскому народу»), построенных на ямбическом размере, односложные слова занимают почти половину всех слов, а в стихотворении молодого коми поэта Владимира Попова «Печора» (написан амфибрахией) количество односложных слов достигает 60%. Безусловно, это поразительное несоответствие просодии коми языка, ибо нормальное употребление слов, состоящих из одного слога, в стихах ямбического и амфибрахического ритмического рисунка превышает более чем дважды.

Нам могут возразить, что нет особой беды в том, что в одном произведении больше, а в другом — меньше односложных

слов. Но подобное возражение может показаться основательным только на первый взгляд.

С этой целью проследим, какую же лексическую нагрузку несут на себе односложные слова, какова смысловая насыщенность этих слов, к каким частям речи они принадлежат?

Среди односложных слов коми языка довольно значительное место занимают слова, имеющие определенное смысловое значение. Односложными являются многие существительные единственного числа именительного падежа: кõр, чер, пурт, нянь, ки, кок, во, му, пу и т. д. Можно было бы составить длинный перечень подобных слов.

Немало значимых в смысловом отношении односложных слов примыкают и к другим частям речи, в первую очередь это — прилагательные и глаголы. Прилагательные коми языка в роли определений не согласуются с существительными, а, значит, не присоединяют к себе дополнительных суффиксов. Отсюда довольно значительное количество прилагательных среди односложных слов в поэтическом произведении. Безусловно, следует оговориться, что количество употребления прилагательных зависит от стилистического почерка того или иного поэта. Например, И. А. Куратов не считает эпитет всеильным художественным тропом, и количество прилагательных в его произведениях, сравнительно с другими поэтами, невелико.

Односложные глаголы в коми языке выступают только в форме повелительного наклонения единственного числа: *мун* «иди», *пет* «выйди», *ло* «будь», *шу* «скажи» и т. д., и их количество в литературных произведениях менее значительно.

Зато среди односложных слов изобилуют так называемые служебные слова — частицы и союзы. Если в поэтических произведениях И. А. Куратова и В. И. Лыткина они составляют примерно десятую часть общей лексики, то в стихах Серафима Попова и Владимира Попова союзов и частиц вдвое больше. Отметим, что, во-первых, служебные слова сами по себе не имеют лексического значения, а выражают только различные отношения к словам и предложениям, и, во-вторых, их количество в любом языке весьма ограничено. Поэтому очень трудно избежать назойливого повторения одних и тех же односложных частиц и союзов.

Перед нами стихотворение молодого коми поэта Владимира Попова «Пи» («Сын»):

«Оз тõд на, мый дзирдалõ шондї,
Оз тõд на, мый котõртõ шор.
А мам сийõс морõснас шонтõ.
И муса мен прõстой кыв-вор.
Кõр триньõбтас õшиньõ тõвру,
Кõр туганнас дзуртыштас коз,

Пи вунёдлас радейтан өввө,
 Тыр олёмас кывзысигмоз.
 А сэн, өшинь сайын,— и юкмөс,
 И ыбъяс, и шпоргысь гөрд флаг,
 И ру, коді войяснас сукмө,
 И юыввса бакен и яг»...

Стихотворение написано амфибрахийем. В начале строка имеется только одно слово, содержащее определенное лексическое значение — пи «сын». Все остальные слова (союзы *a, и*, союзное слово *кор* и частицы *оз*) не являются единственно необходимыми для содержания стихов словами, а выступают как заменители слогов, нужных для соблюдения размера стихов.

Двухсложных слов в коми языке значительно больше, чем односложных. По нашему наблюдению в прозаических текстах двухсложных слов 45%. Примерно такое соотношение дает роман В. Юхнина «Алая лента». Правда, прозаическое произведение, пейзажный этюд В. Чисталева «Тулыс воём» имеет меньшее количество двухсложных слов. Это объясняется своеобразием языка и творческого стиля В. Чисталева: многие двухсложные слова, особенно обращения к живым существам и даже к неодушевленным предметам, употребляются с лично-притяжательным суффиксом *-ой*. А дополнительный суффикс делает двухсложные слова трехсложными. Этому же способствует интенсивное употребление глаголов, особенно изобразительных.

Употребление двухсложных слов в поэтических произведениях во многом зависит от размера стихов. В стихах, написанных трехсложными размерами (поэма В. И. Лыткина «Мунёны» («Идут») — дактиль, поэма С. Попова «Манук» — дактиль), двухсложных слов примерно столько же, сколько и односложных. Но зато в ямбических и хорейских стихах количество двухсложных слов резко возрастает.

Как показывают наблюдения над словарным составом хорейских стихов И. А. Куратова, среди двухсложных слов наиболее широко представлены существительные, глаголы, наречия и местоимения, т. е. в смысловом отношении самые веские и значимые слова. Количество служебных слов (частиц, союзов, послелогов) невелико.

Как уже было указано выше, в различных произведениях коми литературы совсем не одинаково проявляют себя трехсложные слова. Если в разговорной речи и в прозаических произведениях (В. Юхнин «Алая лента», В. Савин «Мое детство») трехсложные слова охватывают около 20% лексики коми языка, то в стихах трехсложных размеров (дактиль, амфибрахий и анапест) добрая половина слов — трехсложные. Так, поэма Лыткина «Мунёны», имеющая дактилическое построение, насыщена трехсложными словами.

Трехсложные слова коми языка — это прежде всего большинство глаголов единственного и множественного чисел всех наклонений (кроме повелительного): *чеч-чис-ны, му-нө-ны, лок-төм-а, лый-лив-лис, кол-льөд-чө, гө-гөр-тис, узь-ө-ны* и т. д. Среди трехсложных слов также весьма много существительных как единственного, так и множественного числа с падежными окончаниями (в коми языке 16 падежей). Из трех слогов могут состоять также наречия, прилагательные, деепричастия и послелоги. Служебные же слова не принимают формообразовательных суффиксов и редко бывают таких громоздких размеров.

Кроме рассмотренной выше лексики, в коми языке встречаются слова, состоящие из четырех, пяти и даже шести слогов. Правда, их количество в общем лексическом составе языка весьма незначительно.

Какая же категория слов коми языка является многосложным? Возьмем несколько примеров из коми поэзии:

«Кайла-видзөдла
 Аслам му вылө,—
 Нимкодясъышта.
 Зарни шепъяснад
 Кышакылыштан,
 Меным копрасян»...¹

Как видно из примера, глаголы «нимкодясъышта» и «кышакылыштан» состоят из 5 слогов. Многосложными могут быть и существительные:

«Демид гидж-гиджкерис юр:
 Поводдяйдкөд он дур!»²

Но наиболее длинными словами коми языка являются деепричастия. Нередко они состоят из 6 слогов:

«Весиг тшөтш и трактор
 Ратшкакылан горөч
 Вашмылясигтырйи
 Матыстчис йөз дорө»³.

Вполне очевидно, что слова, состоящие из различного количества слогов, не могут проявлять себя одинаково в произведениях коми поэзии. Просодия коми языка далеко не безразлична к ритмике коми стихов. Об этом красноречиво говорят особенности двухсложных и трехсложных размеров коми стихосложения.

Просодия коми языка, где количество ударений и количество слогов в слове выражается соотношением 1:2, дает пред-

¹ Тима Вень. «Олом вояс», Коми госиздат, 1957 во, стр. 46—47.

² И. Вавилин. «Тарас дед», Поэма, Коми госиздат, 1960 г., стр. 8.

³ Там же, стр. 12.

Пи вунёдлас радейтан өввө,
 Тыр олёмас кывзысигмоз.
 А сэн, өшинь сайын, — и юкмөс,
 И ыбъяс, и шпоргысь гөрд флаг,
 И ру, коді войяснас сукмө,
 И ювывса бакен и яг»...

Стихотворение написано амфибрахийем. В начале строки имеется только одно слово, содержащее определенное лексическое значение — пи «сын». Все остальные слова (союзы *a, и,* союзное слово *кор* и частицы *оз*) не являются единственно необходимыми для содержания стихов словами, а выступают как заменители слогов, нужных для соблюдения размера стихов.

Двухсложных слов в коми языке значительно больше, чем односложных. По нашему наблюдению в прозаических текстах двухсложных слов 45%. Примерно такое соотношение дает роман В. Юхнина «Алая лента». Правда, прозаическое произведение, пейзажный этюд В. Чисталева «Тулыс воём» имеет меньшее количество двухсложных слов. Это объясняется своеобразием языка и творческого стиля В. Чисталева: многие двухсложные слова, особенно обращения к живым существам и даже к неодушевленным предметам, употребляются с лично-притяжательным суффиксом *-ой*. А дополнительный суффикс делает двухсложные слова трехсложными. Этому же способствует интенсивное употребление глаголов, особенно изобразительных.

Употребление двухсложных слов в поэтических произведениях во многом зависит от размера стихов. В стихах, написанных трехсложными размерами (поэма В. И. Лыткина «Мунёны» («Идут») — дактиль, поэма С. Попова «Машук» — дактиль), двухсложных слов примерно столько же, сколько и односложных. Но зато в ямбических и хорейческих стихах количество двухсложных слов резко возрастает.

Как показывают наблюдения над словарным составом хорейческих стихов И. А. Куратова, среди двухсложных слов наиболее широко представлены существительные, глаголы, наречия и местоимения, т. е. в смысловом отношении самые веские и значимые слова. Количество служебных слов (частиц, союзов, послелогов) невелико.

Как уже было указано выше, в различных произведениях коми литературы совсем не одинаково проявляют себя трехсложные слова. Если в разговорной речи и в прозаических произведениях (В. Юхин «Алая лента», В. Савин «Мое детство») трехсложные слова охватывают около 20% лексики коми языка, то в стихах трехсложных размеров (дактиль, амфибрахий и анапест) добрая половина слов — трехсложные. Так, поэма Лыткина «Мунёны», имеющая дактилическое построение, насыщена трехсложными словами.

Трехсложные слова коми языка — это прежде всего большинство глаголов единственного и множественного чисел всех наклонений (кроме повелительного): *чеч-чис-ны, му-нө-ны, лок-төм-а, лый-лив-лис, кол-льөд-чө, гө-гөр-тис, узь-ө-ны* и т. д. Среди трехсложных слов также весьма много существительных как единственного, так и множественного числа с падежными окончаниями (в коми языке 16 падежей). Из трех слогов могут состоять также наречия, прилагательные, деепричастия и послелоги. Служебные же слова не принимают формообразовательных суффиксов и редко бывают таких громоздких размеров.

Кроме рассмотренной выше лексики, в коми языке встречаются слова, состоящие из четырех, пяти и даже шести слогов. Правда, их количество в общем лексическом составе языка весьма незначительно.

Какая же категория слов коми языка является многосложным? Возьмем несколько примеров из коми поэзии:

«Кайла-видзөдла
 Аслам му вылө,—
 Нимкодяссышта.
 Зарни шепъяснад
 Кышакылыштан,
 Меным копрасян»...¹

Как видно из примера, глаголы «нимкодяссышта» и «кышакылыштан» состоят из 5 слогов. Многосложными могут быть и существительные:

«Демид гидж-гиджкерис юр:
 Поводдяйдкөд он дур!»²

Но наиболее длинными словами коми языка являются деепричастия. Нередко они состоят из 6 слогов:

«Весиг тшөтш и трактор
 Ратшкакылан горөч
 Башмылясигтырйи
 Матыстчис йөз дорө»³.

Вполне очевидно, что слова, состоящие из различного количества слогов, не могут проявлять себя одинаково в произведениях коми поэзии. Просодия коми языка далеко не безразлична к ритмике коми стихов. Об этом красноречиво говорят особенности двухсложных и трехсложных размеров коми стихосложения.

Просодия коми языка, где количество ударений и количество слогов в слове выражается соотношением 1:2, дает пред-

¹ Тима Вень. «Олөм вояс», Коми госиздат, 1957 во, стр. 46—47.

² И. Вавилин. «Тарас дед», Поэма, Коми госиздат, 1960 г., стр. 8.

³ Там же, стр. 12.

почтение двухсложным размерам: хорею и ямбу. Но важная фонетическая особенность коми языка — постоянное ударение на первом слоге — несколько ограничивает возможности употребления ямба и дает широкий простор хореическим стихам. Действительно, самым распространенным размером в коми поэзии является хорей.

И. А. Куратов больше половины своих поэтических произведений написал именно хореом. В их числе такие известные высокохудожественные стихи, как «Коми кыв», «Менам муза», «Вёла», «Пёрысь морт», «Виль сьыланкыв», «Сьылан менам сьылан», «Пыж», «Голь зон» и т. д.

«Коми кыв ме тōда,
Ыджыдтор оз шу на.
Тōда ме и сийō —
Оз и сōр на уна».

(Куратов)

«Менам Муза —
Абу вуза.
Базар вылō виршьясōс ог ыстō,
Ньōбасьысьясōс виччысьны ог лысьтō».

(Куратов)

Коми поэты советского периода также часто обращаются к хорею:

«Висер-Лōкчим вожъясōй дай,
Жугыль коми гажъясōй.
Пельсь шoма олōмōй дай,
Курбыш курыд вылōмōй».

(Вен. Чисталев)

«Отчид арся лунō
Батьō локтис вōрысь,
Одийō ыстис менō
Вōлōс кутны йōрысь».

(Виктор Савин)

«Правōй делō вōсна кулōм
Лоас нэмтōм висьтōн.
Ме кō пыра кыз му улō —
Лыддōй коммунистōн».

(Ив. Вавилин)

Если в русской поэзии хореические стихи имеют оттенок народности и чаще употребляются в песенных текстах, то в коми поэзии употребление хорея ограничить какими-либо жанрами невозможно. Мы сознательно взяли пример песенного, напевного стиха (Вен. Чисталев), бытовой лирики (Виктор Са-

вин) и публицистической лирики (Иван Вавилин). Подобный список можно было бы легко продолжить.

Из трехсложных размеров широкое распространение в коми поэзии получил дактиль. Такие поэты, как Вениамин Чисталев и Василий Лыткин, даже отдают ему предпочтение перед другими размерами:

«Кодōскō аддза кō ылысь,—
Томиник аньōс — шань нылōс,
Кыла кō нылуклысь сьылōм,
Вōрзьыштлō менам сэк сьōлōм».

(В. Чисталев)

«Тулысын пōткаяс войвылō лэбисны,
Лунвылысь, саридзысь чукōрōн мунисны»...

(В. Чисталев)

Во втором отрывке стихов все слова — только трехсложные. Очевидно стремление В. Чисталева к идеальному дактилю: словесные ударения (на первом слоге) и стопные ударения во всех случаях совпадают.

Но как показывает первый отрывок, в дактилических стихах словесных ударений может быть больше, чем стопных. Дактилический размер, как и хорей, соответствует просодии коми языка.

Анапест в коми поэзии также употребляется весьма часто. Анапестические стихи встречаются уже у И. А. Куратова:

«Ок, ок, о́к! Муса вóк,   — — — | — — —
Эн тэ мé динō лóк,   — — — | — — —
Мый он лóк, мый дыр он — — — | — — —
Тэ, мōд кёркаса зóн?»   — — — | — — —

В советской коми поэзии и особенно в стихах Серафима Попова анапест занимает большое место.

«Миян Эжвасянь тэ динōдз уна сē верст, Ленинград:
Уна лун, уна вой тасянь котōртō из шомлōн поезд.
Хальмерьюса сьōд зарни, ме аддзылі, Ленинлōн кар,
Тэнад енэжын асьыс полярнōй сияние койō».

— — — | — — — | — — — | — — — | — — — |
— — — | — — — | — — — | — — — | — — — |
— — — | — — — | — — — | — — — | — — — |
— — — | — — — | — — — | — — — | — — — |

В коми критике нередко раздавались голоса, что «анапест в коми языке невозможен». Именно так говорил, например,

Егор Шахов в 1928 году в статье «В помощь начинающим». Имеются ли какие-либо основания для подобных утверждений?

При рассмотрении ямба и амфибрахия мы уже говорили, что в начале коми стихов встречаются односложные слова, которые как бы передают свое словесное ударение последующему, стопному ударению. Подобное же явление встречается и в русской поэзии, хотя русское словесное ударение значительно сильнее, чем коми. Например:

«Укажи мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал».

(Н. А. Некрасов)

Во второй строке слово «я» не имеет стопного ударения, а в последующих строках без стопного ударения выступают даже два слова: «где бы».

В трехсложной стопе стопное ударение настолько сильное, что очень редко встречаются пиррихий. В большинстве случаев лексическое ударение и стопное ударение совпадают. В отличие от ямба и хорей, в стихах трехсложных размеров словесных ударений бывает больше, чем стопных.

«Но ме висътавны сэки эг кӧсйы,
Кӧть лӧз синъясад видзӧді пыр,
Мый кык сьӧлӧмысь ӧтувтӧм пӧсьлун
Том душа пытшкысь некор оз быр».

(Сер. Попов)

Словесное ударение	Стопное ударение
— — — — —	— — — — —
— — — — —	— — — — —
— — — — —	— — — — —
— — — — —	— — — — —

Из приведенной схемы видно, что анакруза, т. е. предтактовые слоги в начале стиха имеют еще одно или два словесных ударения. Но эти ударения значительно слабее стопного, главного ударения и почти не влияют на ритмическую организацию стихотворной строки. Значит, в анакрузе могут выступать односложные и двухсложные слова коми языка. Этим объясняется вполне естественное употребление анапеста в коми поэзии.

Кроме коми слов в начале анапестической строки могут выступать и русские слова с ударением на третьем слоге:

«Суховейясон чорзьюм да потласьюм степ
Асьыс шудтӧм судьба ёрис уна сё нэм»...

Русское слово «суховей», имеющее ударение на 3-м слоге и введенное в коми стихотворение, способствует созданию анапестического ритма стиха.

В отличие от перечисленных размеров, наименее употребительны в коми поэзии ямба и амфибрахий. Причина этого кроется в той фонетической особенности коми языка, что ударение в коренных словах всегда на первом месте. Ямба — двухсложная стопа с ударением на втором слоге, а амфибрахий — трехсложная стопа с той же характеристикой. Следовательно, в начале строки остается неударный слог, а коми слов с ударением на втором слоге нет. На первый взгляд стоит неразрешимая задача.

Отдельные коми критики изредка выступают по вопросам коми литературного языка и касаются вопросов коми стихосложения. Один из них, например, говорит: «Наши коми поэты, работая над стихами, преимущественно пользуются хореем, реже — дактилем и ямбом, и очень редко — анапестом. И никогда не применяют амфибрахий»¹.

Вызывает недоумение, почему такие разнопорядковые явления, какими выступают в коми поэзии ямба и дактиль, сведены критиком в одну группу. Неправ выступающий и в том, что анапест употребляется редко. Во всяком случае не реже, чем дактиль, и значительно чаще, чем ямба. Но абсолютно голословным является утверждение критика о том, что никогда не употребляется в коми поэзии амфибрахий. Чтобы доказать несостоятельность подобного высказывания, достаточно привести несколько коми стихов, написанных амфибрахийем.

«Сьӧд бордьяссӧ му весътын павтыртис вой,
Дзик лӧнь ӧні гӧгӧр. А асылын бой...
И воштис салдат муса унмыслысь места.
— Тэ кылан-ӧ, ёрт менам...
куритны пестам».

(Сер. Попов)

«Тась войвылӧ нуа лӧз морелысь мичлун,
И зарниа шондильсь бырлытӧм гож,
Мед пӧрысьӧ-нэмӧдз нин некор не висыны,
И сьӧлӧмлӧн тӧпкӧмыс пыр лоӧ чож».

(Сер. Попов)

«Ме сулала ӧні дозорын,
Лӧк враг медым пакӧсть эз вӧч.
Ме видза ас мулысь просторьяс
Да-й колиплысь сьылӧмсӧ тшӧтш».

(Влад. Попов)

¹ Журнал «Войвыв кодзув», № 5, 1960 г., стр. 58.

«Руд, дзормём Уралсянь, кён гуляйтё ру,
Вой саридзлань муткыльтё-визувтё ю...
И шуштёмось берегъяс, шогёдысь сер:
Тиль козъяса парма да мылькъяса эрд».
(Ген. Юшков)

Более того, амфибрахий является одним из излюбленных размеров коми поэтов Серафима Попова и Владимира Попова. Коми поэты понимают, что хотя применение ямба и амфибрахия в коми поэзии связано с некоторыми затруднениями, эти размеры все же должны иметь право на жизнь в нашей поэзии. Если не употреблять ямб и амфибрахий, то ритмический рисунок коми стихов будет значительно обеднен. В то же время нельзя забывать, что ямбический и амфибрахический размеры требуют более тщательной работы над техникой стиха.

Нас интересует, как проявляет себя в ямбических и амфибрахических стихах первый, т. е. неударяемый слог в начале стихотворной строки:

«Дзор нэмъяс пытшкын колис лыдтём во...
Оз помнитны сё вося гырысь пуяс,
Сьёд пармаё кор пырис коми морт
Зэв важён коркё зверлён ветлан туйёд».
(Сер. Попов. «Русской народлы»)

Стихи написаны ямбом. В начале строки, на слабом месте стоят односложные слова *дзор* «седой», *оз* «не», *сьёд* «черный», *зэв* «очень». Хотя все эти слова имеют собственные лексические ударения, но включившись в стихотворную речь, в какой-то степени теряют силу своего лексического ударения, чтобы сильнее подчеркивался, выделялся последующий слог, второй ударный слог ямбической стопы.

Ямбические и амфибрахические размеры в коми поэзии строятся и другими способами. Так, вследствие многовекового тесного культурного и экономического общения коми народа с русским народом в коми язык вошло значительное количество русских слов. Особенно обогатился коми язык за счет русской лексики в послереволюционные годы. А русские слова, заимствованные в последнее время, сохраняют свое ударение, не подчиняясь ударению коми языка.

«Привычка тайё фронтёвой:
Оз пет на шондi — и походё,
И бара мастер синъяс водзын
Делянка, кёни муно бой».
(Сер. Попов. «Вёрлэдзысь-мастер»)

Из приведенного примера видно, что русские слова «*делянка*» и «*привычка*» сохранили свои ударения, т. е. и на коми языке произносятся с ударением на втором слоге.

Правда, следует сказать, что Серафим Попов иногда излишне злоупотребляет русскими словами.

«Поэтлы кывъяс колёны,
а кытысь босьтны найёс
Кавказлысь первозданной
мичлун востыны?
Двуглавой Эльбрус
кыптис кымёр сайёдз
Да югыд юрсё
шондi водзын востылис».
(Сер. Попов. «Эльбрус»)

Стихи ямбического размера и все слова в начале строк — русские. Безусловно, такие понятия, как «*двуглавой*», «*первозданной*» не с меньшим успехом можно было выразить коми словами.

На основании вышеизложенного мы можем сказать, что коми поэзия, как и русская литературная поэзия, базируется на классических размерах русской силлабо-тонической системы стихосложения. В коми поэзии можно встретить стихи, написанные как двухсложными размерами (хорей и ямб), так и всеми трехсложными (дактиль, амфибрахий, анапест).

Но в зависимости от специфических свойств коми языка, коми стихосложение своеобразно и в известной степени даже неповторимо за пределами данного языка.

Одна из основных особенностей коми языка — постоянство ударения в коренных коми словах (на первом слоге) — влечет за собой неодинаковое отношение к различным размерам силлабо-тонического стихосложения. В наибольшей степени согласуются с просодией коми языка хорей и дактиль, где ударение падает на первый слог стиховой стопы.

В то же время ямб и амфибрахий, допустимость которых в коми поэзии теоретически оправдана, не получили еще широкого распространения. Это объясняется тем, что начала ямбических и амфибрахических строк требуют употребления или же русских слов с ударением на втором слоге, или же односложных коми слов. Чрезмерное употребление русских слов в коми стихах затушевывает национальное своеобразие коми поэзии. А из односложных коми слов чаще проникают в стихи служебные слова: частица *не*, союзы (*и*, *да*, *но*, *коть*), а также неопределенные наречия (*тан*, *кён*, *век*, *пыр*). Служебные слова за редкими исключениями весьма пассивны в художественной ткани стихотворения и часто создают впечатление засоренности начала стихотворных строк.

Коми поэты могут и должны преодолеть эти затруднения. И ямб, и амфибрахий, и анапест имеют право на жизнь в коми поэзии и реально в ней существуют. Следовательно, вопрос о том, какие размеры силлабо-тонического стихосложения могут

употребляться в коми поэзии, а какие не могут, является беспочвенным.

Система коми литературного стихосложения тесно связана с фонетическими и лексическими особенностями коми языка.

Тонической системе стихосложения трудно укорениться в коми поэзии из-за сравнительно слабого коми лексического ударения. Не очень ярко выделенное, короткое фонетическое ударение не может выступать в коми поэзии как единственный и абсолютный ритмообразующий фактор. В 20-е годы коми поэт Тима Вень пытался ввести в коми поэзию ритмику Маяковского и Асеева, но его попытка оказалась совершенно неудачной.

Пусть не сразу и не легко, но силлабо-тоническая система нашла пути в коми литературную поэзию. И. А. Куратов пришел к единственно правильному выводу, что коми язык не содержит в себе таких особенностей, которые препятствовали бы использованию в нашей поэзии русского стихосложения. Силлабический элемент налицо: коми язык, как и любой другой, предоставляет возможность употреблять равное количество слогов в стихотворных строках. Налицо и тонический элемент стихосложения: наличие лексического ударения (хотя и слабого) гарантирует чередование ударных и безударных слогов в коми стихах.

Однако для более четкого, более осязаемого ритмического строя коми стихов необходимо было усиление, выделение тонического, ударенного элемента коми стихосложения. При чтении коми стихов дополнительным нажимом голоса подчеркивается, выделяется ударный слог на фоне безударных. Если в обычной разговорной речи и прозаических произведениях разница между ударными и безударными слогами невелика, то в произведениях коми поэзии эта разница становится значительным и осязаемым.

Значит, основной характерной чертой коми стихосложения является сознательное усиление, подчеркивание, выделение стопных ударений на фоне остальных безударных слогов в системе силлабо-тонического стихосложения.

Подобной точки зрения на коми литературное стихосложение придерживался И. А. Куратов. Коми советские поэты через многие сомнения и колебания также пришли к силлабо-тонической системе стихосложения. Успешное развитие современной коми советской поэзии свидетельствует о том, что силлабо-тоническая система стихосложения позволила коми поэтам показать неисчерпаемое богатство, удивительную красоту и родниковую свежесть коми языка.

Ф. В. ПЛЕСОВСКИЙ

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ПЕСЕН КОМИ И УДМУРТОВ¹

Генезис песенного искусства фольклористикой изучен далеко недостаточно. Особенно слабо выяснены истоки песен, время возникновения, древние формы и виды их. Трудность решения подобных вопросов объясняется, прежде всего, тем, что для суждений о древних формах народной поэзии исследователь не имеет текстов прошлых эпох.

Вместе с тем в песенном репертуаре каждого народа частично сохранились песни, содержание и строение которых отличается от тех песен, возникновение которых можно с большей или меньшей вероятностью отнести к определенным, более поздним историческим периодам.

В песенном репертуаре коми наиболее древними по происхождению представляются песни о трудовых процессах, являющиеся по своей форме песнями кумулятивного, целевидного характера. Однако при изучении песен только одного народа принадлежность их к доклассовому периоду доказать не представляется возможным. Правда, некоторым подспорьем могут явиться сопоставления их с данными археологии, этнографии и лингвистики, но выйти за грань предположений и в этом случае трудно. Так, например, кумулятивная песня-сказка «Дуда-дуда» может быть отнесена к древнему слою песен потому, что слово «дуда» большинству диалектов современного коми языка неизвестно. И только при сопоставлении с удмуртским и коми-пермяцким языками может возникнуть предположение, что и коми в древности этим словом называли голубя. Можно предположить вслед за этим, что песня родилась в то время, когда «дуда» имела значение голубя.

¹ Доклад, прочитанный на межобластном совещании по вопросам изучения фольклора Севера европейской части Советского Союза, состоявшийся в Петрозаводске 7—9 октября 1957 года.

Представляет также интерес то, что, по сообщению этнографа В. Н. Белицер, в деревнях по р. Ижме сравнительно недавно существовал обычай на крещение носить по домам деревянного голубя. Надо думать, что в прошлом была какая-то связь между песней о «дуде» и этим деревянным голубем. То же самое отмечено и у удмуртов. По сообщению П. М. Чайникова, удмурты, желая ускорить приход весны, лепили из глины птицу и выставляли ее на палке, чтобы она звала живых птиц. Такой обряд призывания весны сопровождался песней:

«Лыкты, тулыс, ми доры джоггес,
Лыкты, тулыс, вай тон шунытэз»
«Приходи, весна, к нам скорее,
Приходи, весна, принеси тепло».

Из таких сопоставлений становится ясным, что древние песни кумулятивного, цепевидного характера типа «Дуда-дуда» у коми были связаны с обрядом. Неясно остается только, какой была форма обряда. По содержанию песни «Дуда-дуда» и значению изображений птиц можно говорить об их связи с земледелием.

Самым убедительным и неопровержимым аргументом в пользу древности кумулятивных песен может быть наличие аналогичных текстов у родственных по языку народов. Такими являются коми и удмурты. Считается, что коми отделились от удмуртов и переселились из Прикамья на территорию, где они ныне проживают, в IX—XI вв. К этому периоду родовой строй у предков коми и удмуртов уже клонился к упадку, разложению. И то, что в некоторых текстах коми и удмуртов мы видим не только отдаленное сходство, а почти полное совпадение,шний раз говорит о том, что они исполнялись и бытовали среди общих предков коми и удмуртов до их разделения.

Коми текст

Бобб, бобб, кытчö ветлін?
Чожб губ ветлі.
Мыйбн сэйин-юин?
Выйбн няньбн сэйи-юи.
Мем нб колин эн?
Коли тай.
Кытчö нб пуктін?
Тшегбс понб пукті.
Абы тай-нб?
Сьбд понмыд тай нямбма.

Ксн сьбд понмыс?
Потшбс костб джагалбм.
Кбнн потшбсыс?
Бибн сотчбма

Бобэ, бобэ, куда ходил?
В дом-яму дяди (по матери).
Что ел-пил?
Хлеб с маслом ел-пил.
Мне оставил ли?
Оставил.
Куда положил?
На приступку положил.
Там же нету?
Ваша черная собака съела,
оказывается.

Где черная собака?
В изгороди удушилась.
Где изгородь?
Огнем сожжена.

Кбнн биыс?
Вабн кусбма.
Кбнн ваыс?
Ыджыд бш гуныбма.
Кбнн бшкыс?
Ыбб кайбма.
Кбнн ыбыс?
Кык шыр кырбдбм.
Кбнн шырыс?
Налькйб шедбм.
Кбнн налькйыс?
Чербн керасьбм.
Кбнн черыс?
Изйбн нальсьбм.
Кбнн изйыс?
Петшбр пытшкб буз-баз¹.

Где огонь?
Водой потушен.
Где вода?
Большой бык выпил.
Где бык?
На поле ушел (поднялся).
Где поле?
Две мыши изрыли (источили).
Где мышь?
В ловушку попалась.
Где ловушка?
Топором изрублена.
Где топор?
Камень притупил.
Где камень?
Брошен в крапиву.

Удмуртские тексты²

I.

Кытчи, кытчи ветлід?
Тшуж нэнэйэ ветлі.
Малы, малы ветлід?
Вбйын нянь сины вэтлі.
Кытын, кытын вбйын няньыд?
Юбо йылэ поні.
Кытын, кытын юбо йылэд?
Сьбд пунійэ сииз.
Кытын, кытын сьбд пунійэд?
Бадзым тірэным тшоги.

Кытын, кытын бадзым тірэд?
Силэ люкэ кушти.
Кытын, кытын силэ-люкэд?
Тыйа, вуйа кэляй³.

II.

Ой, кече, кече, кытчы ветлід?
— Вал возманы ветлі.
Кытын бей валъёсыд?
— Вальёсыд тшатшаё пырил-
лям.

I.

Куда, куда ходил?
К бабушке (по матери).
Зачем, зачем ходил?
Есть хлеб с маслом.
Где, где хлеб с маслом?
На столб положил.
Где, где вершина столба?
Черная (моя) собака съела.
Где, где черная (твоя) собака?
Большим топором убил
(ударил)

Где большой топор?
В кучу хвороста бросил.
Где, где, куча хвороста?
В озеро, в воду отправил.

II.

Ой, коза, коза, куда ходила?
Пасти лошадей ходила.
Где же лошади?
Лошади в чащу зашли.

¹ Записана в Койгородском районе в с. Палауз в феврале 1957 г. от Истоминой Ирины Дмитриевны, колхозницы 67 лет.
² По полиграфическим причинам удмуртские аффрикаты и И после твердых парных согласных обозначаются так же как и в коми языке.
³ Архив УДНИИ, инв. 26, стр. 74—75.

Тшатшаез кытын бен?
 — Тшатшазэ тылын сутіллям.
 Тылыз кытын бен?
 — Тылзэ вуэн кисіллям.
 Вуэз кытын бен?
 — Вуэз ошъёс юиллям.
 Ошъёсыз кытын бен?
 — Гурезь йылэ тубиллям.
 Гурезез кытын бен?
 — Гурезьзэ нымыръёс
 пыртсяллям.
 Нымыръёсыз кытын бен?
 — Дзадзегъёс сииллям.
 Дзадзегъёсыз кытын бен?
 — Дзадзегъёсыз лобса кош-
 киллям.
 Мын но учса¹.

Где чаща?
 Чащу огнем сожгло (и)
 Где же огонь?
 Огонь потушила вода.
 Где же вода?
 Воду выпили быки.
 Где же быки?
 На гору поднялись.
 Где же гора?
 Гору черви источили.
 Где же черви?
 Гуси съели,
 Где же гуси?
 Гуси улетели.
 Иди и смотри.

Кумулятивные песни-сказки весьма популярны у коми и отличаются значительным разнообразием. Нами отмечено 98 записей на 18 сюжетов. У удмуртов этот вид песен-сказок менее популярен (в рукописном архиве УДНИИ находится 11 записей на 7 сюжетов, причем большинство записей сделано среди удмуртов, проживающих в Башкирской АССР).

Едва ли может возникнуть сомнение в том, что приведенные выше тексты произошли из единого источника. Они представляют собой своеобразные, застывшие, окостеневшие отрывки древних песен и позволяют нам судить о некоторых композиционных приемах и образной структуре этих песен. По-видимому, это были песни земледельческие по своему характеру. Это песни-загадки, построенные на диалоге, на цепи вопросов и ответов. В них нет ни символов, ни метафор, ни сравнений. Нет, как правило, и эпитетов. Нет никаких следов так называемого «психологического» параллелизма². Диалогическая цепь имеет причинно-следственную, пространственную связь. Спрашивающий старается определить местонахождение того или иного предмета, объекта и причину его отсутствия или ис-

¹ Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Von Bernard Munkacsi. Herausgegeben D. Fuchs. Helsinki. 1952, стр. 488, 489. Глазовский диалект. Сходный текст опубликовал Н. Первухин. См. эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз III. Вятка, 1888 текст № 10. См. кроме того, тексты № 449 и 450 из сборника Ю. Вихмана «Wotjakische Sprachproben, Helsingissä, 1893.

² Критикуя взгляды А. Н. Веселовского, авторы работы «Русское народное поэтическое творчество» (т. I, 1953, стр. 465—466) заявляют, что «психологический параллелизм» мог возникнуть только в классовом обществе. В доклассовый период, по их мнению, было стремление к иносказанию. Положения эти, к сожалению, не подкреплены анализом конкретного материала.

чезновения, отвечающий сообщает, что с предметом, объектом случилось.

В настоящее время эти песни перешли в число детских прибауток, удмурты называют их «серекъян кылъёс» (шуточные слова).

Отметим в связи с этим, что многие песни удмуртов, особенно лирические и свадебные, построены на том же принципе, как и «серекъян кылъёс». Основное в них — вопросо-ответная форма, цепь загадок, расположенных по принципу кумуляции, цепного накопления. Характерна в этом отношении и песня, которую мы приводим ниже. В ней та же цепь вопросов и ответов, как и в «серекъян кылъёс», однако кумулятивность здесь связана с желанием узнать намерения зверей, предметов и людей.

Дзадзеглэн мылкыд мар вылын?
 Возь вылын ёвёл-а (2 р.)
 Тшөжлэн мылкыд мар вылын?
 Ву вылын ёвёл-а (2 р.)
 Пуяэн мылкыд мар вылын?
 Вуко вылын ёвёл-а (2 р.)
 Вуколэн мылкыд мар вылын?
 Пызь вылын ёвёл-а (2 р.)
 Пызьлэн мылкыд мар вылын?
 Кышно вылын ёвёл-а (2 р.)
 Кышнолэн мылкыд мар вылын?
 Нылпи вылын ёвёл-а (2 р.)
 Ныллэн мылкыд мар вылын?
 Пужы вылын ёвёл-а (2 р.)
 Пилэй мылкыд мар вылын?
 Вал вылын ёвёл-а (2 р.)
 Валлэн мылкыд мар вылын?
 Сюрес вылын ёвал-а (2 р.)
 Сюреслөн мылкыд мар вылын?
 Кузон кар вылын, Кузон городын.

О чем думы у гуся?
 Не о луге ли?
 О чем думы у утки?
 Не о воде ли?
 О чем думы у дерева?
 Не о мельнице ли?
 О чем думы у мельницы?
 Не о муке ли?
 О чем думы у муки?
 Не о женщине ли?
 О чем думы у женщины?
 Не о детях ли?
 О чем думы у девушки?
 Не об узорах ли?
 О чем думы у парня?
 Не о лошади ли?
 О чем думы у лошади?
 Не о дороге ли?
 О чем думы у дороги?
 О городе Казани, о городе
 Казани¹.

Необходимо заметить, что эта песня широко распространена. Различным вариантам ее придаются разные функции, она поется как гостевая, свадебная и как лирическая песня.

Прием кумуляции — один из основных композиционных приемов удмуртских песен. Весьма распространена, например, среди удмуртов такая свадебная песня: «Бежала, бежала, среди удмуртов такая свадебная песня: «Бежала, бежала, кольцо нашла; то кольцо матери отдала; мать мне кумачу дала; то кольцо матери отдала; брат мне плетью дал; той плетью по тот кумач я брату отдала; брат мне плетью дал; той плетью по земле ударила; земля мне овса дала; овес я гусю дала; гусь мне кашу дал; ту кашу я в печь поставила; печь мне головешку

¹ Архив УДНИИ, инв. 36, стр. 10, см. также инв. № 2, стр. 318.

дала; ту головешку я в воду бросила; вода мне рыбу дала; татарин-брат мне свадьбу устроил; кто его лошади будет сено бросать?»¹.

В другой песне идет спор².

Чатчаэ эн мын вал! Но пу кулэ!
Пузэ но эн кора вал! Но корка эстоно!
Корказэ но эн эсты вал! Но нянь кулэ!
Няньзе но эн пыжы вал! Но кот сюмо!
Кон но эн сюмо вал! Но ужаны кулэ.
Не ходил бы в лес! Но дрова нужны!
Не рубил бы дрова! Но должен печь затоплять.
Не топил бы печь! Но хлеб нужен!
Не пек бы хлеб! Но есть хочется!
Не хотел бы есть! Но работать нужно! и т. д.

В архиве УДНИИ в числе «серекъян кылъёс», «серекъян шудон» (шуточная игра) значится кумулятивная сказка с сюжетом «Кто сильнее»³. Ю. Вихман в прошлом веке записал в Глазовском уезде ту же песню, причем исполнители не называли ее «серекъян кылъёс». Начало в его записи таково: Кто-то летом во время жатвы не нашел тени, чтоб пообедать и стал сетовать: «Солнце обожгло все лицо!» Потом он спросил у солнца: «Э, шундыэ, шундыэ! Тон-а меда дуннэысь котъмэлэсь зок?»— («Э, солнце, солнце! Не ты ли на свете сильнее всех?») Солнце отвечает, что сильнее его облако. Далее оказывается, что сильнее облака ветер; сильнее ветра гора; сильнее горы мышь; сильнее мыши кошка; сильнее кошки человек.

В одном из вариантов, опубликованных Вихманом, последний вопрос задается царю: не он ли сильнее всех на свете. Следует ответ: «Если б я был сильнее всех, не стоял бы свет — свет всех сильнее!» В другом варианте человек на такой вопрос отвечает: «Если б я самым сильным был, не стоял бы у царской ограды». Царь на этот вопрос отвечает: «Если б я был самым сильным, таким ли был свет (мир)?»⁴

Из сказанного следует, что рассмотренные выше песни-сказки в прошлом имели более серьезное значение, нежели теперь.

Количество примеров можно было бы значительно увеличить. Ограничимся, однако, приведенными. Укажем лишь, что прием

¹ В. Мункаси. *Votjak Nepköltészeti Hagymanyok. Budapest, 1887*, стр. 326. Сравни с карельской руной об обмене вещами. Карельские эпические песни. Изд. АН СССР: М., Л. 1950, № 159.

² Y. Wichmann. *Votjakische Sprachproben. v. I. Helsingissä, 1893*, стр. 106.

³ Архив УДНИИ. Инв. 36, стр. 10 и 21. Записи Фаршатова в Башкирской АССР в Татышлы р-не, в с/советах Асавда и Калмиар.

⁴ Y. Wichmann. *Votjakische Sprachproben. v. I. Helsingissä, 1893*, тексты № 447, 448.

кумуляции встречается в лирических, свадебных и гостевых песнях¹.

На приеме кумуляции построены и некоторые удмуртские частушки (такмак). Приведем характерный пример, опубликованный еще Мункачи в сборнике 1887 года (№ 102).

Пор, пор, кытчы мынид?
Мурдо пуктыны мынид-а?
Мурдояд мар сюрэм?
Сьёд тур сюрэм-а?
Со сьёд турдэ кинлы сётид?
Сьёд апайлэ сётид-а?
Сьёд апаед мазэ сётиз?
Сьёд саламзэ сётиз-а?

Марнец, марнец, куда пошел?
Не пошел ли ставить морду?
Что попало в твою морду?
Не попал ли черный тетерев?
Кому дал того черного тетерева?
Не дал ли черной девушке?
Что дала черная девушка?
Не дала ли черный гостинец?

Выше приводилась песня «о думах» разных предметов, людей, животных. Среди удмуртов распространен и другой вариант этой песни, всего в четыре строки:

Мысли гуся об овсе,
Мысли утки о воде.

Мысли девушки о парне,

Мысли парня о девушке (подстрочный перевод).

Пример весьма показателен. Перед нами — строго выдержанный двучленный параллелизм.

У коми таких песен, построенных на приеме кумуляции, значительно меньше, нежели у удмуртов. Мы можем указать лишь на одну песню, возникшую, возможно, под влиянием русской сказки «Коза с орехами»². Но у коми она является не шуточной и детской, а плясовой. В коми фольклоре прием цепного нанизывания более распространен в сказках о животных³.

Здесь необходимо заметить, что у карел и финнов отмечены тексты, весьма сходные с приведенными выше песнями-сказками коми и удмуртов. Так, в одной из финских песенок-прибауток читаем:

Missä voi?
Kissa söi
(Missa kissa?)
Aitan alla
Missä aitta?
Tuli poltti.

Где масло?
Кошка съела.
Где кошка?
Под изгородью.
Где изгородь?
Огнем спалена.

¹ См. в сб. Вихмана (т. 1), № 436, 437, в сб. Мункачи (1887 г.), № 97, 98, 99, 100, 101, 102.

² Коми мойдъяс, сьыланкывъяс да пословицаяс. Составил Ф. В. Плевский. Сыктывкар, 1956, № 59. («Коза оз мун тусьла» — «Коза не идет за зерном»).

³ См., например, тексты из работы Г. С. Лыткина. «Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык». СПб. 1889, стр. 157—169.

Далее следуют вопросы и ответы, почти буквально совпадающие с коми и удмуртскими текстами: «Где огонь? Вода погушила. Где вода? Бык выпил. Где бык? Топором зарублен. Где топор? На пне. Где пень? Червь источил. Где червь? Петух склевал. Где петух? Ястреб схватил. Где ястреб? Летит через 5 Выборгов, через два города»¹.

Приведем еще по одному примеру из финских и коми песен, где мы отмечаем такое же, почти буквальное совпадение: в финской руне лисичка рассказывает о том, что она была в пастушках, собрала листья, которыми кормят корову². Далее следует:

Mita silla lehmällä?	Что с той коровой?
Lapsia vaalitaan.	Детей кормят.
Mita niilla lapsilla?	Что с теми детьми?
Lastuja nopitetaan.	Щепки собирают.
Mita niilla lastuilla?	Что с этими щепками?
Oltta keitetän.	Пиво варят и т. д.

Коми-пермяцкий текст

Дудой, дудой!	Голубь, голубь!
Мый вывö тошсö вузавин?	На что бороду продал?
Кöса вывö вежы.	Сменял на косу.
Мый вывö көсасö?	На что коса?
Турун ычкыны.	Траву косить.
Мый вывö турунсö?	На что трава?
Мöс вердны.	Корову кормить.
Мый вывö мöссö?	На что корова?
Зон быдтыны.	Сына растить.
Мый вывö зонсö?	На что сын?
Пес керавны.	Дрова рубить.
Мый вывö пессö?	На что дрова?
Гор вонтыны.	Печь топить.
Мый вывö горсö вонтыны?	На что печь топить?
Иянь пöжавны, шыд пуны.	Хлеб печь, щи варить ³ .

У карел, кроме подобных песенок, записаны эпические песни, в которых мы встречаемся с уже известными по коми и удмуртским кумулятивным песням-сказкам предметами: с огнем, спалившим пень; с водой, тушащей огонь; с быком, выпивающим воду; с топором, убивающим быка и т. д.⁴. Много сходного отмечается также в карельской руне «Тит рыболов»⁵ с коми

кумулятивной песней-сказкой о вене¹ (зверек), отказывающемся «веньгать», в наказание за что на него посылают веревку, которая отказывается душить; мышшь отказывается перегрызть веревку; кошка — съесть мышшь; дым — задушить кошку; огонь — сжечь дым; вода — тушить огонь; бык — выпить воду; топор — убить быка. И только после того, как брусочек кинулся на топор, кинулись друг на друга и остальные, и вена задушила.

Еще большую роль в изучении истории песни, на наш взгляд, могли бы играть повествовательные песни-импровизации. В своей работе А. С. Сидоров, характеризуя ижемские трудовые песни, отмечает, что в значительной части они представляют импровизации с использованием устойчивой системы художественных приемов — эпитетов, сравнений². О том, какое место занимали импровизации в песенном искусстве удмуртов в недавнем еще прошлом, один из собирателей удмуртских песен писал: «Южные песни имеют зафиксированный текст. Северные песни без текста. Текст импровизации создается «на ходу». В Удмуртии до сего времени встречается обычай, когда хозяйка дома, угощая гостей, преподносит каждому гостю чарку водки и говорит приветствие-импровизацию. В прошлом в Удмуртии, когда солдат отправляли на царскую службу, новобранец распевал прощальные слова-импровизации, вспоминая свою жизнь от колыбели до ухода из дома»³.

Импровизации, как известно, широко распространены у саамов, хантов, манси и других народов Севера. Это производственно-детализированные рассказы, ритмизованные напевом. Характерной их особенностью является точность в описании движений, походки, следов зверей и птиц; подробное описание признаков местности, где водятся те или иные звери и птицы и т. д. Устойчивого текста при этом не возникает. Напевы чаще всего прикреплены к темам, и исполнители эти темы разрабатывают по-своему.

Земледелие коми и удмуртам было известно с древних времен. Охотничий же промысел в последние столетия не имел решающего значения в их хозяйственной жизни; так же, как и у удмуртов, у коми этот промысел был развит преимущественно в северных районах республики.

Не случайно поэтому мы не располагаем записями охотничьих песен-импровизаций у коми или удмуртов, в то время как известны 10 записей коми повествовательных лирико-эпических песен.

¹ Y. Wichman p. Syrganische Volksdichtung. Helsinki. 1916, стр. 302—304.

² А. С. Сидоров. Бытовые лирико-эпические ижемские песни. Лингвистический сборник, вып. 2. Сыктывкар, 1952.

³ Васильев-Буглай. Удмуртские песни. Труды Удм. НИИ, сб. I. Ижевск, 1935, стр. 38.

8. Историко-филологич. сборник, вып. 7

¹ Suomen kansan vanhat runot. VI. Вар. 6964. Место записи — Лемпи. Указал на текст и перевел его В. Я. Евсеев.

² Там же, № 7052.

³ Г. С. Лыткин. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. СПб., 1889, стр. 160.

⁴ Карельские эпические песни. Предисловие, подготовка текстов комментариев В. Я. Евсеева. АН СССР, М.-Л., 1950, № 72.

⁵ Там же, № 156.

ческих песен на тему земледельческого труда¹. В архиве УДНИИ хранится большое количество аналогичных песен удмуртов. Однако, многое говорит за то, что в прошлом охотничьи повествовательные песни имели у удмуртов широкое бытование, что, кстати, подтверждали и исследователи песен². В пользу этого говорит, прежде всего, то, что композиционные каноны этих песен, так же как и образы, взятые из охотничьего быта и наблюдений над жизнью животных и птиц, сложились в традиции гостевых и свадебных песен.

В одной из гостевых песен мы встречаемся с таким описанием³:

Под листьями лиственных деревьев мы приехали,
Под хвоями хвойных деревьев мы ехали,
Где машут хвостами белки, мы приехали,
По бору, где хлопают тетерева, мы ехали,
У ручья, где рябчики свистят, мы приехали,
Свистя, как ястреб (крыльями), мы ехали...

С аналогичными описаниями мы встречаемся и в некоторых свадебных песнях⁴. Для свадебных песен удмуртов характерно детальное описание не только местности, по которой ехали гости или свадебный поезд, но и перечисление обстоятельств поездки:

Куда-то, куда-то, вышла замуж сестрица,
За темный лес, не перелетаемый черным вороном.
Незапрягаемых лошадей запрягши, мы приехали;
Небитых лошадей ударяя, мы приехали;
Непотевших лошадей заставив вспотеть, мы приехали;
Ударяя плетью, подобной черному змею, мы приехали;
Неношенную одежду надевши, мы приехали⁵.

В другой, небольшой по объему, песне описывается, в каких санях и на какой лошади ехали гости:

На мерине, красном как петух, мы приехали,
На подушке, как роньжа (пестрая?), мы приехали,
С дугой, как радуга, мы приехали.
С оглоблей, ровесником привезенной, мы приехали⁶.

¹ К настоящему времени количество таких текстов близко к 70.

² Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд. К изучению поэтического и музыкального стиля удмуртской народной песни. Записки Удм. НИИ, вып. 10. Ижевск, 1941, стр. 64.

³ В. Мункаси. *Votjak Nekölteszeti Hagymanyok*. Budapest, 1887, текст № 147, см. аналогичный же текст № 146.

⁴ Б. Гаврилов. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губернии. Казань, 1888, стр. 107, № 14.

⁵ Б. Гаврилов. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губернии. Казань, 1888, текст № 148.

⁶ Там же, текст № 149. Из-за отсутствия места приводим только переводы.

Много сходного находим и в трудовых лирико-эпических песнях коми, записанных в северных районах республики. В этих песнях, посвященных преимущественно изображению земледельческого труда, описание производственных процессов разворачивается путем перечисления всех важнейших особенностей места, орудий труда и т. д.; о самом же процессе труда рассказывается в порядке последовательности выполняемых работ. Так, в песне «На молотье» рассказывается о помещении, в котором происходит работа:

Родные мои, помолотим, любимые сестрицы мои.
В четырехугольном помолотим красивом овине,
В пригородненском помолотим сделанном доме.
Вашкинским топором помолотим в срубленном строении,
Со стальным инструментом расчерчены пазами...

О том, как будет выполняться работа, говорится:

Плечами помолотим при одинаковой вышине,
Грудью помолотим при одинаковой ширине...¹

Еще более характерной является песня «На лодке»:

Уж опять поднимаемся на засмоленной ходкой лодке,
По реке уж, светик, мы едим по быстрой,
На четырех шестах мы едим на еловых,
На еловых мы едим на гребных веслах,
На еловых мы едим на кормовых веслах...².

Думается, что нет надобности доказывать близость коми лирико-эпических песен и импровизаций народов Севера.

Нетрудно заметить, что все приведенные выше песни имеют большое сходство в композиционном строении. В некоторых из них последовательно перечисляются действия или материальные признаки, свойства одного и того же предмета. Такие песни состоят из цепи сходно построенных предложений, в которых точно повторяется одна какая-либо часть (движение, предмет). Такое строение исследователи называют вариационным параллелизмом или «частичным» параллелизмом³. Из всех попыток выяснить корни подобной вариационности наиболее правильным мы считаем объяснение, данное Вернером⁴. По его мнению

¹ А. С. Сидоров. Бытовые лирико-эпические ижемские песни. Лингвистический сборник, вып. 2. Сыктывкар, 1952, стр. 85.

² Там же.

³ W. Steinitz. *Der Parallelismus in der finnisch — karelich Volksdichtung* Helsinki, 1934. Штейниц различает параллелизмы по аналогии и синонимические параллелизмы. Кроме того, различает параллелизмы двусторонние и мические параллелизмы. Для того, чтобы отличить полный параллелизм (чаще четверосторонние) от неполного, мы будем пользоваться термином «частичный параллелизм».

⁴ H. Werner. *Die Ursprünge der Lyrik* München, 1924. К древним видам лирики Вернер относит бессмысленный набор слов (при плясках у негритов и др. народов); пение о пище; сексуальное пение; плач об умершем; песни-насмешки.

нию, частичный параллелизм возникает на ранних ступенях общественного развития, на той ступени развития языка, когда субъект и действие были нераздельны, как и предмет и его материальные свойства, признаки, качества. На этой стадии невозможно было соподчинение нескольких существительных одному глаголу, нескольких прилагательных одному существительному и т. д. и поэтому возникала необходимость повторять глагол или существительное. Вместе с тем каждое повторение при этом уже не является просто повторением, а дает нечто качественное новое.

Характеризуя язык «Калевалы», О. В. Куусинен отмечает, что... «эпическое повторение является наиболее характерной особенностью стиля калевальской поэзии...», что ... «как правило, повторный стих приносит с собой **новый** оттенок мысли или совершенно **новый** образ. И таким образом в «Калевале» почти каждая мысль преподносится нам по частям, по ступеням, она как бы выкатывается в поле нашего зрения в виде четырех, пяти, шести разноцветных волн, из которых каждая, к тому же, показывает себя в двух различных положениях»¹.

В отличие от рун «Калевалы», каждая из которых содержит определенный сюжет, песни коми и удмуртов характеризуются кумуляцией, «цепевидностью» параллелизмов. Этот прием встречается в трудовых лирико-эпических ижемских песнях, и в песнях об увеселении молодежи, и в удмуртских гостевых и свадебных песнях. Так, например, в песне о сенокосе говорится:

На широкие ходят, на хорошие луга с обильной травой,
На долины ходят, на эти обширные низменные места,
На зеленые ходят, на светлые луга,
На шелковые ходят, на окрестные травы...².

К песням о труде у коми близки песни об увеселениях молодежи. Для раскрытия душевного состояния исполнителей здесь, например, используется цепь сравнений:

Ломаясь (мы пойдём), подобно сухой лучине,
Сгибаясь (пойдем мы), подобно сырой лучине,
То распластываясь пойдём мы, подобно свежему венику,
То рассыпаясь пойдём мы, подобно сухому венику.
То спрудившись пойдём мы, подобно кусту черемухи,
То шурша пойдём мы, подобно листьям осиновым,
То вереницею пойдём мы, подобно стае гусей...

Главной особенностью песен о труде как коми, так и удмуртов является воспевание труда и прилежания. Описания картин

¹ О. В. Куусинен. «Калевала» — эпос карело-финского народа. В кн. Труды юбилейной научной сессии, посвященной 100-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск, 1950, стр. 32.
² А. С. Сидоров. Ук. соч., стр. 83.

коллективного труда — важная особенность, вытекающая из общего характера труда в родовых объединениях. Еще в кумулятивных песнях коми и удмуртов (и, добавим, карел) отразились следы некоторой внешней культуры, унаследованной с древних времен, и своеобразные следы какой-то коллективной жизни. Важно отметить, однако, что полного, «психологического» параллелизма ни в одном из приведенных выше примеров мы не встречали. Символики в них тоже нет. Отношение к природе в большей части из них созерцательное. Но в каждой песне повествовательность сочетается с элементами лиризма. Лирическую приподнятость придают им, кроме эпитетов оценочного характера (зеленые луга, шелковые травы, степенные лошади, удалые поляницы, бисерный песок и т. д.) и цепочек сравнений, замена описаний последовательных действий описанием впечатлений. В удмуртской песне, например, роса на лугах и обильные всходы на полях вызывают чувство радости у исполнителя:

На наши луга пошел: роса, как нарядные бусы,
На наше ржаное поле пошел: озимая рожь моя,
как зеленый шелк¹.

В удмуртской поэзии большую роль играют, кроме того, звукоподражания, например:

Как мы шли, как мы шли у леса, у леса
Рябчики «чик-чик» пропищали,
Как мы шли, как мы шли у речки, у речки
Рыбы «жуль-жуль» плеснули и т. д.².

Любопытно отметить, что в некоторых песнях возникает «цепевидность», близкая к приему так называемого «ступенчатого сужения образа», одного из главных композиционных приемов русских песен. Так, например, в гостевой удмуртской песне «Пришли мы, сватушка»:

В темный лес пришли и по свету березы вышли.
На луг пришли и по свету реки мы вышли.
В поле пришли и по росе, как нарядные бусы, вышли.
Во двор зашли по медным мосткам.
На брус полно брюк, на столе полно еды.
Подойди, молодушка, бочку с двенадцатью обручами
открыть.
Поедим так поедем, поьем так поьем, по денежке дадим
так дадим³.

Традиционные формы вариационного перечисления, частичного параллелизма в обилии встречаем в свадебных причита-

¹ Архив УДНИИ, инв. № 2, стр. 323.
² Архив УДНИИ, инв. № 36, стр. 38.
³ Архив УДНИИ, инв. № 2, стр. 316.

ниях у коми. Так, например, в одном из них, описывается, как невеста сидит в родительском доме (под крышей, на стуле, у стены, на самом почетном месте). Далее следуют сравнения с природой. При этом подбираются такие сравнения, которые ярче раскрывают психическое состояние девушки, драматизм момента, неопределенность ее будущего, предчувствие грядущего горя. Девушка сидит, как смолистый пень, трудно корчущийся (сир мыр тай меой пукси чуктытом пырысь), как отвердевший (огрубевший) еловый пень, как осиновый пенек, которого еле держат корни, как почерневший пень на подсеке, как нитка, готовая оборваться и т. д.

Подобный композиционный прием используется в лирических песнях, в песнях солдатско-рекрутских, свадебных, гостевых и плясовых. В одной из удмуртских лирических песен описание последовательных действий завершается таким рассказом:

На дорогу вышел по свету огня,
 На поле вышел по свету луны,
 На луг вышел по цветению цветов,
 Из болота вышел по пенью соловьев,
 Из лесу вышел по лесному веселью,
 Надо домой вернуться, но нет ни матери, ни молодицы,
 Надо письмо послать, но нет ни брата, ни сестры¹.

В коми лирической песне «Алая ленточка» рассказывается о потерянных ленточках разного цвета, о платке, платье и, наконец, о милом, потерянной девушкой:

У меня была красная шелковая ленточка,
 Утеряла ее в брусничном бору.
 У меня была алая ленточка,
 Утеряла ее на гари, в землянике.
 У меня была синяя ленточка,
 Утеряла ее в роще среди черники...²

Цепочка параллелей, из которой состоит эта песня, как и некоторые другие песни («Шондїбаной олёмой», «Нывъясой, пö, нывъясой») отлична от так называемого «психологического параллелизма». Сопоставление с природой в ней не имеет значения лирического символа. Коми песни-воспоминания («Шондїбаной олёмой» — «Жизнь, подобная солнцу») — самые распространенные песни в фольклоре коми, записаны в большом количестве вариантов. Однако неизменным во всех вариантах является их построение: композиция их состоит из цепи назывных предложений, в каждом из которых обобщены основ-

ные моменты, характеризующие жизнь молодого человека в противопоставлении старости.

Шондїбаной, олёмой	Жизнь (моя), подобная солнцу,
Том олёмой, том гажой.	Молодая жизнь, молодое веселье,
Том олёмой, том гажой,	Молодая жизнь, молодое веселье,
Том пöра коллялёмой...	Проводы молодой поры.

Эмоциональность этой песни увеличивается, кроме того, еще формулами, повторяющимися несколько раз: «йöктитгырйи тувчёмой да тувчигтырйи йöктёмой» (на рус. язык точно непереводимо, общий смысл: ходьба приплясывая, танцы на ходу).

Итак, сопоставление песен коми и удмуртов позволяет нам говорить о том, что наиболее древним видом песен с устоявшимся текстом были песни кумулятивного, цепевидного характера. О древности их говорит то, что они имели устойчивые тексты еще в тот период, когда коми и удмурты составляли одно племя, или два племени, живших близко по соседству¹. По-видимому, в этот же период вырабатывается форма вариационного перечисления, дальнейшее развитие которой происходит у каждого из народов самостоятельно. В дальнейшем получили распространение только те песни, которые были доведены до большого совершенства, до филигранной отделки. Песенное искусство удмуртов, основой которого были кумулятивность и разновидности вариационного перечисления, придя в соприкосновение с искусством башкир, чувашей, мари, татар, восприняло особенности песенной культуры этих народов, у которых форма строго выдержанного двучленного параллелизма с тенденцией к полному синтаксическому параллелизму всех звеньев строки и чисто лирической композицией психологического сопоставления человека и природы является наиболее излюбленной и господствующей в лирическом песенном жанре. «В результате скрещивания двух различных исторических типов поэтической композиции, в частности двух типов параллелизма, — замечают Гиппиус и Эвальд, — в удмуртском песенном фольклоре развились многочисленные и разнообразные промежуточные типы лирической песенной композиции, соединяющие в себе оба принципа (с преобладанием то одного, то другого)»².

Аналогичную картину мы можем наблюдать и в истории развития коми песенного искусства. Форма вариационного перечисления сохранилась только в северных районах республики. Но ее каноны имели некоторое значение для развития песен-воспоминаний и некоторых лирических песен. Свадебные песни и

¹ Карельские и финские тексты позволяют отнести предположительное время их возникновения еще к более глубокой древности — к периоду финно-Угорской общности.

² Гиппиус и Эвальд. Указ. соч., стр. 71.

¹ Архив УДНИИ, инв. 26, стр. 244; инв. № 2, стр. 84.

² Коми мойдъяс, сьыланкывъяс да пословицаяс. Сыктывкар, 1956 г., стр. 168.

причитания в основном построены на приеме частичного параллелизма. Однако основной репертуар традиционных семейно-бытовых, рекрутских и любовно-лирических песен развивался под влиянием поэтики русских протяжных песен. Под этим влиянием создавались и оригинальные песни («Уна нывъяс», «Доли-шели», «Сускин садйын», «Асья кья» и др.). Большое количество русских песен вошло в репертуар коми певцов в переводах («Казань гора», «Баддьо-баддьо», «Оксинья по краса», «Ветлис-мунис ныв вала», «Мамо мено пиньяло», «Шондйой-мамой» и др.).

Исследователями русского фольклора отмечено, что богатое развитие параллелизма в песне начинается примерно с XVII века¹. Почти полное отсутствие символики в коми песенном искусстве еще раз говорит в пользу позднего происхождения художественного параллелизма в искусстве.

Отсутствие символики в песнях коми объясняется, на наш взгляд, тем, что уже к XVII веку² в репертуар коми певцов проникли русские песни, преимущественно семейно-бытовые и любовные, сильно насыщенные бытовым, социальным содержанием. Художественные параллели в песенном искусстве коми к тому времени еще не успели приобрести значение символов. Показательно, что художественные параллелизмы у коми чаще встречаются именно в тех песнях, которые заимствованы из русского фольклора. Песня «Казань гора», например, изобилует и символами, и полными параллелями, но песня эта возникла, несомненно, под влиянием русских песен, таких, как «Соловей кукушку подговаривал».

Вот почему пейзажу в коми лирических и семейно-бытовых песнях уделяется места весьма немного. Упоминания о лугах, о реке, о заре (утренней или вечерней), о цветах используются только в качестве фона для выражения лирических чувств или определения места тех или иных событий. Если удмуртская песня имеет специфический «пейзажный» характер, коми песня более, чем удмуртская, насыщена бытовым, социальным содержанием. В свадебных причитаниях, правда, пейзаж играет большую роль, но и в них строго выдержанный двучленный параллелизм — явление не очень частое. Прием художественного параллелизма в коми фольклоре широкое распространение получил в жанре частушек, развивавшихся у коми под влиянием русских частушек с конца XIX — начала XX веков.

¹ Русское народное поэтическое творчество, т. 1, АН СССР. М. Л. 1953, стр. 466.

² С XI века коми входили в состав Новгородского княжества, а с XIV века (фактически, с XV века официально) в состав Московского княжества.

Л. Н. ЖЕРЕБЦОВ

К ИЗУЧЕНИЮ КУЛЬТУРЫ И БЫТА ГОРНОЗАВОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КОМИ КРАЯ (II ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX вв.)

Металлургическая промышленность на территории Коми АССР начала развиваться с середины XVIII в. Именно в это время и были основаны 3 чугунолитейных и железоделательных завода в бассейне р. Сысолы: Нювчимский (1756), Кажимский (1755), Нючпасский (1757).

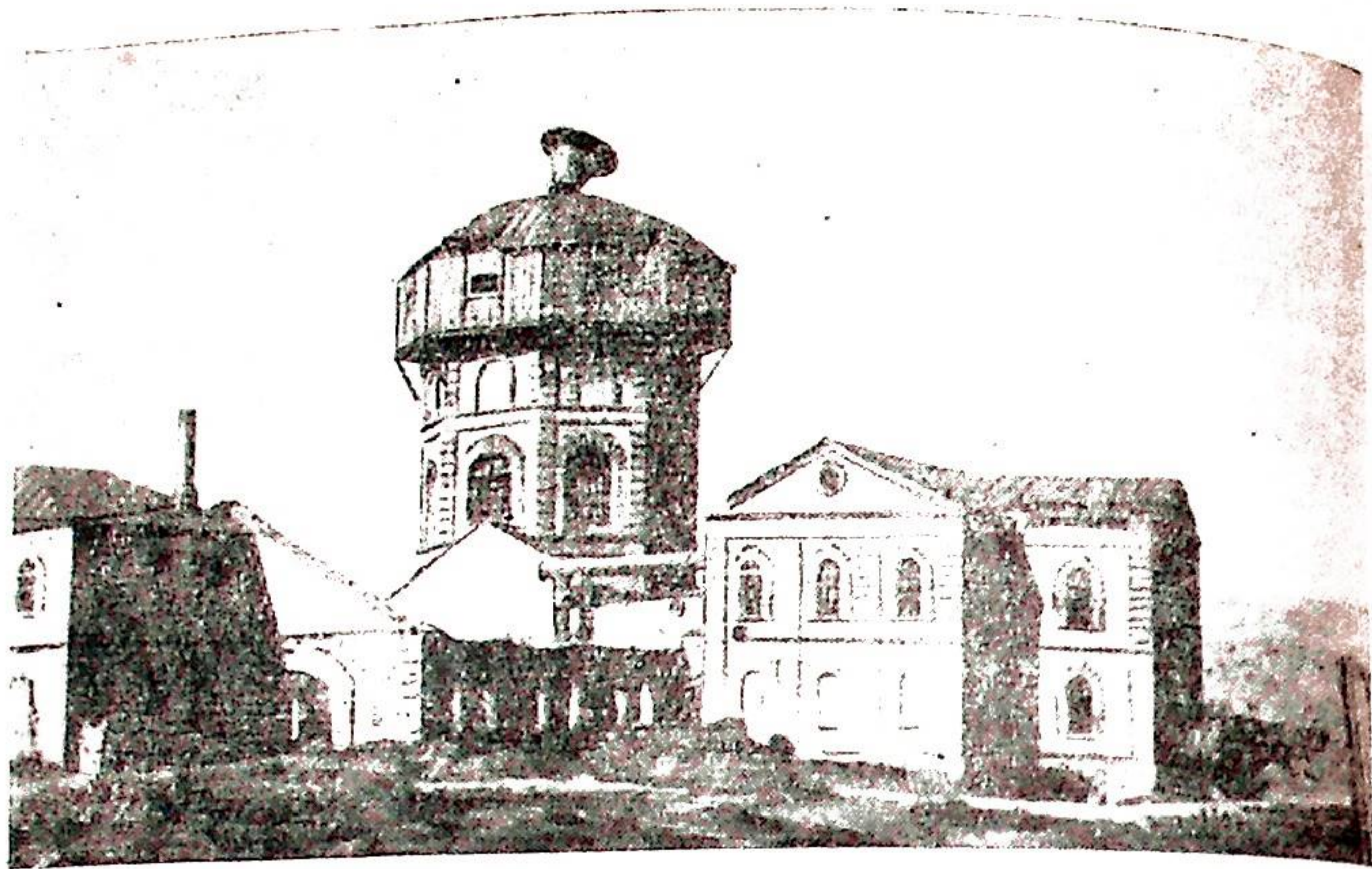
Все три завода работали на болотной руде, добываемой с приписанных к ним рудников.

По условиям природного расположения руд их добыча была возможна только в зимнее время. Вследствие такого сезонного использования рудников заводоладельцам было невыгодно держать постоянных рабочих-рудокопов. Добыча руды была полностью передана государственным крестьянам. Работали на рудниках вильгортские, читовские, койгородские, ужгинские, ибские, небдинские, локчимские, вишерские крестьяне и жители других селений. В зиму 1859—1860 гг. только с Локчима работало 114 человек¹. На руднике представителем заводоладельца оставался один смотритель для руководства и надзора за работой.

С крестьянами на добычу руды заключалось специальное соглашение, по которому они обязывались добыть определенное количество руды, вывезти ее, обжечь и доставить на завод. Работали крестьяне своими инструментами и возили на своих лошадях.

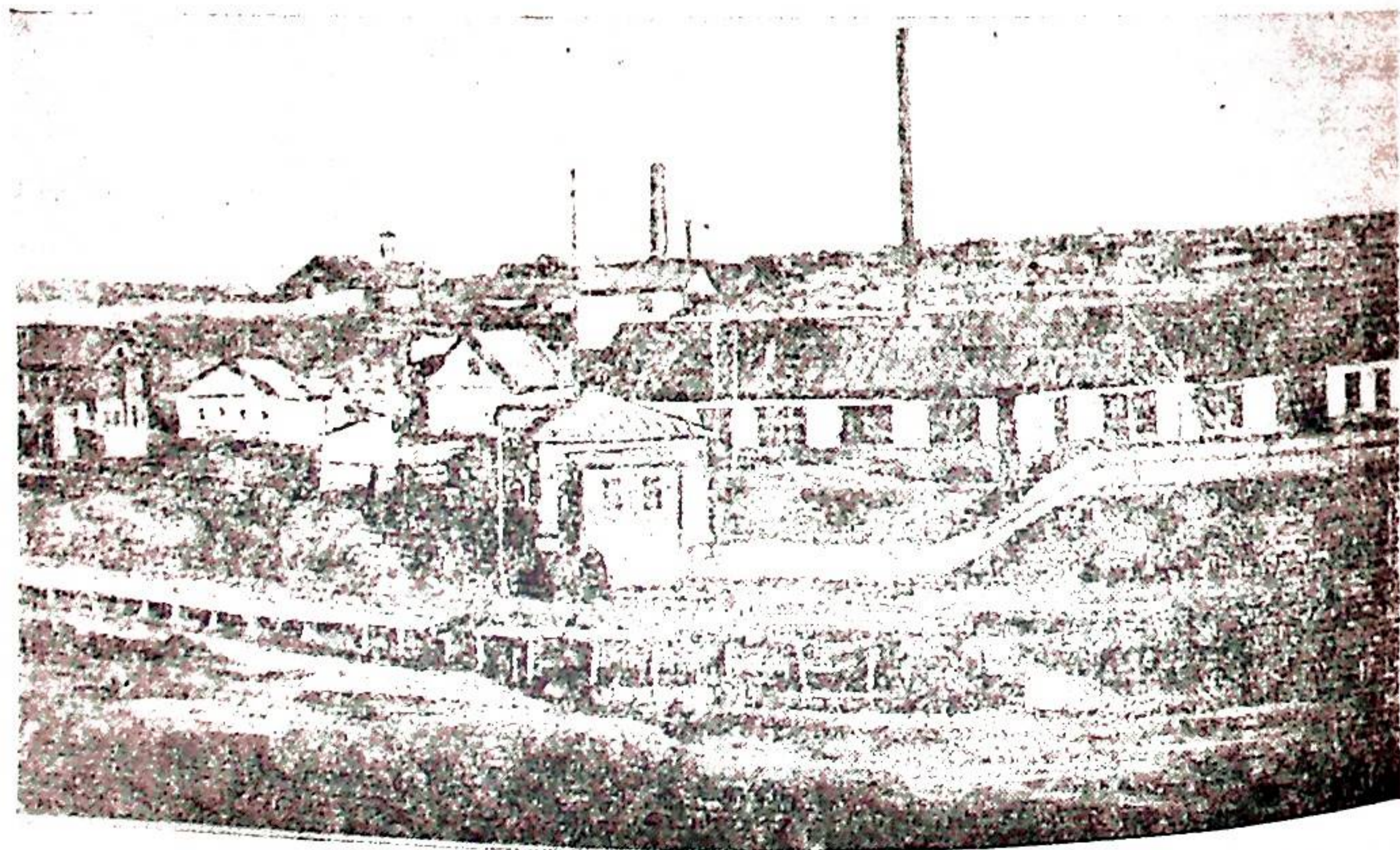
Плавка металла велась на древесном угле, который выжигался на приписанных к заводу лесных дачах. Производством

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 164, оп. 1, д. 69, лл. 1—2, 17—19, 28, 51—55, 68—72, 78.

1. Домна закрытого Кажимского чугунолитейного завода.

угля занимались тоже государственные крестьяне, заключавшие договоры с заводом. Так, например, в 1860 г. рубкою дров и выжиганием угля только для Нювчимского завода были заняты: из Корткеросского общества — 158 чел., из Небдинского — 76 чел., из Прокопьевского — 25 чел., из Пажгинского — 34 чел., из Озелского — 16 чел., из Богородского — 10 чел., из Сретенского — 64 чел. и т. д.¹

2. Нювчимский железодельный завод.

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 164, оп. 1, д. 69, лл. 1—2, 17—19, 28, 51—55, 68—72, 78.

Подсобные работы в заводских цехах также выполнялись окрестными государственными крестьянами, которые обычно стремились поселиться в заводском поселке на постоянное жительство.

На заводах господствовал ручной труд. Техническое оснащение было самым примитивным. Двигателем была сила падающей воды, приводящей в движение водяные колеса. Водохранилищами служили специальные пруды при заводах. Условия труда были чрезвычайно тяжелыми. Рабочий год длился 250 дней. Работали как мастера, так и подсобные работники по 12 часов в сутки. Подсобникам особенно плохо приходилось в осенне-зимнее время, когда их мучили дожди и холода. На условия работы мастеров время года особого влияния не оказывало, так как они работали в помещениях, однако сами цеха-сарай совершенно не соответствовали нормальным условиям труда. Низкие, с маленькими окнами, полные дыма и чада, они были одной из причин быстрого изнашивания организма рабочих. Освещение в цехах не было налажено. Даже в начале XX в. единственным источником света была лучина; керосиновых ламп и тех не имелось. Отсутствие механизмов требовало больших затрат физических сил, поэтому в XIX в., как и в XVIII в., на заводские работы принимались только мужчины. Оплата труда была очень низкой — 10—20 коп. в день¹.

Женский труд на заводах начал применяться с конца XIX в. сначала на подсобных работах (загрузке домны рудой и углем, набивке опок и т. д.), а затем, в 20-х годах XX в., и в литейных цехах. Оценивался женский труд ниже мужского. Так, в начале XX в. поденная плата мужчины была 30 коп. в день, а женщины — только 20 коп.

Условия оплаты труда часто менялись, вводились то сдельщина, то поденщина. В середине XIX в., например, при выплавке 300 пудов чугуна в день мастеру платили 34 коп., подмастерью — 20 коп., угленосам — по 17 коп. и засыпщикам руды — по 9 коп. в день, а при ковке железа (9 криц в неделю на одного мастера, т. е. 72 пуда железа) выплачивали по 7—10 коп. за пуд на всех рабочих цеха в целом вместе с мастером².

Впрочем, фактически до отмены крепостного права и в первые пореформенные годы оплаты труда в денежной форме не было. Заводовладелец выдавал рабочим и их семьям определенную норму хлеба и некоторых других продуктов в счет заработной платы по им самим установленным ценам. В 1858 г. выдавался «провиант (по-видимому, хлеб — Л. Ж.) по 2 пуда на самих

¹ Я. А. Балагуров. Положение горнозаводского населения Кажимских заводов накануне реформы 1861 г. Уч. зап. Карело-фин. универ., т. II, вып. 1, Петрозаводск, 1948.

² Там же.

рабочих и их жен и на детей, судя по их летам с вычетом по 36 коп. за пуд, соли по 2 фунта, крупы по 3 фунта на пуд (хлеба — Л. Ж.). по стоящим заводу ценам, а остальную плату выдают деньгами, а сверх платы пособий никаких нет»¹.

В 1865—1870 гг. кажимские рабочие пытались добиться улучшения условий оплаты их труда. Они потребовали, чтобы плата в месяц была «мастеру — 25 руб. серебром, подмастеру — 24 руб. серебром, работнику — 23 руб. серебром, за поденную — 15 руб. серебром. А при вычете за выдаваемый провиант по 37 ¼ коп. за пуд, выдавать припасы, сукна, холст, обувь и рукавицы по их требованиям, кому сколько будет нужно под заработок, а другим в долг»².

Однако эти требования не были приняты. Управление признало их чрезмерными, невыгодными и разорительными для завода и объявило рабочим, что «оно на требование их не согласна и они как свободные люди могут искать себе лучшего». Но когда 85 человек действительно ушли с завода на поиски новой работы, управление заявило их семьям, что дальше кормить их не будет и сообщило в волостные правления, чтобы они взяли обратно этих крестьян и взыскали с них все, что они должны заводу за провиант, уплату податей и т. д.³.

В XIX в. Кажимские заводы были малоприбыльными. Именно поэтому так быстро менялись владельцы заводов. Характерным для этого времени было хроническое отсутствие денег, заводладельцы годами не расплачивались с рабочими и окрестными крестьянами, причем первым платили еще хуже, чем последним. Рабочие вели полуголодное существование, получая кое-какое продовольствие из заводских лавок в счет невыплаченного заработка. Известно, например, что еще в конце XIX в. низкие нормы ставок и затягивание с оплатой (выдача заработка раз в год считалось явлением вполне нормальным, нередко задерживали расчет по два-три года) приводили к задолженности рабочих заводу, вследствие чего рабочие попадали в полную кабальную зависимость от заводладельца. Выплачивание долгов тянулось десятки лет. Наладчик Лемского рудника В. Осетров жаловался, что у него ряд лет высчитывают еще дедовский долг, «который сбавил не одну сотню моего жалования»⁴.

Кроме мизерной платы, одним из важных источников задолженности рабочих заводу была уплата различных государственных податей, которая являлась обязанностью завода, потому что сами рабочие за неимением денег своевременно

выплачивать их не могли. Заводские конторы весьма охотно брали на себя эту уплату, так как она помогала еще большему закабалению рабочих, которые, будучи опутаны неоплатными долгами, уже не могли покинуть завод, несмотря на невыносимые условия жизни. Формально будучи людьми свободными, они фактически оставались на положении заводских крепостных.

Так, в 1886 г. крестьяне Нювчимского общества (19 душ) платили следующие сборы: «подушный налог 1 р. 73 коп., на увеличение продовольственных средств 5 р. 50 коп., на наем арестантских помещений 4 р. 25 коп., жалованье сельскому старосте 22 р. 60 коп., на содержание волостного правления 36 р. 90 коп., земских сборов 10 руб. 72 коп., страховых платежей 8 р. 34 коп., на постройку здания для правления 20 р. 50 коп., квартирных уряднику 2 р. 05 коп. и прочих расходов по волости 5 руб. 75 коп., всего 118 р. 31 коп.»¹.

Как уже отмечалось выше, Кажимские заводы возникли как посессионные предприятия. В качестве мастеровых на них работали крепостные люди. Поскольку владельцы происходили из купцов, то своих крепостных крестьян они не имели и для работы на заводах покупали людей у помещиков в разных губерниях России. Так, например, в 1800 г. владелец Нювчимского завода купец Грибанов жаловался, что при своем заводе «не имеет для исправления заводских работ крестьян приписных казенных и собственных нисколько»².

Царским правительством было разрешено заводладельцам покупать людей, и уже в том же 1800 г. только на Нювчим было привезено из Костромской и других губерний центральной России 236 человек (работников и членов их семейств)³.

В 1799 г. в Нювчине только мастеровых и рабочих людей насчитывалось 126 человек, а в Кажиме — 140. В последующее столетие количество рабочих на этих предприятиях почти не увеличилось. Временами, в период упадка деятельности заводов, оно даже сокращалось. Так, например, в августе 1861 г. на Нювчимском заводе согласно официальным сведениям имелось всего рабочих и служащих 78 человек.

Не изменилось положение и в первом десятилетии XX в. В 1911 г. на Нювчимском заводе трудилось 106 человек, на Кажимском — 190 человек и на Нючпасском — 50 человек⁴.

Постоянный кадровый состав рабочих складывался главным образом из купленных крепостных. В ревизских сказках крепостных Нювчимского завода в 1857 г. упоминаются следующие фамилии: Забалуевы, Леушины, Воробьевы, Соколовы, Собо-

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 164, оп. 1, д. 201, л. 29.

² Там же, д. 216, лл. 25—27.

³ Там же.

⁴ Я. А. Балагуров. Положение горнозаводского населения Кажимских заводов накануне реформы 1861 г. Уч. зап. Карело-финского университета. т. II, вып. 1, Петрозаводск, 1948.

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 155, оп. 1, д. 8, лл. 36—40.

² Очерки по истории Коми АССР, т. I, Сыктывкар, 1955, стр. 159—160.

³ Там же.

⁴ ЦГА Коми АССР, ф. 155, оп. 1, д. 168, лл. 18, 20, 22.

левы, Ефимовы, Савельевы, Творожниковы, Колесовы, Васильевы, Денисовы, Семечковы, Поповы, Леонтьевы и Пугаевы. Носители этих фамилий и составили коренное население Ньючима.¹ На Кажимском и Ньючасском заводах из крепостных же, кроме уже упомянутых, были также Курдюковы, Мелехины, Перваковы, Супрядкины, Миняевы, Гурьевы, Кувардины, Косаревы, Двоглазовы и некоторые другие.²

Несомненно, что носители этих фамилий были русскими по происхождению; но откуда именно они были привезены на заводы, пока не установлено. Точную картину происхождения фамилий крепостных людей дать трудно ввиду плохого состояния источников.

Несколько легче с историей появления на заводах фамилий, принадлежавших государственным крестьянам, поскольку они, оставаясь приписанными к своим обществам, жили на заводах по паспорту и волостные правления нередко запрашивали о них конторы. Все эти семейства, так же как и вышеупомянутые крепостные, безусловно имеют русское происхождение. Так совершенно точно устанавливается, что Буровы, Серебренниковы, Глазырины, Маракулины, Шуплецовы, Кашины, Осетровы, Кармановы, Атепаловы еще в 1859 г. числились государственными крестьянами Вятской губернии Слободского уезда. Кроме того, упоминаются Комышев из Устюгского уезда Вологодской губернии, Канев из Яренского уезда той же губернии (Ленской волости) и Лебедев из Серегова.

Среди ранних поселенцев коми, постоянно проживающих на заводах, было очень немного. Можно упомянуть Белоголова (с. Иб), Сурнина (Преображенская волость), Шарапова (Визингская волость) и Напалковых (Усть-Куломская волость), которые постоянно жили на заводе уже с середины XIX в.³ К началу XX в. это положение заметно изменилось. Количество постоянных рабочих из коми увеличивается, особенно на Ньючимском заводе, где появляются Надуткины, Оверины, Князевы, Кузьвасевы, Габовы, Рочевы, Корычевы, Вавилины, Бараксановы, Улитины, Елькины, Кузивановы, Сивковы, Сивергины и т. д.⁴ На Кажимском и Ньючасском заводах рабочих — выходцев из коми крестьян — было меньше, но и здесь можно указать, например, Грязных, Тебеньковых, Козловых, Макаровых, Куликовых, Оботуровых, Панюковых и т. д.⁵ Из этих, переселившихся на постоянное жительство на заводы, государственных крестьян сложились сельские общества Ньючима, Кажима и Ньючасса.

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 164, оп. 1, д. 42, лл. 41—53.

² Там же, ф. 162, оп. 1, д. 245, лл. 3—20.

³ Там же, ф. 164, оп. 1, д. 64, л. 6.

⁴ Там же, д. 133, лл. 8—10.

⁵ Там же, ф. 162, оп. 1, д. 345, лл. 3—20.

Кроме постоянно проживающих на заводах, имелось немало временных, приходящих рабочих, в основном из коми же (Коданев, Кузьбожев, Подюков, Дьяконов и т. д.)¹. Затем, как уже указывалось выше, на заводы ежегодно приезжали окрестные крестьяне, большей частью тоже коми, из Койгородской, Ужгинской, Гривенской, Благовещенской и других волостей, доставлявшие руду и уголь. Из русских выжиганием угля и добычей руды занимались крестьяне Маракулинской, Кайгородской и некоторых других волостей Вятской губернии. В 1913 г. на Кажиме работали рудокопами около 60 человек (Исупов, Костылев, Маракулин, Дувакин, Сычугов, Дудин, Чупин, Глухих и др.)². Таким образом, уже с XVIII в. устанавливаются разнообразные связи между заводским русским и окружающим крестьянским коми населением, с одной стороны, и закладываются основы для появления рабочего класса из состава местных жителей, с другой. Последний процесс заметное развитие получил со II половины XIX в. Большую роль в сближении русского заводского и коми крестьянского населения имела совместная работа на заводах. Одинаковый труд стирал национальные различия, способствовал установлению одинаковых условий быта.

Известное значение в сближении этих народов имели также торговый обмен и отхожее ремесло, ибо мастеровые приобретали у окрестных жителей некоторые продукты питания, шерсть, нанимали крестьян-ремесленников валять обувь, шить одежду и т. д.

Наиболее ярким показателем близости двух народов является распространение брачных связей. Правда, они имели несколько одностороннее направление, а, именно, рабочие часто брали жен из окрестных селений, и коми девушки охотно шли замуж за заводских, так как, с одной стороны, жизнь женщины в рабочих семьях была несколько легче, чем в крестьянских, ввиду меньшего объема хозяйства, поскольку у заводских жителей отсутствовало полеводство, и, с другой, — рабочие не требовали большого приданого, что, конечно, весьма привлекало девушек из бедных семей, для которых отсутствие приданого было главным препятствием к выходу замуж за своих односельчан.

Заводские же девушки весьма редко выходили за крестьян и то за более зажиточных. Наиболее тесные брачные связи с окружающим населением сложились у рабочих Ньючимского завода.

Поскольку на заводах господствовал русский язык, то коми женщины в новых семьях усваивали его, хотя в большинстве случаев до конца жизни говорили на нем неправильно. Их дети уже знали только русский язык. В коми семьях, поселившихся

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 162, оп. 1, д. 321, л. 9.

² Там же, д. 345, лл. 22—36.

в качестве рабочих на заводы, со временем не только был совсем забыт коми язык, но, вследствие изменения условий жизни, изменился и весь быт: всё крестьянское постепенно исчезло. В результате всего этого такие семьи стали считать себя русскими и действительно совершенно слились с русскими рабочими, например, Грязных, Тебеньковы, Сурнины и некоторые другие.

Говор заводского русского населения отличается некоторым своеобразием: резкостью произношения, заменой в глаголах конечной «л» на «в» (купив, пришов, ушов) и т. д. По этим и некоторым другим чертам говор кажимских рабочих близок к вологодскому и другим соседним северным русским говорам.

Домашнее хозяйство заводского населения отличалось от крестьянского. Приписанные к заводу крепостные пахотной земли не имели и полеводством не занимались. Только возле домов у них были приусадебные участки, считавшиеся заводской землей. После отмены крепостного права эти участки были отданы рабочим безвозмездно, но они не могли ни закладывать, ни продавать их. Если кто-либо из них выходил из заводского общества и переселялся на новое место, то дом и прочие постройки он мог продать любому заводскому жителю, а земля поступала в распоряжение общества для использования в помощь сиротам, престарелым и т. д.

После отмены крепостного права и введения уставной грамоты вышедшие из крепостной зависимости рабочие в течение двух лет должны были оставаться «на прежнем положении как в отношении плат, работ и службы, так и отпуска провианта. По истечении этого срока все временно обязанные переходят на вольный труд и вступают в добровольные соглашения с заводоуправлением подобно тому, как и прочие оседлые заводские жители»¹.

На приусадебном участке хлеб не высевался. Выращивали различные овощи и картофель, который рабочие высоко ценили и отводили под него основную часть своего огорода.

Государственные крестьяне, поселившиеся при заводах, имели пахотные земли, где сеяли хлеб². Но его было совершенно недостаточно, так что все жители (и сеявшие, и не сеявшие зерновых) вынуждены были покупать его в заводских лавках или в соседних селениях у богатых крестьян (в частности, в Пажге и Гарье).

Ввиду отсутствия полеводства заводское население большое внимание обращало на скотоводство. Скот имелся в каждом хозяйстве, причем почти исключительно крупный рогатый (две, иногда три коровы). Лошадей держали мало, также как и овец (больше их было у государственных крестьян, живших

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 407, оп. 2, д. 875, лл. 4—5.

² Там же, ф. 164, оп. 1, д. 119, лл. 1—12.

около завода). Для корма скота заготавливали сено на расчищенных покосах и лесных полянах. Расчистки производились на заводской даче. Каждый пользовался тем, что мог расчистить.

В условиях крепостного права в период сенокоса рабочие освобождались от работы на 15 дней, в течение которых их семейства получали содержание за счет заработка кормильцев за прошлые месяцы¹.

После отмены крепостного права сенокосные участки также были выделены прежним владельцам по 1 десятине на душу безвозмездно, но поскольку заводовладельцы расчистку полей не запрещали, то сенокосных угодий у заводских жителей было достаточно. Каких-либо норм здесь не соблюдалось (от 1 десятины до 5 десятин). Скот пасли вокруг селения на свободных местах и по редколесью.

Важное значение в хозяйстве рабочих имели охота и рыболовство. Охотились в основном на боровую и водоплавающую птицу. В моменты массового перелета случалось так, что заводы останавливались, так как все мужчины поголовно отправлялись на охоту бить птицу. Подобные случаи были нередки даже в конце XIX в.

Пушного зверя рабочие не промыслили — охота была для них только источником получения продовольствия (мяса). Добыча же пушнины на продажу была не только затруднительна, но и невозможна вследствие их зависимости от заводского производства.

Рыболовство, подобно охоте, служило источником улучшения питания местных жителей. Реки и пруды после 1861 г. были оставлены в совместном пользовании заводовладельца и рабочих, которые отвечали за содержание их в порядке.

Безвозмездно, но по норме отпускался рабочим лес из заводской дачи на топливо и строительство. В случае недостаточности нормы рабочие могли дополнительно прикупать его у заводовладельца. Собственных лесных дач кажимские рабочие не имели.

Домашнее ремесло было слабо развито. Прядением льна и конопли, тканьем холстов и сукманины, валянием сукон и обуви, изготовлением одежды и т. д. рабочие не занимались. Более того, даже материалов домашнего крестьянского изготовления они не употребляли. Все свободное от домашнего хозяйства время женщины занимались плетением кружев, которые продавали и обменивали в уездном городе Усть-Сысольске (теперь Сыктывкар) на необходимые вещи, главным образом на одежду. Для обмена же они заготавливали крахмал, ягоды (чернику) и грибы. Все приготовленное женщины вывозили продавать весной, когда из Кажима на барках везли в Ньючим чугун, а из Ньючима — железо. Именно на этих барках женщины добира-

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 164, оп. 1, д. 201, л. 29.

3. Плетение кружев

лись до Усть-Сысольска и Яренска. У городских мешан нювчимские кружева пользовались большим спросом благодаря прочности и красоте.

Плетение кружев, по мнению старожилов, занесено на заводы из Вологды. Во всяком случае они утверждают, что узоры для работы получили оттуда. Узор наносился на прочную бумагу накалыванием. Наколотая бумага прикреплялась к особой цилиндрической формы подушке. Нитки наматывались на специальные палочки (коклюшки). В зависимости от ширины и сложности узора, а также от характера плетения их число было различное: 20—30—60. Перебирая палочки в определенном порядке, плели узор, а чтобы он не распускался, его в процессе работы крепили к бумаге булавками точно по наколу.

Изготовление глиняной посуды также не было распространено. Лишь отдельные лица делали кринки. Обычно посуду покупали.

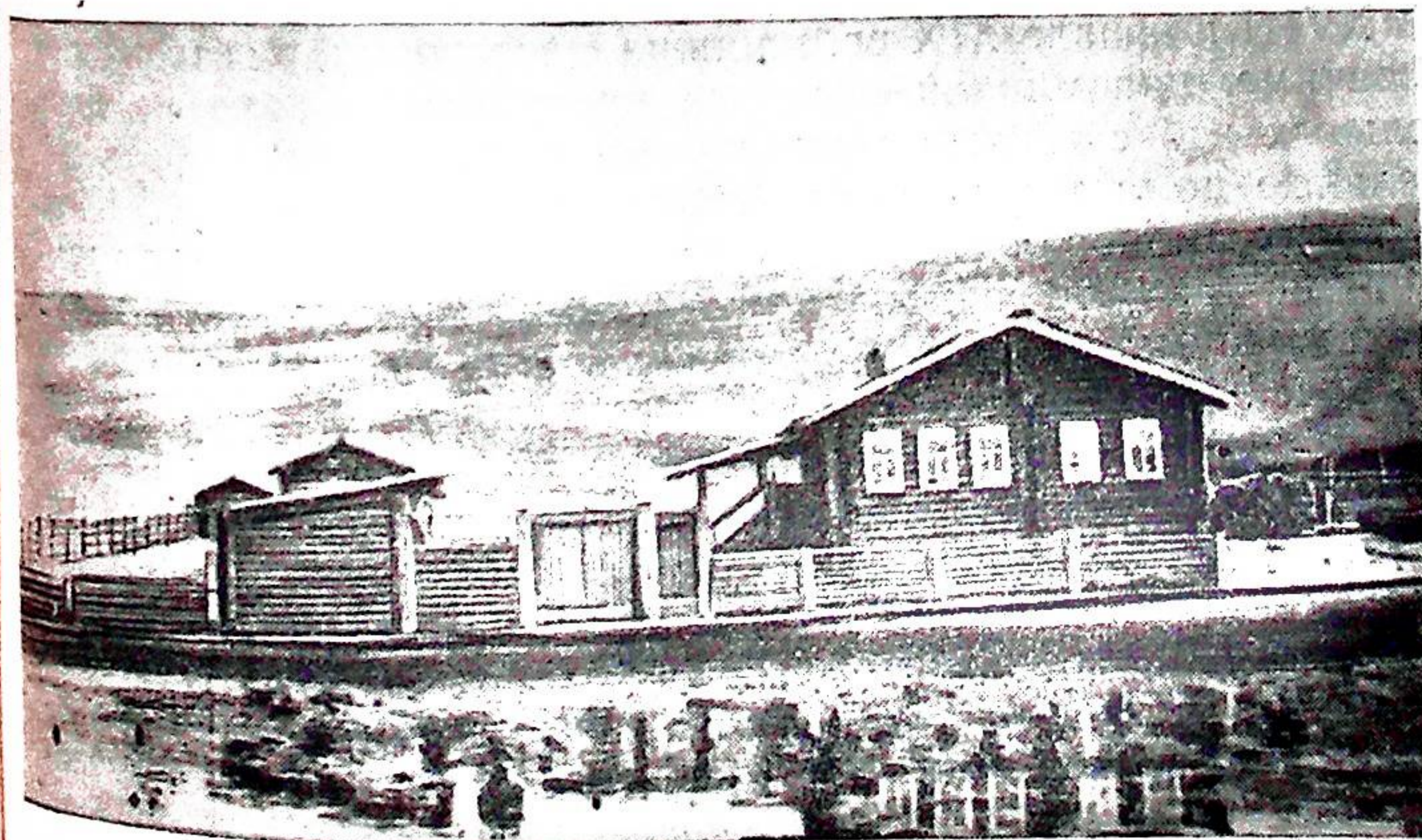
Для домашнего пользования рабочие сами строили лодки как дощатые, так и осиновки. Последние встречались чаще, как более легкие и удобные для плавания по мелководному пруду и малым рекам. Выбранное для изготовления осиновки дерево очищалось от коры и размачивалось в воде (обычно прямо в пруду). Нос и корма отесывались топором. Затем специальным инструментом в виде тесла вырубалась размякшая внутренняя древесина. Борта распаривали, чтобы придать обработанному бревну форму лодки.

4. Поселок Нювчим

Для перевозки тяжелых грузов завод пользовался большими плоскодонными дощатыми барками, которые изготовлялись наемными мастерами на Кажимской пристани. Местные жители таких барок не строили.

Поселения и жилища при заводах отличались заметным своеобразием, по сравнению с соседними крестьянскими. Рабочие поселки еще во второй половине XIX в. застраивались по квартально, по специальному, утвержденному заводоуправлением плану с прямоугольными кварталами и прямыми улицами с двухсторонним расположением домов. Центром поселка была церковь с погостом, помещавшаяся в середине четырех-

5. Тип замкнутого открытого двора

угольной площади. Сам завод располагался ближе к пруду на другом берегу речки. За ним, тоже на берегу пруда, возникло второе заводское поселение — слобода.

Для заводских поселков был характерен тип замкнутого открытого двора. Особенно ярко он выявляется в Кажиме. В Ньючиме, вследствие большого влияния местного крестьянского строительства, он менее заметен. В наиболее типичном случае одна сторона такого двора ограничивается домом, на противоположной располагаются амбары и погреба, а между ними, связывая их (хотя нередко и отдельно), односкатные дровяники; сзади, совсем отдельно от дома — хлев с сараем (впрочем, в Ньючиме нередко строился обычный крестьянский двухъярусный двор).

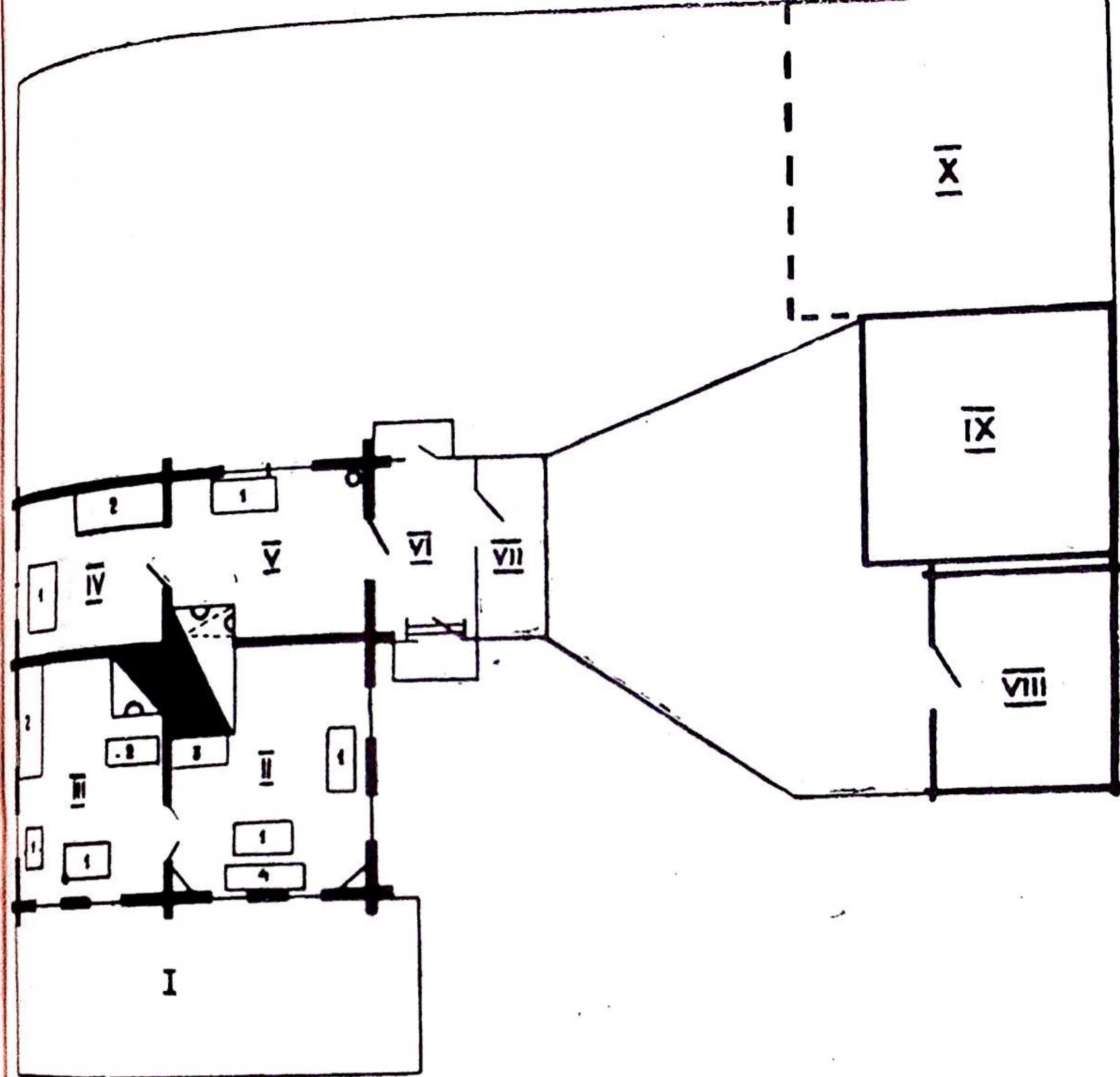
Все строения в единое целое связываются установленным между ними высоким плотным забором из толстых жердей, горбылей или даже тонких бревен. Для возведения такого забора вкапывались толстые столбы с продольными пазами с двух противоположных сторон. В эти пазы вкладывались отесанные концы жердей или бревен, которые плотно пригонялись друг к другу. Ворота, двухстворчатые из толстых плах, и калитка устраивались спереди между домом и амбаром.

Внутри замкнутого открытого двора находился колодец. К двору примыкал приусадебный участок, обрамленный обычной изгородью из жердей. В одном из углов его всегда находилась черная баня. Для украшения перед домом в палисадниках выращивали черемуху, рябину и березу. На домах, исключая таких как правление, больница, дома церковнослужителей и т. д., украшенных резными наличниками, никаких украшений, кроме окраски косяков и рам белилами, не встречалось.

В XVIII и начале XIX вв. жилища мастеровых, в особенности в Ньючиме, напоминали обычные крестьянские дома из двух отдельных изб с сенями между ними и со входом с фасада¹. Отдельные дома такого типа встречались еще в конце XIX в. Именно их выбирала молодежь для устройства посиделок в зимнее время, так как, собираясь в отдельной избе, она не мешала хозяевам шумом, песнями и плясками, да и само помещение было более просторным.

Со II четверти XIX в. жилые постройки заводского населения стали резко изменяться, приближаясь по типу к городским. Возможно, в этом деле играло роль как влияние города, так и воздействие заводского начальства, требовавшего строить соответственно указанным планам. Не исключено, конечно, и влияние типов жилищ тех районов, откуда были родом пришлые рабочие, в частности, Вятской и особенно Пермской губер-

¹ Л. Н. Жеребцов. Опыт изучения крестьянского жилища народа коми. Истор.-филолог. сборник, вып. 3, Сыктывкар, 1955.

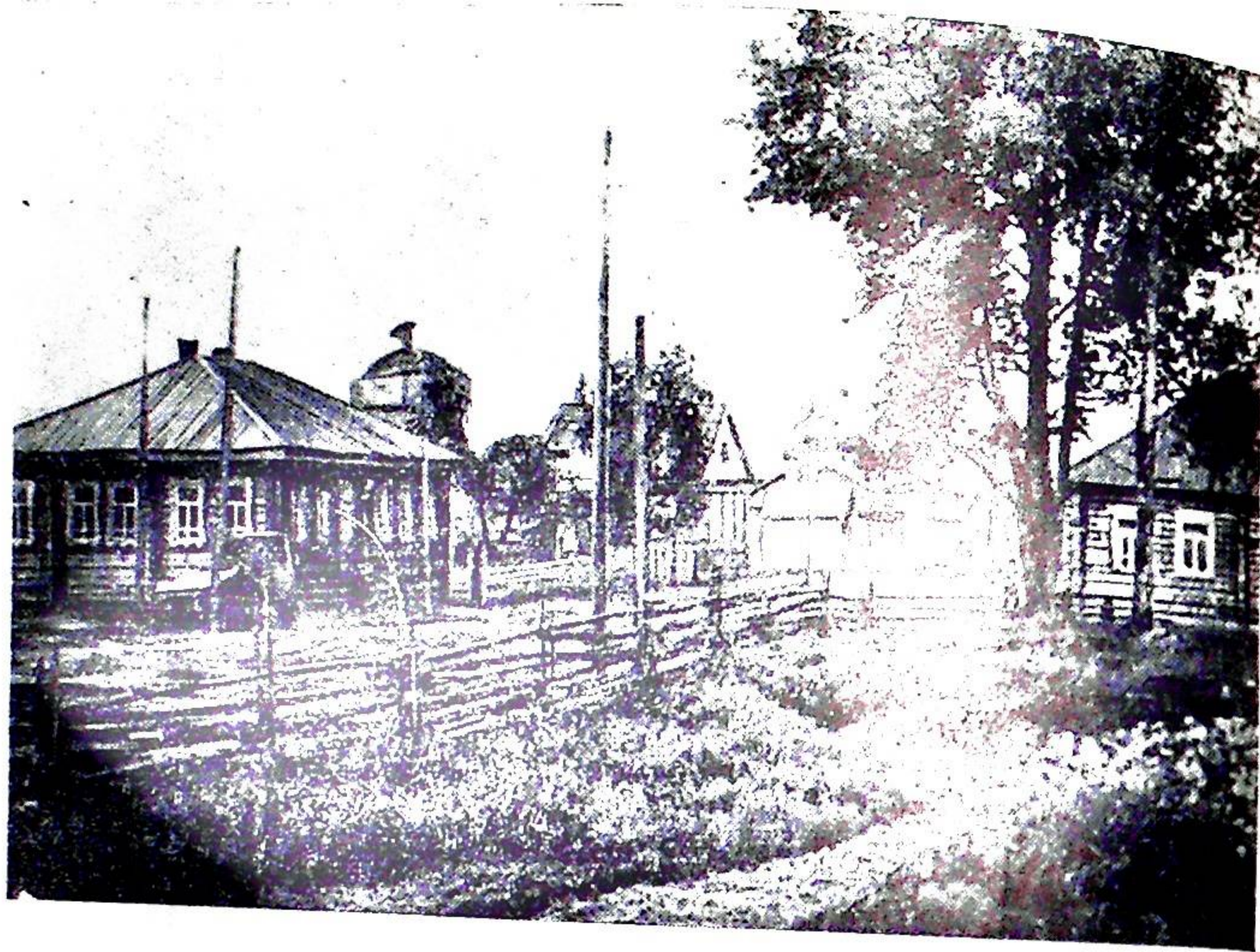

6. План типичного жилища: I — палисадник, II, III, IV — комнаты, V — кухня, VI — сени, VII — чулан, VIII — амбар, IX — дровяник, X — место хлева; 1 — стол, 2 — кровать, 3 — буфет, 4 — диван.

нии (скорее всего оттуда попала на заводы и форма открытого замкнутого двора).

С середины XIX в. характерным для заводского строительства стал круглый дом под шатровой высокой крышей на четыре крутых ската. Сруб его имел форму шестистенка-крестовика. Для жилья использовались или все четыре помещения, или одно из них служило в качестве сеней. Во всех случаях снаружи имелась небольшая пристройка в виде закрытого рубленого крыльца. В первом случае она заменяла сени и была чуть побольше. В ней даже устраивались один-два чуланчика.

Строились рабочие в местах, указанных конторой согласно утвержденного плана застройки. Начинали возводить дом вскоре после женитьбы, ибо большими неразделенными семьями на заводе не жили. Своих средств у молодых, конечно, не хватало и им всемерно помогали родители.

7. Тип жилого дома поселка Кажим.

Сруб вначале рубили без мха и, лишь подготовив его, устраивали помочи, на которые созывались родственники уже для подъема сруба с моховой прокладкой.

В 60 годах XIX в., по имеющимся данным, в заводских поселках почти одинаково были распространены дома, имевшие как одну, так и две-три комнаты. В 1861 г. в Нювчиме из 37 жилищ 17 состояли из кухни и двух комнат, 10 — из кухни и одной комнаты и 10 — из кухни и трех комнат¹. Отапливались они русскими и голландскими печами.

В жилищах, сохранивших более старый тип, в кухне над входной дверью имелись полати, а в красном углу — пристенные лавки. Печь сохраняла свое традиционное положение: в углу у двери по диагонали от переднего угла. В новых — полати и лавки исчезли и даже русская печь изменила свое положение: с целью обогрева одной печью двух помещений (кухни и комнаты) ее сквозь прорезанную стену наполовину вдвигали в комнату. Твердой планировки при этом не имелось. Голландка всегда стояла в глухом углу (нередко она также была одна на два помещения), а на остальном пространстве располагались кровать, шкаф и ближе к окнам стол, жесткий диван и стулья.

Очевидно, такая внутренняя обстановка была заимствована у мелких городских, в частности устьсыольских мещан, несколько семей которых в XIX в. постоянно проживало на заво-

дах, да и заводская администрация тоже стремилась устраивать жилища городского типа.

Оттуда же воспринимались и типы одежды. По утверждениям старожилов, заводское население никогда не носило сарафанов, шушунов, сос, дубасов, дукесов и подобных им крестьянских одеяний. Самотканых материй они также не признавали, вся одежда шилась из фабричных тканей. Наибольшее распространение имел ситец. Женщины носили в качестве нательного белья рубаху без рукавов. Домашней одеждой служили кофта и юбка. Юбки шились длинные и пышные со сборками из 5—6 полос материи. В праздники поверх них надевался еще расшитый фартук. Мужская одежда состояла из обычного белья, рубахи-косоворотки на выпуск, подпоясанной кушаком, брюк, заправленных в сапоги, и пиджака.

Верхняя одежда также не была разнообразной. Овчина была редкостью. В Кажиме шили суконные пальто и шубы простого прямого покроя. Нювчимцы, жившие ближе к породе, стремились покупать верхнюю одежду готовой; поскольку средства не позволяли приобретать новое, женщины, приезжая в Усть-Сысольск, обменивали кружева и прочий свой товар на поношенные вещи. На работу как мужчины, так и женщины надевали суконное полупальто (гунюшко).

Забота об обеспечении семьи одеждой ложилась на плечи хозяйки, ибо заработка мужа хватало только на питание семьи.

Специальных головных уборов не имелось. Девушки заплетали волосы в одну или две косы и носили их спущенными вдоль спины. Женщины обязаны были обвертывать косы вокруг головы. Поскольку ходить с непокрытой головой считалось неприличным, то и девушки, и женщины надевали платки и даже мужчины на улицу выходили всегда в картузах и шляпах.

Хуже было с обувью. Женщины носили кожаные с суконной опушкой коты (по местному котики), шерстяные, своей вязки, чулки (белые или черные, без всяких узоров), подвязанные под коленом (колени и бедра в морозы обвертывали старыми платками).

В документах Нювчимской заводской конторы от 1855 г. встречаются сведения о приобретении заводом для работников лаптей¹, очевидно, служивших обувью рабочих горячих цехов. Обычно же мужчины, видимо, тоже носили коты или сапоги. В зимнее время ходили в валенках, но, поскольку своих овец почти не было, обеспечить семью хорошей зимней обувью было трудно. Старожилы рассказывают, что для нювчимца были характерны старые валенки при наличии неплохого пальто.

Пища изготовлялась из тех же продуктов, что и крестьянская: молока, мяса и рыбы. Большое внимание уделялось сбору

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 164, оп. 1, д. 76, лл. 19, 47—58.

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 164, оп. 1, д. 28, л. 9.

и заготовке грибов и ягод, часть которых, как упоминалось выше, шла на продажу. Выращивались на огороде и разные овощи. Все это позволяло приготовить более разнообразные блюда, по сравнению с традиционным крестьянским меню. Обычными были различные супы, жаркое, винегреты, окрошки, каши и т. д. Хлеб пекли караваем на поду. В праздники стряпали шаньги, калачи, пироги и т. д.

Из напитков любимым был чай и пили его по несколько раз в день. Все семьи стремились иметь самовары. Даже в цехах имелись громадные самовары и специально назначенная женщина следила за тем, чтобы они к перерыву были горячими. Кроме того, летом готовили квас, а на праздники хмельное солодовое пиво. Пищу подавали на стол в общей чашке, из которой хлебала вся семья.

Общественный и семейный быт заводских рабочих, как и их материальная культура, отличались от соседних крестьянских. В заводских поселках жизнь была более коллективной, так как рабочих сближал совместный труд в цехах. Рабочие отличались большей, чем крестьяне, сознательностью и понимали силу и значение объединения. Различные общественные мероприятия — маевки, демонстрации и т. п. охватывали весь коллектив рабочих.

Родственные связи в поселке играли меньшую роль, чем в деревнях, поскольку здесь жили люди, прибывшие из различных мест, и население постоянно пополнялось прибывающими вновь.

В конце XIX в. большими семьями рабочие, как упоминалось выше, не жили. Женясь, сыновья строили отдельный дом и начинали самостоятельную жизнь. Ни большого приданого, ни значительного хозяйства родители, за исключением его, не выделяли.

Обычно девушка-невеста заблаговременно готовила самые необходимые предметы обихода, белье и одежду. Именно для этого она плела кружева, заготавливала крахмал, грибы и ягоды, которые и продавала. Других источников дохода у заводских девушек не было.

Знакомства молодежи происходили на гулянках и посиделках. Летом молодежь собиралась на круг посреди поселка, где пели и плясали под гармонь (других музыкальных инструментов не было). Наиболее старыми танцами были «тройка» и «восьмёрка» (по фигурам они напоминали кадрили, но были более примитивными), а в конце XIX в. появились «кадриль» и «русская».

Зимой, особенно на святках, устраивались посиделки. Для этого девушки снимали помещение, стараясь найти отдельную комнату (предпочитали двухэтажные дома). Здесь они собирались со своим обычным занятием — плетением кружев. Когда приходили парни, начинались песни и танцы. Пели соло и хо-

ром. Но особенно любили петь попарно, прогуливаясь по комнате. Спев песню, пара целовалась и садилась на свое место, а вместо нее поднималась следующая. Парни не возражали против работы девушек, но старались завладеть или местом девушки, или ее плетением. Выкупом захваченного служил поцелуй. По окончании вечеринки парни провожали своих девушек по домам и расходились. Добрые связи случались, но обычно осуждались обществом.

На масленицу парни делали ледяную горку и катали девушек. Вокруг собирались дети и женщины и, не принимая участия в весельи, наблюдали за молодежью.

Свадьбы устраивались в любое время года. Обычно парни и девушки о браке договаривались сами, хотя нередко были случаи женитьбы по воле родителей. Сватать ходили мать и крестная жениха. Обряд свадьбы был обычный: смотрины, сговор, девичник, мытье в бане, непременно плачи (даже если невеста по собственному желанию выходила за своего друга), венчание в церкви, пир у жениха и невесты, катание по поселку на тройке лошадей и т. д. Некоторое различие было в длительности празднества. В Кожиме обычным было трехдневное торжество: рукобитье и пир у невесты в первый день, венчание и пир у жениха на второй и на третий — к теще на блины. В Нювчине пирование длилось по неделе: пир у невесты с меньшим кругом гостей, венчание и пир у жениха с участием всех родных и знакомых, опохмелка и снова пир у невесты, опохмелка и новый пир у жениха, хождение к теще на блины и т. д.

Развлечения молодежи во время свадьбы нередко приносили немалый убыток хозяевам, так как не было ничего необычного в том, чтобы разобрать изгородь и разбросать по поселку, снять крышу с бани, рассыпать каменку и утащить котел далеко в сторону и т. д.

На свадебные расходы завод выдавал аванс, который иногда приходилось отрабатывать целый год. Женящемуся рабочему на содержание жены к заработку добавлялось 5 копеек.

До отмены крепостного права все стороны быта рабочих, и не только общественного, но и семейного, были в ведении заводских контор. Своя полиция из крепостных же, обычно во главе с исправником, следила за порядком и особенно за соблюдением религиозного культа. Основным наказанием за проступки были розги и плети, а в серьезных случаях — отдача в рекруты.

От заводской конторы зависело вступление рабочих в брак. Так, например, в одном из документов Нювчимской конторы записано, что мастеровому Силину «жениться на вольной девке разрешается только в уважение долговременной службы отца его»¹.

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 164, оп. I, д. 7, л. 8.

Контора имела даже право заставлять крепостных жениться или выходить замуж. Молодой вдове Д. Анисимовой было объявлено, что провиант ей будут выдавать «по общественному расчислению для одинокой женщины впредь до замужества, от которого по молодости своей она не должна уклоняться...»¹

После отмены крепостного права семейно-брачные дела были изъяты из ведения конторы.

По существовавшим законам забота о престарелых рабочих, а также о потерявших трудоспособность от несчастного случая на производстве должна была осуществляться заводом. Однако владельцы и управляющие всячески старались от этого уклониться и лишь в крайнем случае выделяли какую-нибудь мизерную помощь. Крепостной П. Акинфиевой «по преклонным летам и беспомощному состоянию» было решено выдавать ежемесячное пособие: крупы по три фунта и соли по два фунта², а откуда старуха получит хлеб, контору не интересовало.

Особенно плохо было с медицинским обслуживанием. В середине XIX в. на все три завода был один госпиталь на 3 койки, находившийся в Кажиме. В нем работали врач и фельдшер. В Нючпасе не было никого, а в Нювчиме имелся лекарский ученик, который работал писцом в конторе и лишь в свободное время обязан был оказывать больным медицинскую помощь. Лекарства, назначенные им, были чрезвычайно просты: спирт, скипидар, сера горючая и масло коровье³. В последующие годы положение улучшилось, но весьма незначительно.

Не было налажено и народное образование. Правда, еще в середине XIX в. на Кажимском и Нювчимском заводах были открыты заводские школы, но обучение в них велось из рук вон плохо. В 1859 г. управляющий Миллер писал, что «обучение к чтению самое жалкое, мальчики разбирают весьма плохо даже затверженное на память»⁴.

Школы размещались на частных квартирах. Преподавателями были местные церковнослужители: священники, пономари и т. д. Училось всего до 20—30 мальчиков, девочки вообще не учились. Школьное имущество было чрезвычайно бедно. Так, в одной из описей указывалось: «азбук — 26 и все 26 негодные, арифметик — 5, книг разных — 3 и из них 3 изорваны, столов со скамейками 5 штук»⁵. Библиотек не было.

Таково было состояние культуры и быта горнозаводского населения Коми АССР в предреволюционное время.

¹ ЦГА Коми АССР, ф. 164, оп. 1, д. 7, л. 8.

² Я. А. Балагуров. Указ. соч.

³ ЦГА Коми АССР, ф. 164, оп. 1, д. 73, л. 42.

⁴ Там же, д. 205, л. 17.

⁵ Я. А. Балагуров. Указ. соч.

Г. М. БУРОВ

НОВЫЕ СТОЯНКИ В ДОЛИНЕ р. ВЫЧЕГДЫ

В западной, нижней половине огромного бассейна р. Вычегды долгое время достоверно были известны лишь четыре стоянки с кремневым инвентарем. Что касается восточной части бассейна, то ни об одном поселении указанного района не имелось точных сведений. В этой связи весьма интересны 15 стоянок, обнаруженных в 1957 г. археологическим отрядом Коми филиала АН СССР при обследовании долины р. Вычегды выше г. Сыктывкара на протяжении около 500 км.

Исходя из типологического анализа материала, открытые памятники можно разделить на три хронологические группы. К первой группе относятся семь древнейших стоянок, инвентарь которых состоит главным образом из мелких ножевидных пластинок и поделок из них (Курьядор, Пезмог, Нидзь II, Ульяново, Пожег, Ягкодж III, Кузьвомын — нижний слой)¹.

На стоянках второй группы использовались исключительно легкие отщепы, подвергавшиеся тонкой обработке (Нидзь I, Керчемья, Чуддинты I², Чуддинты II, Ягкодж I), или преимущественно отщепы (Пожегдин).

Памятники третьей группы (Кузьвомын — верхний слой, Ягкоджты, Ягкодж II) дали массивные скребки грубой выделки, а также много керамики и кусков обожженных галек. Такой материал не встречен на стоянках предыдущих групп. Поселения третьей группы относятся к железному веку³.

¹ Г. М. Буров. Стоянки с микролитическим инвентарем на р. Вычегде. «Советская археология», 1961, № 1.

² Г. М. Буров. Из результатов археологической разведки 1957 г. на верхней Вычегде. Историко-филологический сборник, вып. 5, Сыктывкар, 1960, стр. 99—102.

³ Г. М. Буров. Двуслойная стоянка в урочище Кузьвомын на верхней Вычегде. Изв. Коми филиала ВГО, вып. 5, Сыктывкар, 1959; его же. Из результатов археологической разведки 1957 г. на верхней Вычегде. стр. 102—118.

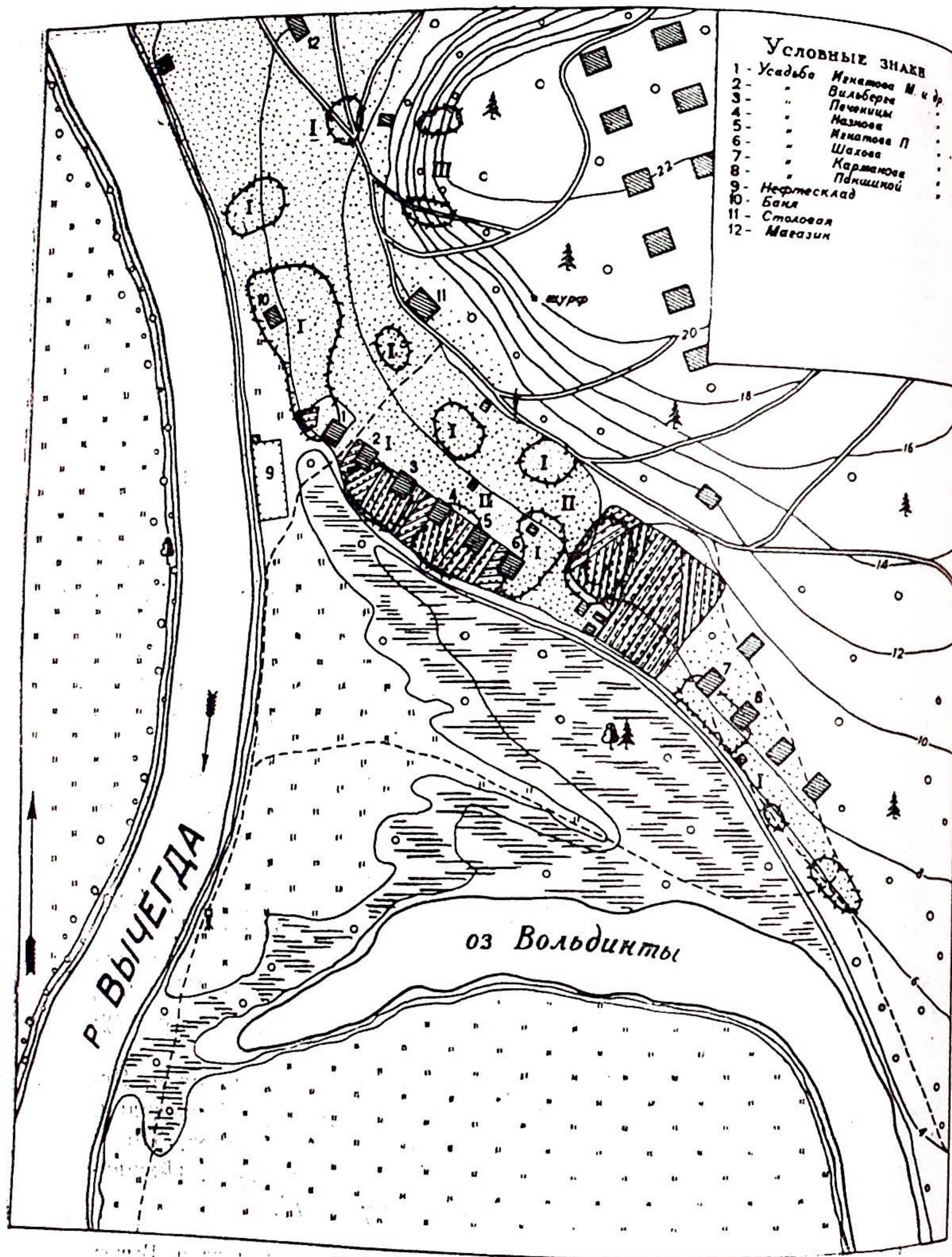

Рис. 1. Схема расположения стоянок в пос. Ягкодж¹.

Цифры обозначают местонахождения подъемного материала стоянок Ягкодж I (I), Ягкодж II (II) и Ягкодж III (III).

¹ На рис. 1 и 5 линией с поперечными штрихами обозначены границы распространения подъемного материала. Черной краской показаны места шурфов.

Данная публикация посвящена трем стоянкам второй группы, две из которых (Ягкодж I и Пожегдин) находятся в верховьях р. Вычегды, в пределах Помоздинского района Коми АССР, а одна (Нидзь I) — на средней Вычегде, в Корткеросском районе.

1. Стоянка Ягкодж I. Пос. Ягкодж, Вольдинского сельсовета, расположен в основном на песчаной I надпойменной террасе левого берега р. Вычегды, высотой у уступа 6—8 м над урезом воды в межень. Терраса возле нефтесклада удаляется от реки и в 600 м к юго-востоку сближается со старицей Вольдинты (рис. 1). Гипсометрически выше бортовой террасы расположена II надпойменная терраса, круто спускающаяся к первой, в 100—130 м от ее уступа.

На участке I надпойменной террасы с разрушенной почвой от места выше нефтесклада до озера обнаружены скопления подъемного материала двух типов, различающиеся по характеру кремневого инвентаря, а также наличием на одних из них большого количества керамики и кусков обожженных галек, при отсутствии таких предметов на других. Эти местонахождения следует считать двумя памятниками, первый из которых, меньший по площади (Ягкодж II), входит в группу самых поздних поселений с кремневым инвентарем, а второй (Ягкодж I) аналогичен стоянкам Пожегдин и Нидзь I. Так как в отдельных пунктах могли быть собраны перемешанные культурные остатки, данное деление в какой-то степени является условным. Материал стоянки Ягкодж I происходит в основном с 10 местонахождений площадью по 800—4000 кв. м, главные из которых расположены у уступа террасы, остальные — на расстоянии 70—100 м от него.

С этой стоянкой, вероятно, связана кремневая мастерская, обнаруженная на краю II надпойменной террасы, в 200 м к северо-востоку от нефтесклада. Здесь при шурфовке выявлено скопление кремня, залегавшего округлой линзой (диаметром 0,5 м) в гумусовом горизонте, в белом песке элювиального горизонта и в буроватом иллювии, достигая глубины 0,15 м. В числе находок: скребок (рис. 2, фиг. 3), обломок незаконченного ножа или копья (рис. 4, фиг. 17), 220 отщепов (у некоторых край притуплен мелкой ретушью) и 850 мельчайших отщепов.

Надо также отметить, что в 500 м выше нефтесклада, на северной окраине поселка обнаружено еще одно местонахождение, где собрано несколько характерных кремней.

Большое количество культурных остатков, встречающихся скоплениями на значительной площади, свидетельствует, по-видимому, о том, что человек на стоянке Ягкодж I обитал неоднократно.

Всего в коллекции с I Ягкоджской стоянки имеется свыше 3100 кремней, как и в Пожегдине и Нидзи I, преимущественно

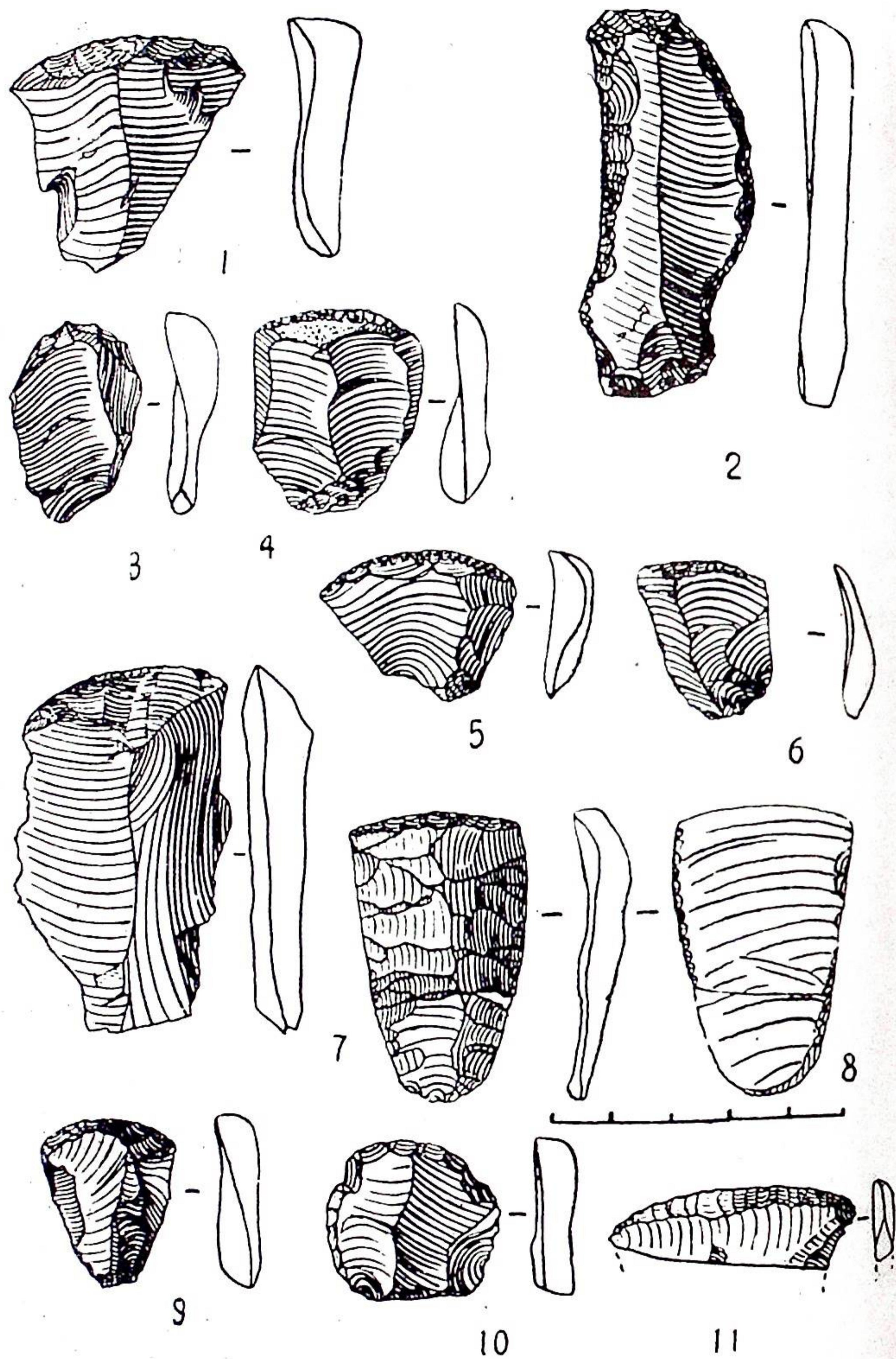

Рис. 2. Кремневые скребки со стоянки Ягкодж I.

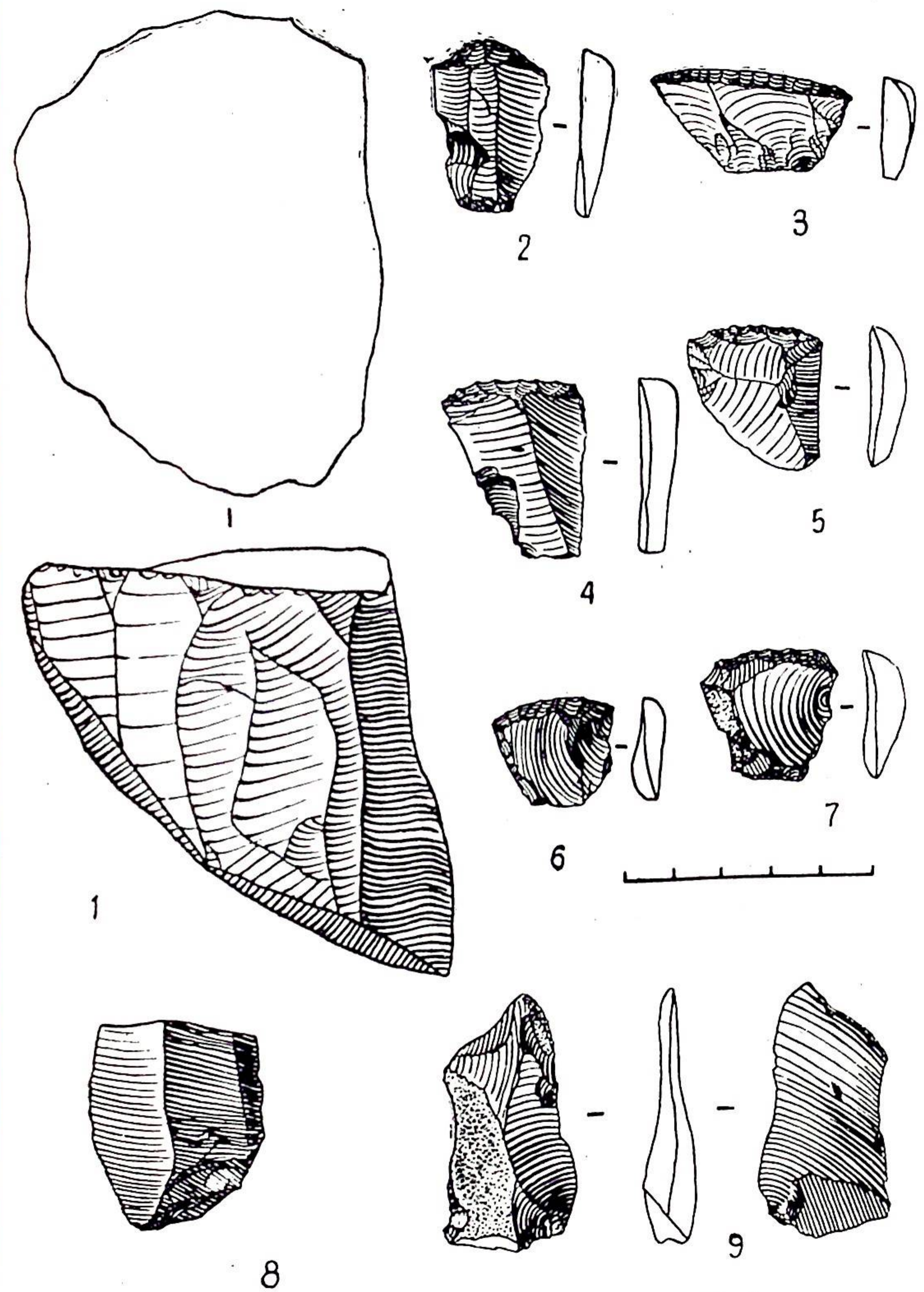

Рис. 3. Кремневые изделия со стоянки Ягкодж I.
 1 — нуклеус для снятия отщепов; 2—7 — скребки; 8 — обломок ножевидной пластины; 9 — отщеп с притупленными краями.

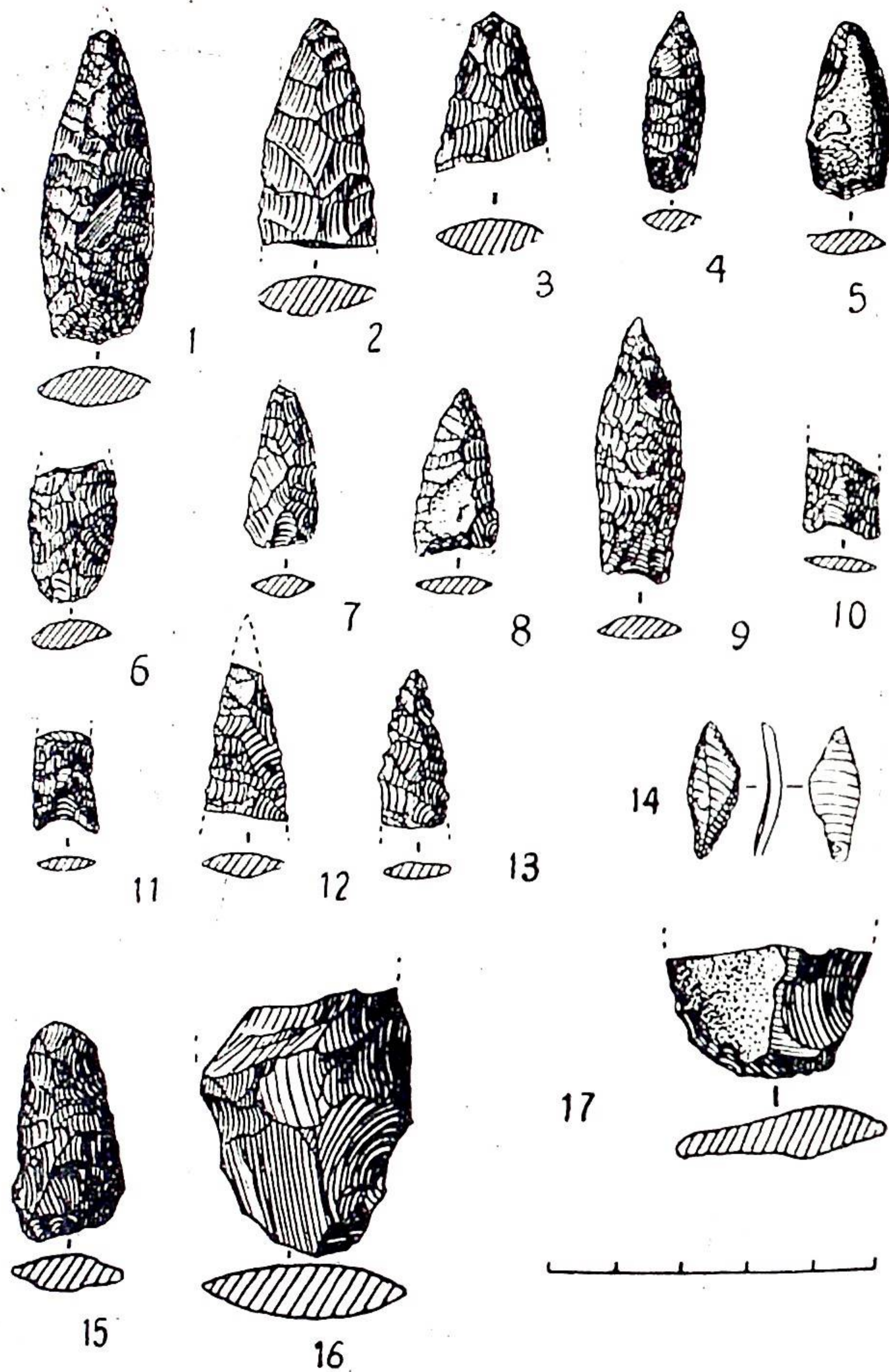

Рис. 4. Кремневые изделия со стоянки Ягкодж I.

1, 4—13 — наконечники стрел; 2, 3 — фрагменты наконечников или ножей; 14 — сверло; 15—17 — заготовки изделий с плоской ретушью.

светло-серой, серой и темно-серой окраски. В их числе более 200 кремней со вторичной обработкой: 30 скребков, сверло, более 140 отщепов с притупленным мелкой ретушью краем (рис. 3, фиг. 9), 12 незаконченных поделок с плоской ретушью, 13 наконечников стрел, два сломанных наконечника или ножа (рис. 4, фиг. 2, 3); 550 неиспользованных, преимущественно

тонких отщепов, четыре нуклеуса для снятия отщепов, 110 аморфных кусков, более 2230 мельчайших отщепов и четыре ножевидные пластины.

Скребки, составляющие серию из 31 экземпляра, отличаются тонкостью выделки (рис. 2, фиг. 1—11, рис. 3, фиг. 2—7). Большинство их — на небольших (2,5—3,5 см в поперечнике), легких, изредка ребристых отщепах, обработанных ретушью с узкими правильными фасетками. Ретушь крутая, высокая, нанесена со спинки, чаще всего на расширенном крае отщепа, противоположном отбивному бугорку. Рабочий край дуговидный, как правило, слегка выпуклый, образующий с боковыми краями острые или прямые углы (рис. 2, фиг. 1, 4—9, 11, рис. 3, фиг. 2—7); изредка он округлый (рис. 2, фиг. 3, 10).

У двух скребков имеется по два рабочих края, образующих между собой острый угол (рис. 3, фиг. 5, 6). Другое орудие, на удлиненном (6,5 см) трехгранном отщепах — серповидной формы; ретушь с отчетливыми фасетками, нанесенная на конце, переходит в более мелкую ретушь на краях (рис. 2, фиг. 2). Оно могло выполнять роль скребка и скобеля.

У одного из скребков выпуклая спинка сплошь обработана плоской ретушью, а на боковых краях со стороны брюшка прослеживается притупленность (рис. 2, фиг. 8). Аналогичные скребки найдены на Ванвиздинской стоянке, близ устья р. Выми¹. Они встречаются также на поселениях Каргопольского района и Печорского края². Очевидно, у этих орудий применялись и боковые края, причем в данном случае изделия могли выполнять роль ножей.

Шесть скребков отличаются от остальных значительно меньшими размерами, особенно малой толщиной, и более мелкой ретушью (рис. 2, фиг. 6).

На стоянке найдена миниатюрная (длиной 2,2 см) ромбовидная поделка, края которой покрыты непрерывной крутой ретушью (рис. 4, фиг. 4); один конец заполирован и как будто несет следы вращательного движения. По-видимому, находка представляет собой сверло, употреблявшееся с рукояткой.

В Ягкодже I собрана серия поделок (целых и в обломках), имеющих двустороннюю плоскую ретушь. Они линзовидные в разрезе. Часть этих кремней является заготовками наконечников стрел (рис. 4, фиг. 15); в других, более крупных можно видеть фрагменты незаконченных ножей и наконечников копий (рис. 4, фиг. 16, 17).

Все наконечники стрел сплошь покрыты плоской ретушью. В их числе имеется шесть целых экземпляров, из которых один, широкий с усеченным основанием, довольно крупных размеров:

¹ Сборы А. С. Сидорова в 1921 г. и раскопки А. П. Смирнова в 1925 г. Материал хранится в Коми республиканском краеведческом музее.

² М. Е. Фосс. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА, № 29, М., 1952, рис. 62, фиг. 13, рис. 76, фиг. 9.

Рис. 5. Схема расположения стоянки в д. Пожегдин.

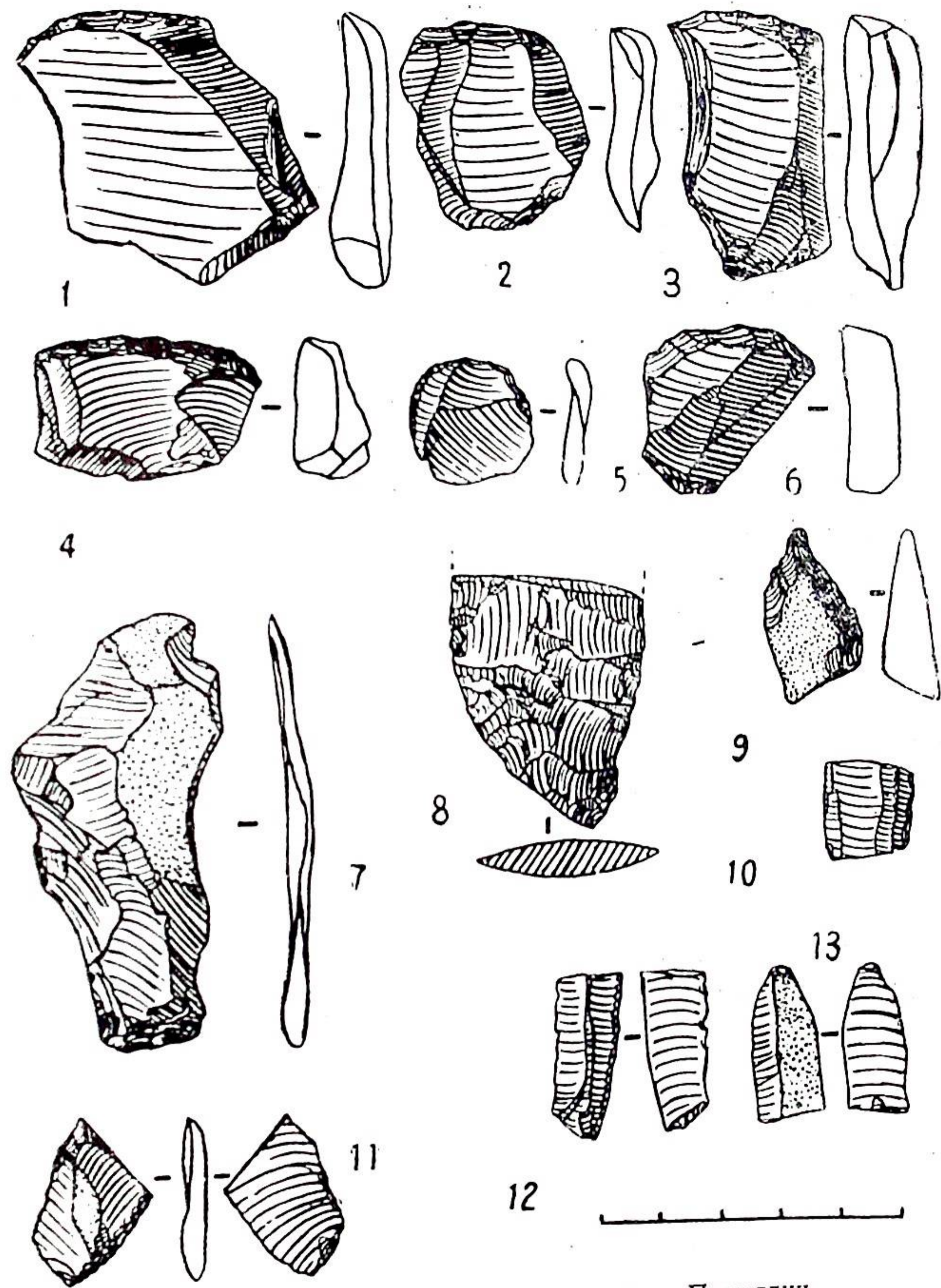

Рис. 6. Кремневые изделия со стоянки Пожегдин.

1—6 — скребки; 7 — отщеп с притупленным краем; 8 — нож; 9, 11 — сверла; 10, 12, 13 — обломки ножевидных пластин.

его длина — 5 см, наибольшая ширина — 2,1 см, толщина 0,6 см (рис. 4, фиг. 1). Остальные наконечники стрел имеют ширину 1—1,5 см, толщину 0,2—0,4 см. Судя по целым экземплярам и выразительным обломкам, серия мелких наконечников включает не менее четырех изделий с усеченным основанием (рис. 4, фиг. 4—7) и такое же количество наконечников с выемкой в основании (рис. 4, фиг. 8—11).

Нуклеусы для снятия отщепов представлены крупным экземпляром (отбивная площадка — 9 см в поперечнике, высота — 7 см) и тремя более мелкими, размерами 3×7 см, $2 \times 4,5$ см и 3×2 см. У крупного нуклеуса (рис. 3, фиг. 1) имеются фасы от снятия небольших отщепов; одна сторона сохранила негатив широкого скола; противоположная сторона скошена; отбивная площадка вогнутая.

Отжимная техника на I Ягкодской стоянке, как видно из соотношения отщепов и пластин (четыре грубые ножевидные пластины на почти 700 отщепов), практически не употреблялась. Характерно и то, что пластины встречены лишь в двух обособленных пунктах: на северной окраине поселка — два мелких экземпляра вместе со скребком на конце пластинчатого отщепа (рис. 3, фиг. 2), и к северо-востоку от дома Шахова — мелкое сечение и крупный обломок с притупленным краем (рис. 3, фиг. 8).

2. Стоянка Пожегдин. Вторая стоянка обнаружена на западной окраине д. Пожегдин, Пожегодского сельсовета, расположенной на левом берегу р. Вычегды. Памятник находится на песчаном останце I надпойменной террасы, имеющем название Ягшорсай. Останец, удаленный от русла на 350 м (рис. 5), с запада ограничен ложиной, а с востока — руч. Ягшор. Край останца, обращенный к реке, понижен до 5 м. Подъемный материал (кремень) встречен у края, в полосе с разрушенной почвой, главным образом, в двух пунктах площадью по 500—800 кв. м, удаленных друг от друга на 80 м.

Инвентарь Пожегдинской стоянки составляют восемь скребков на отщепах, два сверла, 33 отщепа с притупленным краем (рис. 6, фиг. 7), 30 отщепов без вторичной обработки, небольшой нуклеус для снятия удлинённых отщепов, 10 массивных аморфных осколков, 116 мельчайших отщепов, шесть ножевидных пластин (считая и обломки) — всего 205 кремней. 153 из них происходят с восточного местонахождения, 47 — с западного.

Скребки (рис. 6, фиг. 1—6) аналогичны орудиям для обработки шкур стоянки Ягкодж I. В их числе лишь один мелкий экземпляр; рабочий край у него полукруглый (рис. 6, фиг. 5).

Кремневый нож (рис. 6, фиг. 8) поврежден. Он имеет черешок с косо усеченным концом. В разрезе орудие линзовидной формы, сильно сплюснуто (наибольшая толщина 0,6 см при ширине 3,2 см). Обе поверхности обработаны плоской ретушью.

Одно сверло получено из аморфного кремневого осколка длиной 3 см путем обработки ретушью имевшегося у него острия (рис. 6, фиг. 9); рабочий конец сильно заполирован от вращения. Другое орудие также несет следы вращательного движения; ретушь имеется не только по жальцу, но и на тыльных краях (рис. 6, фиг. 11).

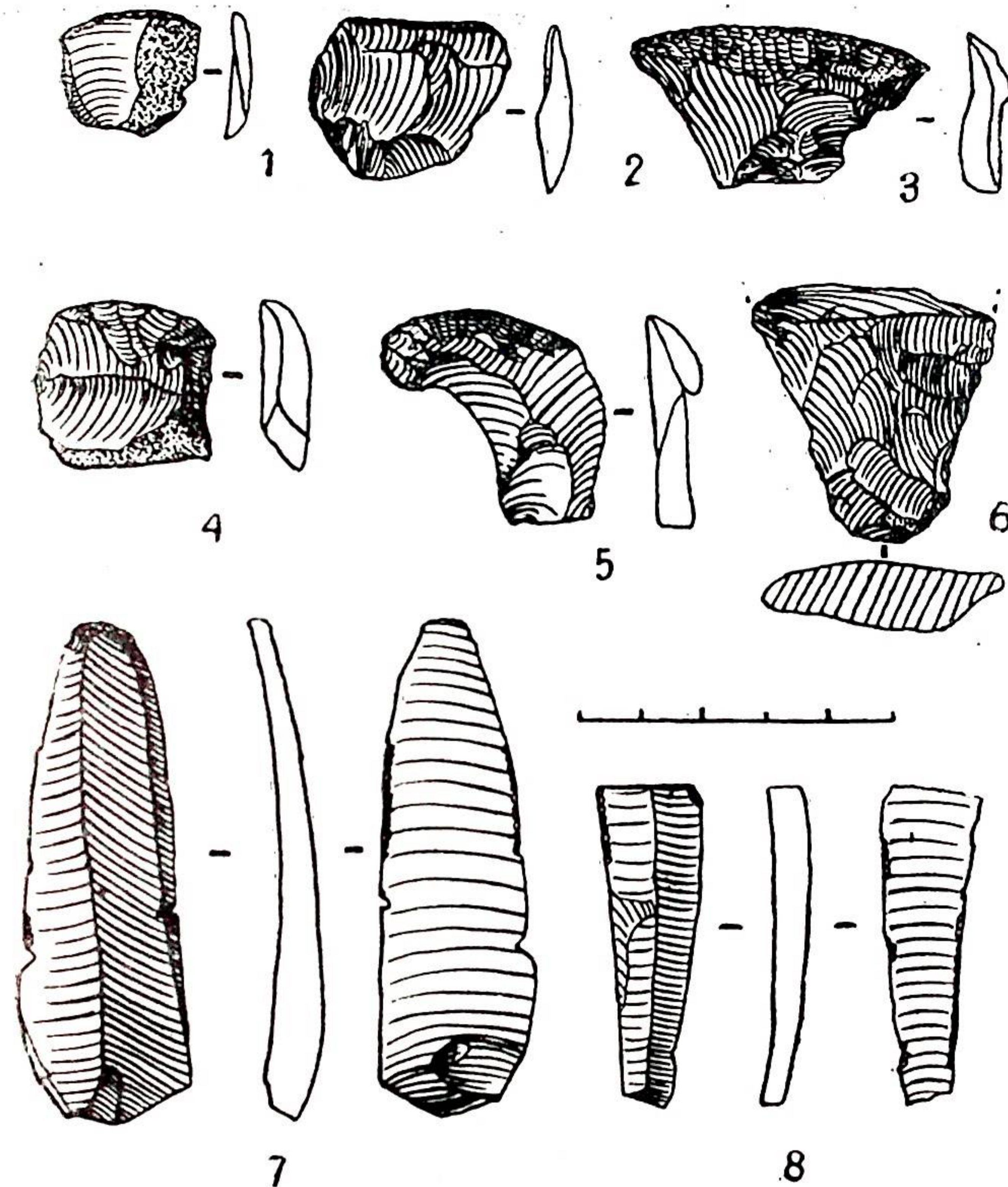

Рис. 7. Кремневые изделия с вычегодских стоянок.

1, 3—5 — скребки; 2 — отщеп с притупленным краем; 6 — заготовка изделия с плоской ретушью; 7, 8 — ножевидные пластины (1—6 — Нидзь I; 7, 8 — Пожегдин).

В Пожегдине собрано несколько ножевидных пластин, которые хоть и крупнее, чем на ранних стоянках, но также довольно правильно опранены. Кроме того, среди отщепов имеется некоторое количество ребристых, напоминающих неправильные пластины. Эти находки указывают на сохранение пережитков отжимной техники.

Пластины представлены целым экземпляром (рис. 7, фиг. 7) и пятью обломками, шириной 1,1—1,6 см (рис. 6, фиг. 10, 12, 13, рис. 7, фиг. 8), из которых три несут с брюшка и спинки краевую ретушь (рис. 6, фиг. 10, 12; рис. 7, фиг. 8). Целая пластина — дугообразного профиля и сужена книзу; она имеет длин-

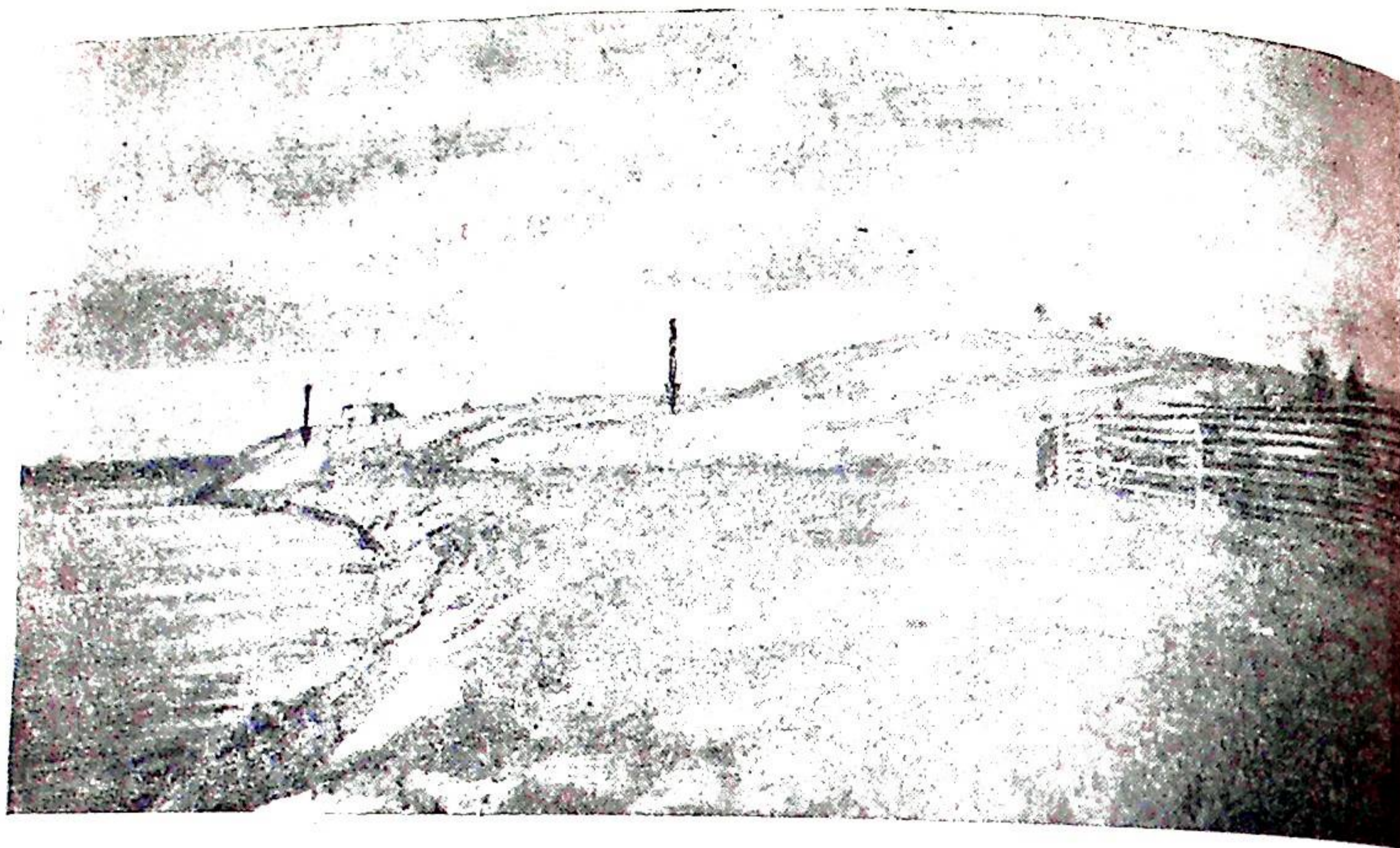

Рис. 8. Вид стоянки Нидзь I с юго-запада. Стрелками показаны местонахождения кремня.

7,5 см, ширину в средней части 2,4 см; края местами несут мелкую ретушь; суженный конец покрыт мельчайшими фасетками. Орудие, вероятно, служило ножом и концевым скребком.

3. **Стоянка Нидзь I.** Памятник находится выше устья р. Локчим, у окраины пос. Нидзь Вычегодская, на краю бортовой террасы левого берега р. Вычегды. В этом месте обезлесенная и покрытая дюнными всхолмлениями терраса удаляется от русла. Подъемный материал обнаружен на ее пониженном участке, в двух пунктах, удаленных друг от друга на 75 м; из них один расположен на высоте 10—12 м, а другой — на высоте 4—6 м (рис. 8).

На стоянке Нидзь I собрано 845 кремней, причем на первом местонахождении — 803, а на втором — 42. В числе находок пять скребков (рис. 7, фиг. 1, 3—5), 38 отщепов с притупленным краем (рис. 7, фиг. 2), два обломка заготовок наконечников копий или ножей с плоской ретушью (рис. 7, фиг. 6), отщепы без вторичной обработки (84), аморфные осколки (22) и мельчайшие отщепы (694).

Скребки аналогичны орудиям этого типа с предыдущих стоянок, но два из них отличаются более плоской ретушью по рабочему краю (рис. 7, фиг. 3, 5). Среди скребков имеются два мелких (рис. 7, фиг. 1).

* * *

Все описанные стоянки находятся на низкой бортовой террасе; они дали в основном сходный материал. В инвентаре по-

селений имеется огромное количество легких отщепов и чешуек при отсутствии или немногочисленности ножевидных пластин. Среди орудий господствуют скребки тонкой выделки на больших отщепах и отщепы с притупленным краем; встречаются поделки с плоской ретушью.

Из памятников бассейна р. Вычегды обнаруженным поселениям близка стоянка на оз. Синдорском, в 60 км к северо-востоку от ст. Княж-Погост¹.

Определить время стоянок по описанному материалу представляется возможным лишь ориентировочно. Следует полагать, что описанные памятники старше появляющихся в I тысячелетии до н. э. поселений с керамикой ананьинского облика, на которых из кремневых орудий представлены только грубые массивные скребки (упомянутая в данной работе третья группа стоянок, известные ранее Ванвиздино² и Красная Гора³). С другой стороны, стоянки Нидзь I, Пожегдин и Ягкодзь I не являются самыми древними поселениями на Вычегде; им предшествуют стоянки с микролитическим инвентарем. К этим последним типологически и, по-видимому, хронологически ближе других Пожегдинская стоянка, на которой еще сохранялась отжимная техника.

Установление абсолютного возраста стоянок затруднено ввиду отсутствия на них надежно датированных типов орудий и керамики. Однако на время I Ягкодзьской стоянки в какой-то мере указывают наконечники стрел описанных типов, бытовавшие на Севере Европейской части СССР во II тысячелетии и в первой половине I тысячелетия до н. э.⁴

¹ В. Голуб. Озеро Синдор, 1940. Научный архив Коми республиканского краеведческого музея. Коллекция хранится там же.

² А. П. Смирнов. Ванвиздинская дюнная стоянка. Труды секции археологии РАНИОН, IV, М., 1928; имеется в виду поздний комплекс памятника.

³ Л. П. Лашук. Стоянка Красная Гора близ Сыктывкара. Изв. Коми филиала ВГО, вып. 3, Сыктывкар, 1955.

⁴ См. также: Г. М. Буров. Стоянки у с. Вольдино и эпоха раннего металла на Вычегде. Труды Коми филиала АН СССР, № 9, Сыктывкар, 1960; его же. Новые материалы по археологии бассейна р. Вычегды. Изв. Коми филиала ВГО, вып. 7, Сыктывкар, 1961.

СОДЕРЖАНИЕ

Б. А. Серебренников. Историко-лингвистические заметки	3
Р. М. Баталова. Фонетические особенности оньковского диалекта коми-пермяцкого языка	9
М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков. Краткая характеристика говора сс. Мордино и Лопыдино (по р. Локчим)	38
Е. С. Гуляев. Редкие случаи употребления исходного падежа в коми языке	55
Д. А. Тимушев. Транскрипция коми топонимии средствами русской графики	60
А. Ванеев. Особенности коми стихосложения	72
Ф. В. Плесовский. К вопросу о развитии песен коми и удмуртов	105
Л. Н. Жеребцов. К изучению культуры и быта горнозаводского населения Коми края (II половина XIX — начало XX вв.)	121
Г. М. Буров. Новые стоянки в долине р. Вычегды	139

Отв. за выпуск А. Морозова

Техн. редактор И. Цивунин

Сдано в набор 22|XI-1961 г. Подписано к печати 12|II-1962 г. Формат 60×92¹/₁₆ = 4,75 бум. лист.
9,5 печ. лист. (Уч.-изд. лист. 9,3). Тираж 500. Заказ № 3923. Ц00455
Коми книжное издательство. Дом печати. Цена 75 коп.

г. Сыктывкар, Республиканская типография Полиграфиздата
Министерства культуры Коми АССР